

Джелли Берри

Забутые

16+

Джелли Берри

Забытые

«Автор»

2026

Берри Д.

Забытые / Д. Берри — «Автор», 2026

Приквел основного цикла "Пламенная кровь" «Забытые» — это повесть о влиятельной семье Де Ян, вычеркнутой со страниц истории Эфирита. Древний род Де Ян был одним из богатейших и властных домов королевства, затмевающий своим величием даже именитых Хорватов, с которыми мы познакомились в основных частях цикла «Пламенная кровь». Члены семейства имели разные титулы: от Избирателей до сенаторов, и владели множеством роскошных поместий — в том числе в небезызвестных Золотом и Белом кварталах. Династия «Забытых» обрывается за семьдесят лет до рождения Леи, поэтому ни Августин, ни Джуллиан ни прочие их современники — даже король Воранд Мирный — не смогут ответить на вопрос: кто же такие эти люди из рода Де Ян. О том, что случилось с их потомками и почему в королевстве не сохранилось ни одного упоминания об этом семействе, узнаем дальше. Узнаем и о том, как одна неправильная влюбленность одного из Де Ян поставила огромный крест на их будущем.

© Берри Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Лив	12
Глава 2. Виктор	17
Глава 3. Лив	23
Глава 4. Гретта	30
Глава 5. Виктор	36
Глава 6. Поль	44
Глава 7. Виктор	50
Глава 8. Лив	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джелли Берри

Забытые

Пролог

Публика загремела аплодисментами. Мужчины свистели, женщины сыпали воздушными поцелуями, ввысь, прямоком к королевским знаменам, летели подброшенные головные уборы. Мелкий пажонек ворвался в тронную залу и оросил зрителей лепестками белых роз, герольды схватились за фанфары, и вот шум гогочущей трубы уже заглушает восторженные кличи толпы. Виктору совсем недавно исполнилось восемь, и к этому возрасту он понял, что ненавидит шум. Хотелось зажать уши руками, но матушка не давала пошевелиться. Ему не разрешалось трогать уши, хлопать в ладоши и бросаться шапкой — потому что он Де Ян, богоподобный и неповторимый, таким, как он, непозволительно уподобляться челяди. Он сидел на высоком помосте рядом с матерью, сестрой и братом, наблюдая своими черными глазами за посвящением отца. Ему было невыносимо скучно, одиноко и сонно.

Казалось, никто другой не разделяет его чувств в этот момент. Матушка — почти тридцатилетняя аристократка с тонкими, злато-рыжими волосками и большими серыми глазами, шибко увлечена любованием своим мужем. Она улыбается, как зачарованная, и смотрит на Освальда Де Яна так, словно тотчас наброситься на него не обуздав вспыхнувшей в ней страсти. Должно быть, вид его белых одежд воистину ее взбудоражил. А когда король Ризмунд водрузил золотые наплечники и золотую цепь ему на грудь, она вовсе едва не ахнула вслух. Теперь она жена не просто лорда Найтфэлла, она жена предводителя Избирателей, и этот титул кружил ее голову. Другими словами, в отличии от Виктора, миледи Присцилле точно скучно не было.

Может, младший брат тоже увядает, не в силах вынести этой придворной канители? Виктор задается вопросом и смотрит на маленького Конрада. Впрочем, не такой он уж и маленький — шесть лет мальчишке, не сильно отстают от старших. Конрад смотрит на отца, Освальда Де Яна, нового предводителя, но, к счастью, без безумного обожания в глазах, что их матушка. Чудится, Конраду не терпится угоститься сливками, но ему нельзя шевелить ручонками, как и самому Виктору. Младшенький изредка опускает серые глаза на стол, цепляется взглядом за пиалу нежного десерта, и, сглатывая слюну, снова глядит на отца. Золотые наплечники и белый плащ явно не так интересны ему, как ложка свежих, пышных сливок, но виду он не подает — боится, что после торжества отхватит от матери за плохие манеры.

А что же сестра? Виктор смотрит в бок, на свою близняшку, и та, подобно матери, вся поглощена отцовским триумфом. Ничего удивительного, Дебора, как говорится, дочь своего отца. Его маленькая принцесса, его счастье, его смысл жизни — она не могла ответить ему меньшей любовью. Папина дочка вся пышет гордостью и восхищением за своего главного кумира — дорого папеньку, хозяина семейства Де Ян. Виктор глубоко вздыхает, стараясь сделать это крайне тихо и незаметно, чтоб матушка не подумала, что он недостаточно рад за отца, а потом смотрит вправо и видит горстку сенаторов, в числе которых находит своего дядю, с которым познакомился лишь этим утром.

Аскольд, родной папин брат, был младше его на четыре года, но, почему-то, стареть он начал раньше. Невысокий, с худым лицом и тусклыми голубыми глазами, он был полной противоположностью Освальда, а лучше сказать, был его тенью. Аскольд Де Ян молодой сенатор, потомок достопочтенного рода, а видом жалкий и угрюмый, как бездомная истощавшая собака. Только он смотрел на Освальда с тем же безразличием, что и Виктор. Только он, а все прочие родственники не стеснялись выставлять бурные эмоции на показ. А потом Аскольд

посмотрел на племянника, и мальчик невольно задержал дыхание. Было в лице дяди нечто странное, нечто пробирающее и, как-будто, навеки погасшее.

Виновник торжества Освальд Де Ян улыбается толпе и машет им рукой, облаченной в белую перчатку. Ему всего двадцать восемь, а он уже опытный охотник за одаренными, к тому же, теперь еще и увенчанный предводительской золотой цепью. Его кожа отливает бронзой летнего загара, на фоне которой ряд белоснежных зубов едва не светится, когда он улыбается. Все придворные леди без ума от его сверкающей улыбки, и от озорных, игривых глаз цвета лазури, и от его идеальной, всегда аккуратно подстриженной бородки цвета белого песка. Он, безусловно, рожден с природным шармом, поэтому ему не нужно прикладывать много усилий, чтобы влюбить в себя публику. Достаточно вот так вот ослепительно улыбаться, да махать рукой, и все придворные леди уже готовы лизать его белоснежные ботинки. О том, что всякая юная особа при дворе по уши влюблена в Освальда, известно всем — в том числе его жене, Присцилле. Казалось бы, женщина должна умирать от ревности, но ни тут было. Присцилла, наоборот, вся горит страстью, замечая, как десятки дам поглядывают на ее мужа помутненными похотью глазами. Конечно, Освальд Де Ян неотразим, и он принадлежит ей, и пусть все женщины королевства посему ей завидуют. Виктор обрадовался, когда Освальд вернулся к их помосту, а королевская свита рассосалась по разным углам. Теперь настало время пировать, да танцевать. Наконец ему можно закрыть ушки.

— Смотри на меня, сын мой, — сказал отец, сжимая плечо Виктора в своей крепкой ладони. Отец указывал на томно мигающую цепь, покачивающуюся на груди, — видишь этот блеск золота на мои плечах? Видишь, как безупречна белизна плаща? — Виктор кивал, матушка следила за ними с пьяной, рассеянной и в край блаженной улыбкой на губах, — ты тоже однажды облачишься ими. Мой первенец, моя гордость, ты станешь великим Избирателем, превзойдешь и меня, и деда, и его отца.

— Быть великим — неизбежная участь каждого, рожденного с фамилией Де Ян, — хихикнула Присцилла, поглаживая белокурые волосики Виктора. Он продолжал внимать их слова с молчаливой задумчивостью. Видимо, у меня нет выбора, решил тогда восьмилетний Виктор, я должен стать великим, по подобию своего отца и деда.

Виктору исполнилось десять. Десять лет — возраст достаточно солидный, так посчитала его матушка, и посему решила привести его в Коробочку. Вместо роскошных именин — яркого праздника в честь молодого милорда — Присцилла удумала приблизить мальчишку к тайному ремеслу семейства Де Ян. Свой десять год мальчик встретил в пыточной комнате.

— Это Коробочка, мальчик мой, — ласково говорила Присцилла, поглаживая его светлую, мягкую, почти пушковую шевелюру. Виктор едва слышал ее, материнский голос, увы, тонул в криках подопытных, — помнишь, ты спрашивал меня, что такого интересного прячет папенька в подвалах нашего замка? Теперь ты знаешь.

Виктор сделал шаг вперед; по ближайшей двери застучали кулаками, из окошка, заделанного ржавыми прутьями, высунулись две изуродованные ожогами руки. Виктор открыл рот, рассматривая почерневшие ногти и желтую, разлагающуюся кожу тонких предплечий. Снова раздался утробный крик, и мальчик закрыл уши руками. Матушка мягко погладила его костяшки и аккуратно убрала его руки; она не хотела, чтобы он прятался от своей судьбы.

Они медленно шли по темному и сырому коридору катакомб Найтфэлла. Тоннель был усыпан камерами, где держали подопытных людей, тех самых, чьи крики вынуждали мальчика шарахаться и морщиться. Последняя дверь оказалась приоткрытой, и сквозь тонкую щель он увидел беременную женщину с рыжими волосами и золотыми глазами. Она была замучена и изнурена, ее раненные ладони держались круглого живота. Мертвый золотой взгляд поднялся на Виктора, но матушка поспешила прикрыть дверь; мальчик, однако, уже не мог стереть осунувшееся лицо одаренной женщины из мыслей.

В Коробочке были не только пыточные камеры. Спустя несколько минут прогулочной ходьбы Виктор увидел просторную подземную комнату, полную до краев чертежами, столами с инструментами, ящиками, колбами и котелками. У свободной стены стояла дыба и койка, покрытая засохшими коричневыми пятнами, в полумгле казавшиеся точно черными. Тут было жарко, душно и воняло кровью. В центре комнаты он нашел отца, одетого в белую форму, и зрелого мужчину лет сорока. Оба посмотрели на мальчика и широко улыбнулись; в глаза Виктора бросилась яркая, белоснежная улыбка отца и кривая, желтозубая улыбка незнакомца. Он был одет хуже бродяги, а пахло от него и того сквернее.

— Вик, мой мальчик! — отец раскинул руки в стороны, золотые наплечники тускло блеснули под светом масляной лампы. Присцилла легонько толкнула сына, чтобы он скорее подошел к отцу. Виктор неуверенно зашагал ему навстречу.

— Что это за место, папенька? — спросил Виктор, хлопая ресницами. Ладонь отца повоорила его белокурые волнистые волосы. Незнакомец в плешивой мантии улыбнулся шире, наблюдая за ним с высоты сторбленного тела.

— Это особенное место, такого ты не найдешь в других замках, — ответил ему Освальд нерасторопным голосом, Присцилла улыбнулась своей привычной блаженной манерой, сложив руки на животе, — Это Коробочка, сын. Ее возвели вместе с самим Найтфэллом, вот настолько она стара.

Виктор осмотрелся еще раз. Он оробел, увидев на захламленном столе открытую банку, полную до краев выколотыми золотыми глазами. Рядом с ней стояла банка, наполненная вырванными ногтями, а еще дальше томилась банка с выбитыми зубами. Мальчик ощутил, как у него слабеют колени.

— Что здесь нужно делать?... — дрожащим голосом спросил мальчик, почему-то к глазам его подкатились слезы. Ему стало дурно, но он не знал, из-за чего.

— Здесь мы служим Богу, — со всей серьезностью ответил отец, больше не улыбаясь белоснежными зубами. Он опустился перед мальчиком на корточки, его бледные, голубые глаза точно светились как лампы на фоне загорелой кожи, — мы обременены важным долгом, сын мой. Все урожденные Де Ян должны нести это бремя.

— К-какое бремя, отец? — голос Виктора сипел. Он боялся случайно зарыдать во всю глотку. К этому глупому решению его подталкивали утробные, воющие и молящие стоны, раздающиеся из пыточных камер, и вид выколотых золотых глаз, которые словно смотрели на него в ответ.

— Бремя истины. Мы ищем истину, Виктор. Благодаря нам солнце никогда не потухнет, и короли рода Сонцето смогут править долго и счастливо, — Освальд повернулся к незнакомцу в плешивой мантии. Горб на его спине тогда еще только рос, но спустя лет десять его позвонки искривятся дугой, — Лоренс, приведи к нам мальчишку. Того самого, кого ты изучал последний месяц, — незнакомец по имени Лоренс откланялся и направился в сторону пыточных камер. Отец нагнулся к уху сына и добавил: — это Лоренс, наш алхимик. Он помогает нам служить Солнцу правильно.

Спустя мгновение Лоренс привел молодого паренька. Он был костлявым, замученным и грязным, а его шерстяные штаны пропахли испражнениями. Золотые глаза юноши смотрели в пустоту, брови дрожали нервным тиком, а сальная рыжая голова, кажется, страдала облысением. Проплешин у него на макушке было больше, чем на мантии Лоренса. Тоненькие ручки по толщине были с пальчик Виктора, и он мог видеть каждую, даже самую маленькую венку на его кистях и плечах. Челюсти одаренного пленника ходили ходуном, будто ему нестерпимо холодно. Лоренс, с бросающейся в глаза заботливостью и лаской, подвел Пламенного к дыбе и стал подстегивать к ремешкам его конечности. Орудие для пыток парня явно не пугало, он не подал никакой реакции и только продолжал таращиться в пустоту. Виктор громко сглотнул, разглядывая его неподвижное лицо, казавшееся таким же неживым, как у огородного чучела.

— Три года назад я решил изучить сам процесс исцеления, — заговорил скрипучим голосом Лоренс, беря в руки тонкую продолговатую указку, вырезанную из олова. Концом указки он водил по иссиня белой коже Пламенного, обводя каждый шрам и синяк. Конечности Пламенного были так сильно натянуты в стороны, что Виктор боялся увидеть, как его разорвет на части, — и вот, что я выяснил: у всякого исцеления есть порог. То есть предел, при котором он может сработать, а может и не сработать. Смотрите, господин, ни один синяк и шрам с последнего моего эксперимента так и не был залечен юношей. Потому что он не мог. Я ослабил его нарочито, чтобы выяснить, при каком состоянии дар прекращает работать.

— Чудно. Согласись, Виктор? В нашей Коробочке мы раскрыли столько тайн Пламенного дара, что вскоре с гордостью скажем: нам понятен замысел Солнечного Бога, — с тихим восхищением промолвил Освальд, тряся сына за плечи. Виктор не мог прекратить разглядывать почти мертвого парня на дыбе.

— Н-но ему ж-же больно, — выдавил из себя Виктор, — разве Солнышко любит, когда людям больно?

— Нет-нет, ты все неправильно понял! — затрепетал отец, указывая рукой на пленника, — больно его телу, но не душе. На самом деле он понимает, что становится частью крайне невероятных открытий, во имя королевства и таких же Пламенных, как он сам. Мы несем огромную пользу, сын. Если бы не наши попытки добраться до истины, солнце навеки бы погасло, понимаешь? — Виктор медленно кивнул. Да, кажется, он начинает что-то понимать, — приходится нести некоторые жертвы, но какие подвиги свершаются без них? В стенах Коробочки таятся сотни знаний о Пламенных, сотни разгадок, которые так ждал Безликий.

— И ты унаследуешь это достояние, сын, — отозвалась вдруг Присцилла, делая аккуратные шаги к мальчику, — ты должен продолжить дело своего отца и деда. Ты — Де Ян, и возможно, благодаря тебе мы свершим историю. Раскроем все таинства нашего Божества и отдадимся в его теплые благодарственные объятия.

Виктор снова смотрит на пленника, безобразного, как пугало. Рядом с ним стоит Лоренс, улыбающийся своими желтыми зубами, неподалеку от них пылится стол с выколотыми глазами и вырванными ногтями. Конечно, как я мог сомневаться в благоразумии своего отца, осознал мальчик. Это не зверство, не ужас и не ночной кошмар — это благо, и мой род вот уже не первое десятилетие за него радуется. Мы чистим путь к солнцу через истину, не боясь идти на жертвы. Такое подвластно не каждому. Да, верно, только нам — великим и непревзойдённым Де Янам.

Виктору стукнуло тринадцать лет. В этом возрасте, впрочем, как и большинству мальчишек, ему стали интересны турниры, дуэли и драки. Отец вот уже как полгода учит его фехтованию, попутно подготавливает первенца к вступлению в орден Избирателей. Виктор не может дождаться этого дня, ведь нет ничего благороднее службы королю, Богу и белому плащу. Но, как бы ни манили его битвы, семейству Де Ян чаще приходится идти другим путём, путем милосердия. Ведь они не только могущественны и богаты, но и добры, бескорыстны и щедры. Сегодня матушка устроила благотворительный вечер для простолюдин из Восхода — Найтфэлл делился с ними рубашками, едой и даже Пламенным даром. Никто, кроме Де Ян, не позволял крестьянам познать чудесного исцеления; тогда Виктор снова убедился, что кровь его рода особенная. Во всем королевстве не найти людей совершеннее их.

Присцилла кормила нищих похлебкой, и очередь к лавке, где раздавали еду, казалось, тянулась бесконечно. Старые, облезлые и вонючие крестьяне награждали ее благословением, молились за нее Безликому, одаривали беззубыми улыбками, а она со всей искренностью улыбалась им в ответ. Получив порцию еды, они шли к шатру, который сторожила юная Дебора. В этом шатре поджидал одаренный, что исцелял любую их болячку, и выходили они из шатра здоровыми, счастливыми, и до слез признательными добрым господам из Найтфэлла. Затем их встречал Конрад: он раздавал нищим одежды, которые портнихи шили из остатков шерсти.

Правда, одиннадцатилетний Конрад выполнял свою часть неважно, и куда больше он отводил внимание пойманным бабочкам. Отцовский псарь наловил ему дюжину красивых бабочек, и Конрад вот уже второй день возится с ними. Ему нравится отрывать им крылышки и наблюдать за тем, как скоро они умрут. Потом, конечно, к нему подлетел отец и смачным подзатыльником потребовал вернуться к работе, и маленькому Конраду пришлось дальше передавать рубашки нуждающимся.

Мы помогаем им, воодушевлено думал Виктор, наблюдая за благотворительным вечером со стороны, мы не просто правим востоком, но и оказываем ему бесценную помощь. Я должен продолжить это благородное дело. Освальд Де Ян стоял в сторонке и был занят лишь тем, что одаривал публику простолюдин сияющей улыбкой и принимал их благодарность крепкими рукопожатиями. Любой другой вельможа ни за что не тронул бы руки грязной челяди, а Освальд не побрезговал пожать им ладони — ну разве нужны еще какие-то доказательства того, что мы особенные?

В тот же год Виктор привел в Коробочку своего приятеля по имени Тикки. Конопатый мальчишка родился в семье отцовского конюха и придворной горничной. С таким происхождением он не имел права даже мечтать о дружбе со знатным отпрыском, но в замке Найтфэлл, где правят Де Яны, все невозможное становится возможным. Виктор знает этого мальчишку уже давно и посему решает похвастаться ему чудесами, которые хранит Коробочка, уверен, Тикки оценит ремесло династии по достоинству. Но стоило ему увидеть окровавленную дыбу и разбросанные по столу отрезанные ладони, принадлежавшие когда-то одаренным, как Тикки с визгом убежал прочь. Никакие слова Виктора о благе и высшей цели не смогли успокоить напуганного сынишку конюха. Впрочем, жест Виктора не оценил и сам Освальд Де Ян.

— Нельзя говорить о Коробочке с посторонним, — Освальд избил первенца. Виктор лежал на холодном полу своей спальни, истекая кровью, — нельзя говорить о ней первому встречному, ты понял меня, Вик?

— Н-но п-почему... — хрипит мальчик, пытаясь встать, но отец снова отправляет его на пол пинком, — люди должны знать, что мы трудимся ради них... ради милости Солнца ко всем, кто рожден в королевстве...

— Наши хлопоты должны оставаться тайной, — Освальд опустил перед сыном на корточки. Он вяло улыбался мальчишке, поглаживая его белокурые волосы, залепанные кровью, — иначе все наши усилия пойдут коту под хвост. Безликий требует, чтобы открытия во имя его оставались тайной до тех пор, пока все загадки Божественного замысла не будут раскрыты. Ты понимаешь меня, Вик?

— П-понимаю, — сплевывая кровь отвечает мальчик, — прости, отец... я больше никому не расскажу.

— Славно, — улыбается Освальд и оставляет его наедине с болью от ударов.

Виктору стукнуло вот уже четырнадцать лет. Теперь он новобранец, и вскоре его спину укроет белый плащ. Вопреки всем правилам, он тренировался отдельно от прочих солдат — вместо столичного королевского двора его учебным полем стал двор родового замка Найтфэлл. Здесь его обучал отец, предводитель, который и сам не частил с визитами в столицу; бегал то по поручениям, вылавливая Пламенных, то был слишком занят заботами в Коробочке. Ну, ничего, стоит Виктору подрасти еще немного и он разделит этот тяжелый труд с отцом. Вместе с ним, к слову, во дворе тренировался и другой новобранец — юный Конрад, которому было всего двенадцать. Младший брат вновь отлынивал от отцовского указа, и вместо того, чтобы работать мечом, он гонялся за пролетающими над башнями голубями. Голубей в руках Конрада ждала та же участь, что и бабочек. Ему очень нравилось наблюдать за всякой живностью, особенно после того, как он эту живность изувечивал. К своим двенадцатым именинам Конрад был знаком с Коробочкой и даже успел сильно прикипеть к старому Лоренсу, который учил его алхимической науке. Все эта учеба завлекала братца гораздо глубже, нежели битвы и

сражения. Неподалеку от них сидела Дебора, близняшка Виктора, и со скучающим видом она наблюдала за голубиной охотой Конрада, после чего лениво вела взгляд до махающего мечом Вика. Иногда она выпускала короткие зевки. Ей тоже хотелось выбежать на учебное поле с мечом, но отец сказал, что она станет новобранцем лишь после того, как обучится шитью, истинно женскому труду. Довольно быстро стало ясно, что юная леди не пыталась любви к спиджам. Отец сжалится над ней лишь через полгода, и она станет тренироваться вместе с братьями с небольшим опозданием.

Тренировку Виктора прервал отец. Освальд был так тороплив, что не заметил, как халтурит младший сын, бегающий не с мечом, а с голубем в руках.

— Идем за мной, мой мальчик. Время пришло.

Загадочная фраза отца взбудоражила Виктора. Неужели у них остались тайны, еще мне неизвестные? Как оказалось, так оно и было. Лишь по достижению зрелости мальчишке удалось приоткрыть занавесы куда более странных и мрачных тайн семейства Де Ян. Путь их лежал во всю в ту же Коробочку. Виктор не представлял, что ему откроется в уже хорошо знакомых стенах комнаты с пытками и гениальными экспериментами старика Лоренса. Они прошли камеры — в уши вонзились привычные истошные вопли и женский плач, и Виктор поморщился. Привыкнуть-то он привык, а шум — любой, даже бречание посуды на кухне — все еще досаждал его чуткому слуху. Затем они прошли ученую обитель алхимика, тот, в прежней скрученности, сидел за столом и увлеченно разрезал пополам золотой глаз маленьким серебряным ножичком. Интересно, что в этот раз старый Лоренс пытается найти? Он был уверен, что некая магия кроется в золотых глазах одаренных, поэтому нередко пополнял ту самую баночку новыми глазными яблоками. И все резал, резал и резал их. Виктор не стал задерживать внимание на Лоренсе, старик и его параноя не были уж невыносимо любопытными. Куда любопытнее сейчас — наблюдать за отцом. Он подошел к железной двери, закрытой железными ставнями, и бросил на сынишку многозначительный взгляд, сопровождаемый легкой, уверенной улыбкой. Эту дверь, обычно, прятали за деревянным полотном, поэтому Виктор не знал о ее существовании.

Освальд потянул железную ручку, петли закричали, и ему предстало зрелище, к которому он не был готов. В просторном подземном помещении был возведен бассейн из черного мрамора, и он был наполнен ничем иным как кровью. Настоящей, густой, испускающей зловоние кровью, и ее было так много, что она доходила до щиколоток. В этом бассейне плескались голые женщины и мужчины, в числе которых Вик нашел свою мать — обнаженную, окровавленную и как всегда блаженно улыбающуюся. Остальные люди ему были незнакомы.

— Тебе следует окунуться, — сказал Освальд, но Виктор был так сражен, что не мог даже вздохнуть. Он все таращился на бассейн, окруженный пылающими свечами, да на людей, которые, обмазавшись кровью, предавались сладострастию. Мальчику стало так плохо, что он не сдержал рвотного позыва и очистил желудок в первое попавшееся ведро. Отец мягко гладил его спину, дожидаясь, когда сын придет в себя.

— Это... что это, отец? — скулил Виктор, боясь открыть глаза и увидеть мать в центре творящегося мракобесия. Отец обнажился и также окунулся в бассейн.

— Ванна из одаренной крови, — улыбнулась Присцилла, тающая в объятиях незнакомого мужчины. Освальд примкнул к молодой девице и та припала к его груди. Виктор подумал, что попал в крайне дурной сон.

— Одаренная кровь должна вымыть из наших тел старость и всякое уродство, — поддерживая слова Присциллы заявил Освальд, приманивая сына к граням бассейна, — сохранив молодость и красоту мы обретем бессмертие. Во имя служения Безликому, мы должны омыться кровью детей солнечных ангелов и продолжить нести бремя поиска истины.

— Нет, я не могу, — Виктор отвернулся, опираясь на изрезанную из мощного камня колонну, — я не могу, отец, я не хочу этого.

— Ты должен, — процедил Освальд, обнимаясь с двумя красавицами, мурлыкающими на его смуглой груди, — ты мой сын, ты — Де Ян. Омования в одаренной крови это важный ритуал для нашего рода. Мы обретем бессмертие и свершим великое открытие во имя Солнца.

— Иди к нам, Виктор, — лелеющим тоном молвила матушка, — только так ты станешь частью нашей семьи. Докажешь, что ты сын своего отца.

И Виктор пошел. Откликнулся на зов матери и, пуская молчаливые слезы на подбородок, окунулся в бассейн. Липкая, смердящая и холодная жижа окутала его тело, и он задрожал, словно упал в ледяную прорубь. Какая-то девушка поспешила поцеловать его, другая, озарившись рассеянной улыбкой, стала ласкать его пальцы своими губами.

С тех пор ему еще не раз приходилось участвовать в родовом ритуале. С тех пор Виктор не выносил вида людской наготы также, как не выносил шума.

Но и это бесчинство он нашел, чем оправдать.

Наконец ему исполнилось пятнадцать. Сегодня день его посвящения в Избиратели, и он встретил приход полудня в стенах королевского дворца, встав на колени перед его величеством Ризмундом и своим отцом предводителем. Со зрительских трибун за ним наблюдала сестра, которой белый плащ положен через год в лучшем случае, и дядя, сенатор по имени Аскольд. Освальд и Дебора горделиво улыбались, когда Виктор давал клятву, произнося ее с чувством, с душой, с искренней верой в свое великолепие. А Аскольд смотрел на него в глубочайшей понурости, что запомнилась мальчишке еще с того дня, как отца нарекли предводителем. Семь лет назад Аскольд наблюдал за родным братом с упреком в глазах, нынче же с тем упреком наблюдал за племянником.

Конрада на трибунах нет, как и матушки; младший постигает алхимию подле Лоренса, а Присцилла с раннего утра молиться в Солнечной церкви. В столице празднуют срединницу, и Присцилла не могла пропустить церковную службу. Она была пылко верующей, и с раннего детства выказывала ярое боголюбие, которому могли позавидовать даже жрецы.

Виктор дал свою клятву. Приняв поздравления от короля, отца и сестры, он понесся за дядей, который почему-то уж очень спешил покинуть зрительские трибуны. Он словно убегал от племянника, но тот не дал ему возможности скрыться — нагнал его в коридоре раньше, чем тот скользнул за поворот.

— Дядя! Куда же ты бежишь! — смеялся Вик, схватившись за кромку его увесистой синей мантии. Аскольд посмотрел на юнца через плечо. Поникшие голубые глаза нашли белый плащ за мальчишеской спиной. Дядя скривил губы.

— Сенатору непозволительно тратить время на чепуху, — произнес тот хриплым голосом, и Виктор впал в замешательство. Какая же это чепуха — что может быть благороднее посвящения?

— Я стал Избирателем. Ты не желаешь меня поздравить?

— А тебе от этого радостно? — пустяково бросил Аскольд. Парень насупился, — что же, если тебе это событие греет душу, то поздравляю.

— Теперь я истинный Де Ян, — почти шепотом сказал Виктор, и дядя изобразил искусственную улыбку на своих обветренных губах.

— И впрямь, — с вопиющей небрежностью ответил он, — теперь ты вылитый Де Ян, — заключил дядя, словно оскорбив юнца, и, кинув напоследок холодный взгляд, поторопился удалиться как можно дальше. На сердце Вика остался непонятный, гадкий осадок.

Глава 1. Лив

Святейшество болен. Лив было достаточно услышать лишь случайно пущенный слух, сказанный шепотом, чтобы бросить поколотые бревна и помчаться со всех ног в лазарет. Придерживая в руках клочки мешковатой котты, она несется через весь клуатр, едва не сбивая с ног престарелых монахов, нерасторопно прогуливающих вдоль галереи, затем нарушает покой скриптория, за что, разумеется, ловит недовольные взгляды. Святейшество болен, это важнее бережливого хранения тишины мастерской — так оправдывала себе бедняжка, почти сходящая с ума от волнения. Дрожащими пальцами она убирает рыжие локоны за уши, остановившись напротив дубовых дверей в лазарет. Заходить не торопится, боится, что за ними ее ждет не больной, а уже мертвый дядюшка. Вдруг я не успела? Вдруг его душа уже на солнце? Тем не менее, она решительно, пускай и со слезами на золотых глазах, толкает двери — а внутри, как оказалось, не больных, не мертвых. Никого нет. Лазарет пуст, и только послушницы намыывают полы, не обращая внимания на взлохмаченную Лив, застывшую на пороге.

Неужели похоронили? Ахает она и почти падает без чувств от этой мысли. К ее же счастью, она находит Святейшество не в могиле и не на пепелище похоронного костра, а в мужской келье. Все монахи на утренней службе, койки пустуют, и только один седовласый пухляк сидит в самом конце комнаты.

— Лив? Это мужская келья! — сразу возражает Святейшество, но Лив пропускает его упрек мимо ушей. Уже в следующую минуту она висит на его розовой и мягкой шее, плача не то от волнения, не то от радости.

— Я думала, вы умерли! — пищит та, и Святейшество пытается аккуратно отцепить ее от себя, словно младенца, не желающего расставаться с маменькой.

— Что за глупости, я живее всех живых! Ну, выпил прокисшего молока чуток, но это не смертельно, — она отстраняется, выпячивает вперед светящиеся ладони. Намек понятный — предлагает быстренько избавиться от последствий кислого напитка. Святейшество лишь качает головой, улыбаясь мягкими губами, и убирает ее руки подальше от своего торчащего живота, — не стоит. Ты знаешь, что я не стану пользоваться твоим даром.

— Почему же? — он и раньше, болея куда серьезнее, отказывался от ее помощи, но Лив никогда не могла понять, отчего дядюшка так осторожен с ее Пламенным исцелением, — Его ведь меньше не будет. И я не перетружусь.

— Просто... не надо, — хрипит старец, — я чувствую, что это... сложнее, чем кажется. Твой дар — он лишь твой и ничей больше. Так желает само Солнце.

Теперь Лив тоже улыбается. Смиренно и понимающе, а еще немного удивленно. Не каждый в Эфирите мог сказать такое о Пламенном даре. Не каждый в королевстве так чуток с рыбами, чей удел с рождения — исцелять вельмож. Поэтому Лив и живет в монастыре Света, поэтому этот монастырь единственное место, где ей и ей подобным безопасно. Благодаря доброте дядюшки она может не бояться ни королей, ни белых охотников, ни рабства, древнего и дремучего, как сам свет.

Святейшество трепет ее рыжие волосы, и она хихикает. А потом баловство кончается, когда он вспоминает, что она все еще гостит в мужской келье, куда женщинам вход закрыт.

— Давай, беги отсюда, Совушка! — говорит он, и она послушно поднимается на ноги, — и больше так не делай! — грозит пальчиком тот, и она клянется ему так низко, что видит слой пыли на каменной кладке пола.

Дядюшка Барк называет девчонку Совушкой, наверное, с того самого дня, как приютил ее в монастыре. Что десять лет назад, что сейчас, Лив имеет поразительную схожесть с совой: у нее такие же большие и круглые глаза, маленький рот, надутые щеки и мелкий нос с опущенным кончиком, напоминающий совиный клюв. Радует, что нравом она уж точно не сова: встает

с первыми лучами рассвета и весь день без устали трудится. Даже сейчас, пережив смесь самых страшных чувств, она молча возвращается во дворик, где бросила бревна, собирает их и идет топить очаги. Шел второй летний месяц, но на дальнем севере, где стоит монастырь Света, без огня и костра протянуть сложно даже в самые ясные дни.

Когда с разведением очагов было покончено, Лив спешит в женскую келью — надо сменить испачкавшийся фартук и, желательно, котту, прежде чем идти на обеденное песнопение. Капеллы уже наполняются послушницами, и Лив очень боялась, что не успеет к началу. Впрочем, ее близкая подруга по имени Гретта, которую она встречает в келье, явно таким страхом не страдает. Вместо того, чтобы со всех ног мчаться в капеллу, Гретта валяется на койке в ночной сорочке, в которой, разумеется, далеко от спальной комнаты не выйти.

— Гретта! Почему ты здесь? Полдень уже! — да, в отличии от Лив, Гретта не была трудолюбивой. Это не последнее, и, что важно, не самое главное их отличие. Из общего у них был только дар — Гретта тоже была Пламенной, бежавшей в монастырь от Избирателей, но на этом схожести заканчиваются. Характеры у них разные, как небо и земля.

— Я не пойду, — лепечет Гретта, покачивая тонкими ножками и перелистывая страничку поэмы о запретной любви прекрасного рыцаря к замужней леди. Лив бросает с себя грязный фартук и роется в сундуке, в надежде отыскать приличное платье для службы.

— Как это не пойдешь? Так нельзя! — в последнее время Гретта нарушает все больше правил, и кажется, испытывает все меньше стыда. Лив таким талантом не обладала — она обладала лишь чуткой совестью, чей глас никогда не смолкал, — ты и так совсем не помогаешь на кухне. И уборку не делаешь. Теперь еще песнопения пропускаешь. Еще немного и тебя отсюда выдворят!

— Ну и пускай, — зевнула Гретта, снова перелистывая страницу. Последние несколько строк поэмы кажутся ей невозможно скучными, — скоро мне вовсе не придется жить в этой тюрьме. Скоро я буду свободна, — Лив находит среди залежи одежек очередную мешковатую котту бурого цвета. Эта, хотя бы, не пахнет костром и не изобилует землистыми пятнами.

— Истинная свобода лишь в вере в Солнце, — повела плечами Лив, поправляя широкие рукава, — ты не будешь свободной, пока твоя вера слаба. Так говорила моя матушка.

— И где она теперь? — ехидно хмыкнула Гретта, смотря на подружку через плечо. Лив закатила глаза, — мы проверили твою идею, она не сработала. Давай теперь попробуем помоему. Возможно, рабству вовсе осталось меньше года. Сильвуд всех нас спасет.

Сильвуд в глазах Гретты это и принц, и рыцарь, и сам Бог. Бастард Алана Рейси, милорда Норквилля, решил бросить вызов родному отцу и тем порядкам, которым он потакает. Что же, успехов пока негусто. Все, чего добился Сильвуд, — заслужил кличку «Отважный Изгой». Лив смотрит на подружку и недовольно качает головой. Жаль, она, в отличии от Гретты, далеко не из тех, кто нагло рушит чужие мечты. Поэтому глумится над ее верой в Сильвуда она не стала, как и уговаривать пойти в капеллу вместе. Лив, причесав непослушные патлы на скорую руку, оставляет девчонку в компании глупой поэмы и грез на счастливую жизнь, а сама удаляется из кельи почти бегом.

Лив и Гретта — полные противоположности, пускай они объединены одним нежным возрастом — восемнадцать лет — и даром Пламенных. Лив кроткая, мягкая и верующая до мозга костей. Таких чистейших душ, как у нее, казалось, не сыскать даже в раю, на солнце. Она была беззлобной и честной, рьяной слугой порядков от рождения. Тут уж не скажешь, что получается у нее лучше — служить или услуживать. Такой ее растила матушка с отцом, такой ее нашел дядюшка Барк, такой она оставалась до сих пор. Лив верила, что единственным путем к освобождению от рабства может быть лишь пылкая вера в Безликого. Если я буду прилежной, рассуждала Лив еще с раннего детства, то Пламенных обязательно когда-нибудь помилуют! Поощалят! Отпустят! Рассуждения безмерно наивные, но не стоит судить ее строго. Этому ее учила мать, когда они жили в маленькой глиняной халупе на окраине Ровеля. К сожа-

лению, та женщина растила не дочь, а рабыню, и ничего не изменилось после того, как Лив покинула родное гнездышко. Покинула, разумеется, недобровольно: ей было восемь, когда в город вошли Избиратели, и пока белые охотники шныряли по отдалённым закоулкам, маленькой Лив удалось дать деру. Матушке повезло меньше — ее убили вместе с мужем, зато Пламенная, прячась в снегах севера, уходила все дальше от злосчастных городских стен. Она брела вслепую через белоснежные равнины днями и ночами, пока ее не нашел добрый старикашка, который привел малютку в монастырь Света, где, в итоге, растил ее, как родную. Его Святейшество обозначил всем монахам предельно ясно — эта Совушка теперь под опекой храма и никто не смеет доносить на нее Избирателям. Монастырь прятался в прореженном лесу недалеко от берегов Нефритовых рек, в дне езды от Норквилля, а в такие дебри, тем более благословенные солнцем, Избиратели не заходят. Совсем скоро к ней присоединиться и Гретта, что будет найдена добрым монахом годом позже.

Что же наша Гретта? Взять все известное про Лив и перевернуть вверх дном — вот и получится Гретта. Дерзкая, по-царски самоуверенная и излишне резкая особа. Словом бьет большее, чем кнутом, подчиняется неохотно и рабыней себя отродясь не считает. К тому же лентяйка, каких еще поискать надо. У нее воистину буйный нрав и непонятно откуда взявшаяся любовь к изыскам, не положенная ее нижайшему происхождению. Пороков у Гретты, хоть отбавляй: и чревоугодит, и гневается, и горделива, как львица. Но самое страшное — похотлива. Она сказала Лив по секрету о том, что пробовала всякие непотребства с тем самым Сильвудом, давно заделавшимся ее поклонником. Лив была в таком ужасе, что всю ночь замаливала за нее грехи, а та лишь хохотала, узнав об этом. И, тем не менее, при всех ее недостатках она умела быть доброй. Об этом прекрасно догадывалась и Лив, и дядюшка Барк, и поэтому все ее искренне любили, и гнать из монастыря не желали, вопреки всем угрозам.

Внешне они тоже разные, как луна и солнце. Если Лив похожа на совенка, то Гретта вылитая кошка. Лив — невысокая, с пухлыми ножками и выпирающим животиком, с узкими и хрупкими плечами и маленькими, невзрачными грудями. У нее пушистые и длинные, аж до поясницы, волнистые волосы, и в отличие от хозяйки, ужасно непослушные. А Гретта совсем другая: высокая, с тонкими стройными ногами и выдающимся декольте, которое, разумеется, всегда надежно спрятано. У нее прямые гладкие волосы, переливающиеся огненным блеском, и узкие, хитрые глазки — как и говорилось в начале, настоящая кошка. Разумеется, с такой внешностью ей не составило труда соблазнить самого смелого Пламенного в королевстве — Сильвуда Рейси. Гретта не раз говорила о том, что он возьмет ее в жены, и вместе они будут править Норквилем в новом мире, где нет рабства и надоевшего ей до изнеможения монастыря.

Лив провела в капелле несколько часов, потом пришло время готовить ужин. Для знатных леди, прибывших в монастырь получить образование, следующие часы посвящались урокам, но Лив не была знатной, и никакие уроки ей не давали. Разве что уроки по тому, как копать огород и топить очаг. Ну, и по милости его Святейшества ее и Гретту научили читать и писать. Сидеть в одном классе с богачками она не могла — попадаться на глаза приезжим дамам было плохой идеей. Монахи и монахини Света, может, и привыкли держать Пламенную в секрете, однако госпожи отмалчиваться об этом не станут. Лив давно научилась прятаться от их цепких взоров, да и эти прятки не настолько утомительные и тревожные, как прятки от Избирателей, запомнившиеся ей с восьмилетнего возраста.

Готовка и прочая возня на кухне отнимала много времени и сил, но Лив любила усталость после рабочего дня; больше ей нравилась лишь усталость от молитвенных служб в церкви или прямоком в пресвитерии. Так она чувствовала, что приближается ко дню, когда Безликий остановит рабство. Свою работу она выполняла на совесть, а ее усердию завидовали монашки, ревностно относящиеся ко вниманию Солнца; они считали, что одаренная перетягивает одеяло на себя, но даже если так, то его милости она вполне заслужила поболее каждой другой. Приготовив ужин, она отнесла несколько тяжелых котлов в столовую. После этого она идет на вечер-

нюю молитву, там встречает дядюшку Барка и обменивается с ним парой теплых фраз, после чего, вся обессиленная и уставшая она направляется в гэстхолл — монастырскую гостиницу. У монастыря Света имелась внушительная гостиница для странников, держащих путь по торговым трактам из Стоунвилля до Норквилля. Никакая слуга Божья не откажет уставшему бродяге в крове, тепле и еде, поэтому там частенько кто-то да останавливался. Лив обещала работникам гэстхолла помочь со стиркой, поэтому до полуночи она будет занята грязным постельным бельем, и только после ей позволят отлучиться в келью, и она рухнет на свою твердую постель, отдавшись крепкому сну.

Да, так обычно и бывало, но в этот раз будничная рутина пошла наперекосяк. Лив, войдя в келью, обнаружила — все монахини спят, а одна кровать, помимо ее собственной, пустует. На письменном столе стоит масляная лампа, и в ее слабом свечении хорошо виднеются смятые простыни и недочитанная поэма. За окном темень, холодная летняя ночь — а от Гретты след простыл. Лив невольно утонула во всех самых плохих домыслах. Вдруг подружка сбежала? Как и хотела, избавилась от давящих оков монастыря? Или, быть может, за ней явились Избиратели, забравшие ее в куда более суровое служение? Усталость вымывается из тела паникующей бедняжки мгновенно, даже сонливость разом проходит. Теперь Лив гораздо думать лишь о несносной Гретте, которая наверняка снова угодила в неприятности из-за своего дурного характера. Впрочем, что утренняя неразбериха с дядюшкой Барком, что ночная неурядица с Греттой — везде, как оказалось, Лив тревожилась напрасно. Гретта не сбежала, не была похищена охотниками или наказана Богом. Она, как и раньше, отправилась за границы монастыря, миновав местную пивоварню и мельницу, и вышла в лесок, чтобы встретить своего возлюбленного. Лив смогла ее найти только поэтому — потому что вовремя вспомнила, как Гретта приводила ее сюда однажды.

Лив держит в одной руке поржавевший фонарь, внутри которого догорала не самая свежая свеча, второй рукой придерживает шерстяную накидку. Ее разящие беспокойством глаза высматривают подружку среди толпы сосен, и, не проходит и века, как она замечает Гретту возле высокой ели. Девушка лоснится к колючему стволу, пока над ней возвышается мужской силуэт. Рядом с ними дымится воткнутый в землю факел, немного дальше, у неглубокого оврага, пасется брошенная хозяином лошадь. Гретта обольстительно хихикает, пока ее любимый одаренный изгой бесстыдно осыпает ее румяное лицо поцелуями. Их непозволительная близость вогнала Лив в краску.

— Гретта! — вопит девушка, и обе рыжие головы оборачиваются к ней. Даже оставленный у оврага конь направил морду в ее сторону, — Гретта, я вся с ума сошла, пока искала тебя!

— Ливви, что ты тут забыла? Ты должна видеть десятый сон к этому часу, — фыркнула Гретта, и ее поклонник надменно усмехнулся. Лив подобралась еще ближе, вытянула руку с фонарем вперед, чтобы огонь подсветил их наглые физиономии.

Гретта не так растрепана, как днем. Вместо ночной сорочки — ее любимое красное платье с приталенным поясом и шнуровкой по бокам. Гретта терпеть не могла мешковатые одежды, которые носили крестьянки, поэтому научилась шить, чтобы сужать силуэт и создавать платья по фигуре. Она убрала волосы в тугие косы и заплела их баранками, такие прически носили знатные леди, а Гретта уж очень любила им уподобляться. Еще она надела на руку браслет, который сделала из позолоченной меди. В общем, своего избранника она встречала при параде.

Сильвуд одет в кольчугу. Он высок, строен, и выглядит как настоящий воин, а лучше сказать рыцарь, о которых так грезил Гретта. На его поясе ножны с мечом, а к седлу коня привязан колчан стрел и короткий лук. Лив настороженно глядит на одаренного, а потом снова смотрит на свою проблемную подружку.

— Идем, Гретта, — скорбным и несколько напуганным голосом говорит Лив, — Прошу, — добавляет она шепотом и опускает золотые глаза вниз.

— Я скоро вернусь, — ноет Гретта, не хватало только топнуть ножкой, — возвращайся в келью, я догоню тебя.

— Все хорошо, Лив, — улыбнулся Сильвуд, внезапно обращаясь к ней, — клянусь честью, что не украду твою красавицу.

— Честью? У вас она еще осталась? — охладевшим тоном вдруг молвит Лив, поднимая потяжелевший взгляд на парочку. Даже Гретта нахмурилась, не ожидая, что в певчем голоске подруги может так остро прорезаться укор. Сильвуд, однако, ничуть не обиделся, хотя Гретта побаивалась, что он будет расстроен из-за колючего замечания.

Лив старалась выказывать понимание Сильвуду. Этот парень, увы, был удостоен крайне суровой судьбы, и осуждать его за ярость или варварство было неразумно. Но что-то внутри порядочной Ливви не давало ей смотреть на Пламенного сквозь пальцы; она не могла простить ему беспорядки, которые он устроил в Норквиле, не могла простить и того, что он увлекает невинных в свою войну. Да, он борется против рабства, ради будущего таких, как Гретта и он сам, но Лив, увы, не была близка к такой жестокости. Все же она продолжала верить — истинная свобода достигается через милость Бога, а не кровопролитие. Сильвуд Рейси был спасением для Пламенных, так считала Гретта, но Лив не могла с ней согласиться.

Она уходит, позволяя парочке и дальше безнаказанно нежиться под кроной ели. Правда, Гретта уже растеряла всякое желание обниматься, поэтому она оставляет на щеке своего избранника легкий поцелуй, а затем, взяв платице в кулачки, бежит за Ливви. Ее решение было приятным сюрпризом. Нечасто Гретта отказывалась от удовольствий в пользу здравомыслия. Они неторопливо возвращались в монастырь, поглядывая то на звездное небо, то на притаившиеся в тени могучие лопасти ветряных мельниц. А затем Гретта заговорила.

— Через две недели Сильвуд осадит замок милорда Алана, — она говорит почти шепотом, пока они пересекают пустой и темный клуатр. Лив поджимает губы.

— Много людей погибнет, — шепчет она едва слышно, и Гретта пожимает плечами.

— Зато у нас появился шанс. Настоящий шанс, а не фантазии и размытые надежды, — Гретта останавливает подругу и кладет руки на ее маленькие плечи. Смотрит сверху вниз, с высоты своего роста, ее кошачьи золотые глаза полны слезами, — Ливви, представь, через пару недель мы сможем выйти к солнцу. Без страха и тревог сможем встретить рассвет. Гулять по рыночным площадям и ярмаркам, увидим новые города. Ты сможешь наконец посетить хваленную столичную Солнечную церковь! Разве ты не рада этому, Ливви?

— Я... Я хочу спать, — тихо отвечает девушка и, аккуратно дернув плечами, освобождается от хватки Гретты. Обходит ее стороной и с опущенной вниз головой шагает до кельи. Фонарь в ее руках внезапно потух, и стало непроглядно темно.

Глава 2. Виктор

Перед тем как навестить Неказистый переулок Виктор хорошенько отмылся в бане и оделся в постиранные белые одежды. Постриг отросшие волосы у цирюльника, там же налысо скопил выросшую на скулах щетину. Он долго разглядывал свое отражение, прежде чем покинуть Белый квартал: возился с белокурыми витками на голове, зачесывая их со лба назад, проверял, чтоб у подбородка не торчало ни одного волоска, а на белом плаще и камзоле не зияло ни одного пятнышка. Из зеркала на него смотрели черные, как сама ночь, глаза, и смотрели они критично, оценивая строго и беспристрастно. Де Ян не имеет права покинуть усадьбу в плохом виде, даже если держит путь не до королевского двора, а до борделя. Все вокруг должны видеть, что он, будучи Де Яном, гораздо ближе к солнечным ангелам, нежели к простым смертным, и вся природная мерзопакостность не имеет к нему никакого отношения.

Поэтому он заходит в дом Луны будучи свежим и красивым, как само Солнце. Дивы, ласкающие ножки в бассейне хрустальных вод, дружно ахнули и затрепетали при виде Избирателя Виктора, казалось, даже золотые пантеры, из пастей которых текла вода, обомлели от его совершенства. Он остановился под сапфировой кроной белоснежного дерева, оглядел бордель в поиске хозяина. Старался не смотреть на почти голых девушек у бассейна, поскольку их нагота была ему омерзительна. Он, конечно, ни за что не подаст виду — ведь Де Яны безупречны не только внешностью, но и манерами. Они приветливы, любезны и учтивы, и пускай Виктор чувствует, что от вида обнаженных дев у него слабеют колени, он радушно улыбается им сверкающей улыбкой, по примеру своего отца. На мгновение ему показалась, что хрустальные воды в бассейн алые, как кровь. Как кровь в бассейне тайной комнаты в Коробочке. Виктор жмурится, пульс его учащается — он распахивает глаза и больше не видит багровых ручьёв. С его губ срывается судорожный вздох.

— Господин Виктор! — воодушевленно лепечет Амур, хозяин дома Луны. Мужчина спускается с лестницы, вытягивая вперед смуглые руки, увешенные массивными драгоценными браслетами. Амур не был похож на людей в столице: кожа его была темна, глаза напоминали миндаль, волосы всегда были спрятаны под чужеземным головным убором. Амур прибыл в Лиру из городов Пяти Пустынь, стоящих за Роксинбургом, поэтому его наружность кажется такой броской. Впрочем, Виктор за годы посещения дома Луны уже привык к его необычности, — вы так давно не навещали наше убранство. Заставили же меня понервничать! Да ладно я, но моя дорогая Донна! Она вся измучилась, ожидая вашего прихода. Сколько вы пропадали? Месяц? Два?

— Всего пару недель, Амур, — улыбнулся ему Виктор, и девицы, сидящие в прозрачных накидках у бассейна, обворожительно захихикали.

— Пара недель? — неискренне ахнул Амур, остановившись на расстоянии вытянутой руки, — Боги мне свидетели, этот срок тянулся бесконечно долго без вашего великолепия! — Амур взял руку Избирателя, облаченную в белоснежную перчатку, и прислонил его костяшки сначала ко лбу, потом к губам. Странная причуда, которую Амур принес в столицу из родных заморских краев, уже приелась Виктору также, как и все прочие особенности хозяина борделя.

— Донна готова принять меня? — уточняет Виктор, и Амур резво кивает, почти пыхтит от глупости этого вопроса. Уважаемого Де Яна готовы принимать в *любое* время суток, любил повторять чужестранец, и сегодняшняя встреча не стала исключением для этого правила.

Вик преодолевает длинную мраморную лестницу на второй этаж. Его сопровождает Амур, параллельно без устали повествуя о делах на Неказистом переулке и задавая вопросы о делах милорда Освальда, Конрада и прекраснейшей миледи Деборы. Вик отвечает размыто, как и всегда, и обоих это устраивает. Амур был человеком смыслённым и посему прекрасно понимал, что лезть в недра семейства Де Ян опасно для здоровья.

Оказавшись перед нужной спальней, хозяин любезно открывает перед господином двери и низко кланется ему в ноги, приглашая войти. Там, у окна, его уже поджидает очаровательная Донна, спрятанная за тремя слоями цветного шелка. Она стоит ко входу спиной, чуть оголив хрупкое плечо, ее пышные и мелкие кудри древесного цвета ниспадают до копчика. Дверь закрывается, Амур удаляется, и Виктор остается с девушкой наедине. Молча проходит к креслу, заранее набитому бархатистыми подушками, и садится прямо. Донна спешит избавить его от белого плаща.

— Что у тебя на душе сегодня, Виктор?

Виктор требовал особого обслуживания в доме Луны. Ему было шестнадцать, когда он впервые посетил знаменитый бордель, и вот ему уже двадцать, а эти правила до сих пор не менялись. Их прекрасно знала Донна, что очень старательно их соблюдала. Первое правило — поинтересоваться его самочувствием раньше, чем он останется без одежды.

— На удивление, мое сердце спокойно. Вчера я завершил изнурительный поход на юг. Нашел Пламенного, — он прикрыл глаза. Донна сложила его белый плащ стопкой и оставила на постели. Виктор, обычно, предпочитал кресло перине, поэтому кровать они не трогали, — отдал одаренного отцу, а после отоспался в своем столичном поместье.

— Ты отдохнул. Ты умиротворён. Ты цел и невредим, — продолжала лепетать Донна, поглаживая его волнистые белокурые волосы. Виктор сидел прямо, плотно сомкнув веки. Вскоре она перейдет к камзолу, и станет оголять его от всего остального, но перед этим важно соблюсти второе правило.

Девушка отстранилась от Избирателя и подошла к серебряной шкатулке. Достала оттуда плотную атласную ленту черного цвета и поласкала свои смуглые длинные пальчики о ее мягкость. Покосилась в сторону Виктора, ожидающего, когда она завяжет ему глаза. Робко улыбнулась. Второе правило — всегда использовать повязку, чтобы он не осекался об обнажённые виды.

Донна встала за его спиной и аккуратно опустила атлас на его веки. Концы свела сзади и заплела тугим узлом, чтоб лента случайно не слетела с его лица. Однажды это произошло — вроде как год или два назад — и Виктор впал в такую панику, что успокоился лишь спустя несколько часов. Больше этой ошибки она не повторяла. Затем она легкими, расторопными движениями сняла с него камзол, после настала очередь штанин и сапог. Как только она оголила его полностью, то принялась обнажаться сама. Цветной шелк волной струился по ее стройному, тонкому тельцу, обтянутому карамельной кожей, и блестящей лужицей окружил ее ступни. Она опустилась на колени перед господином и принялась ублажать его всеми знакомыми и приемлемыми методами, не нарушая при этом третьего, последнего правила — никакого шума. Никаких громких вздохов, стонов, криков и разговоров. Только тишина. Только покой.

Виктор никогда ее не трогал. Он лишь сидел с завязанными глазами на кресле от начала и до конца, пока из него не выходило семя. В этот раз Донна довела его до предела быстрее, чем обычно, и семя попало в ее лоно. Амур всегда поил своих шлюх пряными отварами, чтоб они не плодили бастардов богатых клиентов, поэтому бояться семени ей не приходилось. Она встала, вытерла бедра платочком, затем вытерла и Вика. Подала ему чашу с вином, чтоб он смочил язык, и, как всегда, помогла ему одеться. Сама вновь завернулась в шелка и только после этого незамысловатого ритуала сняла с его глаз ленту и вернула ее в серебристую шкатулку. Виктор поблагодарил девушку за услугу, аккуратно и трепетно поцеловав ее ладонь. Она нежно улыбалась ему своими пухлыми губами и провожала надеждами на новую встречу.

О его необычных предпочтениях не знал почти никто. Мало кому известно о тех правилах, которые он выставляет шлюхам, прежде чем получить желаемое удовольствие. Это был его один большой секрет, что, в целом, не было чем-то вопиюще неправильным, ведь у любого из Де Ян должны быть свои тайны. Не знали его друзья — засмеют, не знали родители — не

поймут, не знал даже Амур, хозяин дома Луны. Знал только он, Донна, сестренка Дебора, да парочка других распутниц, услугами которых он раньше пользовался. Покидая их навсегда, он был вынужден отрезать девицам языки, дабы его тайна не выходила за стены борделей. Донна пока языка не лишилась — она устраивала его достаточно, чтоб он навещал ее с удивительным постоянством и не задумывался о том, чтоб сменить ее на новую. Но в других городах, допустим, в Восходе, все еще живут молчаливые шлюхи, лишённые языков после близости с Виктором Де Яном.

Деборе он мог доверить свои тайны. У них никогда не было друг от друга секретов. Наверное, к доверию располагало ее лицо, похожее на его как две капли воды. Дебби не была сконфужена рассказом о причудливых утехах в полной тишине и темноте, и осуждать брата не торопилась, но и подсказать, что это и как с этим бороться, она тоже не могла. Бесилась лишь оттого, что Вику обязательно надо ходить по девкам — миледи находила это увлечение грязным и бессмысленным, конечно, ей ведь не понять мужской природы.

Позади осталось высокое дерево с сапфировой кроной. Вик толкнул двери, и на порог борделя соскользнуло ясное полуденное солнце. Подул ветер, и белый плащ за его спиной плавно заколыхался, белокурые волны его шевелюры мягко упали на лоб. Черные глаза тут же заслезились — солнце, почитаемое в столице, всегда болезненно жалило его зрение. Он проморгал влагу, а когда снова открыл глаза, увидел сестрицу напротив крыльца дома Луны. Дебора облакачивалась спиной на соседнюю постройку и со скучающим видом осматривала ставни, обделанные лунным камнем.

— Отец просил зайти к нему, — сказала та ровным, немного раздраженным тоном. Дебора ненавидела искать брата на Неказистом переулке. Она ненавидела это место, потому что бордели напоминали ей — Де Яны, все же, ближе к смертным, чем к ангелам. Потому что их манит пьянство, разврат и азарт, совсем как простых людей. Их отец, Освальд Де Ян, с той же частотой что и Виктор посещает переулок, и только милый Конрад ни разу сюда не заглядывал. Может, он и правда был ангелом.

Дебора похожа на брата, словно его отражение. У обоих вытянутое лицо, острые и глубокие скулы, насыщенно-красные тонкие губы и эти прекрасные, ангельские белокурые завитки волос. Дебора всегда срезала длину до линии челюсти, чтоб патлы не мешали ей исполнять долг Избирателя, пускай матушка ее за это ругала — даже выпорола ее кнутом пару раз, но девушку это наказание не остановило. Она также высока, как и брат, уступает ему разве что несколько дюймов росту. Но было в их внешности заметное различие — глаза Деборы лазурные и бледные, как у отца, а у Вика глаза черные, как уголь, и взгляд порой его пугающий, словно он рожден с ликом мертвеца из Черного леса.

Меньше всего они схожи со своим младшеньким, с Конрадом. К своим восемнадцати годам он так и не догнал их в росте — был им по плечи — и телосложение у него щуплое, слабенькое, как у калеки. Вместо белокурых витков — золотисто-рыжие волосы, как у матушки, глаза тоже как у нее, серые. Пускай Конрад Избиратель, и теснится он с родичами в одном пятом отряде, это ремесло его никак не волновало, и относился он к нему небрежно. Гораздо больше времени он проводил с алхимиком Лоренсом в Найтфэлле, а на задания выбирался редко — отец, впрочем, закрывал на это глаза и платил ему жалование в том же размере, что и другим. Все-таки мальчишка не бездельничал, а важным делом занимался — ставил эксперименты над одаренными все в той же Коробочке.

— Предводитель искал *нас* или пятый отряд? — уточнил Виктор, встав напротив сестры и заведя руки под плащом. Его длинная тень упала на ее худое лицо. Дебора склонила голову в бок, светлая прядка выбилась из-за ушка и упала на ее щеку.

— Нас, — подчеркнула она, — вопрос касается семейных дел, а не охотничьих.

Значит, отец огласит какие-то новости из Коробочки или Найтфэлла. В Викторе вспыхнул жаркий интерес. Они с Деборой хотели покинуть Неказистый переулок, как вдруг услы-

шали ругань и крики на другом конце улицы. Дружно повернувшись назад, они увидели, как из «Петли» пинками выгоняют какого-то бедолагу в белом плаще. Ах да. Конечно, им оказался никто иной, как Поль Дженкинс, еще один член пятого отряда.

Поль не был выходцем знатного рода — он родился в семье гончара, а белый плащ надел лишь ради золота и своего поместья. Оттого в нем совсем не было манер, изящества и хотя бы капельки благоразумия. Он был пьяницей, гуленой, постоянно сквернословил и устраивал дебоши в бедных районах столицы. Сегодня выяснилось, что он, ко всему прочему, еще и никудышный игрок в кости. Поль всегда был в долгах, ссорах и любовных драмах — а еще он был лидером отряда, и сразу назревает вопрос, как его угораздило занять столь высокий титул при таком наборе недостатков. Никакой магии, заговоров или подкупов — просто все остальные члены отряда отказались. Ни Виктору, ни Конраду, ни Деборе эта должность не нужна, и у предводителя Освальда не оставалось выбора, кроме как присвоить титул этому балбесу.

Поль валяется на дороге весь в пыли и винных пятнах, и прохожие вынуждены его перешагивать так, чтоб не задеть грязной подошвой белый плащ — боялись нарваться на неприятности. Рядом с ним лежит опустевший после дюжины игровых партий кошель и выпитая наполовину фляга крепкого эля. Поль — ровесник своих товарищей, кареглазый шатен среднего роста, с выпуклыми мускулами и твердым торсом. Тело у него воистину мощное, натренированное, и все в отряде вынуждены гадать, откуда у заядлого пьяницы берутся шесть кубиков пресса на животе. Впрочем, этих красот не видать сейчас, когда он сопит на проезжей дороге, весь опухший и вонючий, и прикрытый белым плащом, как пуховым одеялом.

— Ну и мерзость, — хихикает Дебора, рядом с ней стоит Виктор, сложив руки на груди. Девушка аккуратно толкает плечо товарища носом сапога, и тот бурчит что-то невнятное себе под нос, — а ну вставай, пьяница, кончай нас позорить.

— Отстань, — ворчит Поль, откатываясь подальше от ее ноги, — что еще надо? Я же привел Пламенного недавно.

— И что, теперь тебе позволительно превратиться в грязную подколенную крысу? — Дебора снова пихает его в живот; тот нервно подпрыгивает на локти и смотрит на сослуживицу сквозь сощуренные опухшие веки.

— Ох, куда же мне тягаться с безупречными отпрысками Де Ян, — фыркнул Поль, затем лениво осмотрелся по сторонам. Вик наблюдал за ним своими бездонными глазами, — Черт. Я оставил треклятому Жучку все свое жалование. Я проиграл ему все свои деньги! И напился с горя. Что мне делать-то теперь?

— Голодать, — с холодным равнодушием бросил Виктор и развернулся. Дебора, кинув товарищу наполовину глумливый, наполовину брезгливый взгляд, поспешила за братом. Поль сидел на нагретом камне и шумно икал себе под нос.

— Он пачкает наше славное имя своей мерзостью. Пятнает нашу честь, — негодовал Виктор, удаляясь с Неказистого переулка суетливым, быстроногим шагом. Сестрица едва успевала гнаться за его плащом, — отец должен убрать Поля из отряда. Еще лучше — из ордена.

— Отец не уберет его, — хмыкает Дебора и смотрит назад, через плечо, но Поля уже не найти на проезжей дороге. Видать, пошел за новой порцией вина или девок. Пускай кошель его пуст, Неказистый переулок всегда рад дать Избирателю в долг, — знаешь, почему, Вик? Почему Поль нам нужен?

— Почему?

— Потому что папенька говорит, что Поль прекрасно сказывается на нашей репутации, — девчонка лыбится во все зубы; ее улыбка отдавала таким же безумием, как улыбка маленького Конрада, — Пусть люди видят — Де Яны милостивы и к нищим, и к убогим! — и затем она хохочет, как дите.

Что же, единственное объяснение, почему этот идиот носит белое. Пускай для белого он все равно слишком грязный. Виктор удрученно вздыхает, понимая, что подыгрывать отцовскому спектаклю становится сложнее с каждым годом. Он уверен, Поль Дженкинс и ему подобные обязательно принесут столько бед, что никакая репутация Де Янов не спасет.

Королевский двор пуст — король со своей свитой отбыл на охоту. Дворец остался на попечении сенаторов, и Виктор встречает всех пятерых, когда минует тронную залу. Они стоят своей маленькой кучкой возле трона, да шепчутся о чем-то, о чем, видать, не могут говорить, когда его величество не находится в отъезде. Среди них он случайно замечает дядю и невольно сбавляет шаг. Аскольд смотрит на него мельком, но этого хватает, чтобы Вик ощутил холод его презрения затылком. Дядя всегда ведет себя так: безмолвно следит издали и будто о чем-то думает, и мысли его при этом далеки от лживых. Виктору вовсе с детства кажется, словно дядя Аскольд их всех ненавидит. Он никогда не навещает Найтфэлл, при дворе ни с кем из Де Янов даже не здоровается, и уж не ясно, когда он беседовал дольше трех секунд со своим родным братом Освальдом. Вик подозревает, дядя не знает и о Коробочке. Он, по крайней мере, никогда его там не видел. Остальные родичи делают такой вид, словно не ощущают его отдаленности, его враждебности, и Вику оттого чудится, будто он единственный, кто помнит о дяде. Вдруг Аскольда вообще не существует, вдруг он фантазия Виктора? Нет, болтающий с ним сенатор Уилли Говард нещадно отклоняет эту идею.

Дебора забегают в кабинет предводителя с писком. Кричит «Папенька!» и тут же несется к его столу, чтобы упасть в отцовские объятия. Освальд, едва успев отбросить перо, обнимает дочь и охает от ее напора. Виктор, к его счастью, был гораздо сдержаннее.

— Мы же виделись утром, Дебби, что за порывы? — хохочет отец, поднимаясь со стула. Дебора утыкается носом в его золотую цепь, а Виктор, тем временем, утыкается взглядом в посторонних людей, сидящих на диване неподалеку от рабочего места предводителя. Двое юношей, ровесники Конрада, теснились друг другу и дрожали. Дрожали от голода или от страха — точно не от холода, за окном ведь ласковый и теплый июль. Виктор недолго рассматривает слезящиеся золотые глаза и пропитанные сальным жиром рыжие волосы. Возвращает все свое внимание сестрице, неумолимо жмущейся ближе к отцу.

— Ну мы так редко видимся, папенька, — жалуется Дебби, находя в себе достаточно мужества, чтобы отойти от отца на два шага назад, — я целый месяц провела в Селледо и так не получила от тебя весточки.

— Пока эта весточка до тебе дошла, ты бы сто раз вернулась в столицу. Селледо же не на соседней улице находится, — Освальд поворачивает голову к сыну, и Вик, почему-то, цепенеет. Нет, не впервые, не в новинку это чувство — оно уже давно томится где-то на печенках и вызывает все больше вопросов. Когда отец направляет к нему свой ясный, в меру жесткий голубой взор, и тянет на губах эту белоснежную, широкую улыбку, внутри Виктора все переворачивается и скукоживается. Это похоже на трепет испуга или предвкушение чего-то плохого. Забавно получается — отец улыбается, а Вик ждет худа. Наверное, потому что, когда отец избивал его, он тоже улыбался. Негоже Де Яну ходить хмурым — даже если сын валяется весь в крови. Лучше всегда улыбаться.

— Вик, — говорит отец, и парень мгновенно возвращается в реальность. Сглатывает, старается тоже улыбаться. Освальд подходит к нему, тянет ладонь для рукопожатия, затем — крепкое объятие. Виктору уже спокойнее, но пульс все равно далек от нормы, — с тобой я тоже вижусь не так уж часто в последнее время. Вы с Деборой до сих пор растете, или почему мне кажется, будто с каждой встречей вы все выше? — отец смеется, и Вику приходится подхватывать его настроение. Дебора это делает вполне искренне.

— Ты и сам знаешь, как много дел, — давит из себя Вик, и отец понимающе кивает.

— Знаю. Сам таким страдаю, — говорит Освальд, указывая на свой стол, загруженный тремя плотными стопками документов. Дебора, закусывая губу, с интересом разглядывает вся-

кие важные бумажки, но вряд ли хоть что-нибудь понимает, — к сожалению, дел меньше не становится. Эти парни, — теперь предводитель тыкает пальцем в сторону двух одаренных юношей, сидящих на диване, и те бледнеют, — их надо отвести в Найтфэлл.

— Для матушки? — спрашивает Вик. Освальд продолжает улыбаться своей фирменной улыбкой.

— Для Коробочки, — исправляет он, и Дебора пищит от радости, хлопая в ладоши. Вик лишь сдержанно кивает, — Лоренс попросил дать ему двух молодых парней, — продолжает вещать Освальд, будто невзначай, а когда Вик смотрит на мальчишек, то понимает — они и представить себе не могут, что их ждет дальше, — двух мальчишек для двух девчонок, — хохочет предводитель, качая белокурой головой, — старый дурак все еще надеется, что сможет плодить одаренных. Чтоб Пламенный рождался у Пламенного. Так что у ребятишек намечаются крайне плодотворные дни. С такими же Пламенными девчонками.

— И зачем надо было тащить сюда Вика? — фыркает Дебора, сложив руки на груди, — с таким пустяковым поручением я бы и сама прекрасно справилась. Чего там — доставить двух одаренных до Найтфэлла. Проще простого.

— Дебби, милая, ты знаешь, что мне спокойнее, когда твой брат берется за дело сам, — лепечет Освальд, но дочь лишь пуще дуется, — для тебя сеть уйма других поручений. Твоя мать, допустим, не справляется с отчетами по тратам Коробочки. Поможешь ей, когда прибудешь к нашему замку?

— Ладно, — тянет девчонка и протяжно вздыхает, — но это скучно. Вику ты доверяешь дела по интереснее.

— Нет ничего интересного в том, чтобы перемещать одаренных из одного замка в другой, — Освальд смотрит в окно, примечает, что солнце преодолело середину неба, — и вам стоит приступить к этому уже сейчас. Если не хотите отправиться в ночь.

— Ты прав, — говорит Виктор, двигаясь к мальчишкам. Их руки окованы цепью, и он берет ее, проверяя, прочно ли привязаны пленники. Спаяна на совесть — утверждает Вик и ведет Пламенных к выходу. Они бредут неохотно, опустив головы к полу, Дебора подгоняет их сзади.

— И да, Вик, — бросает в спину отец, и парень замирает на входе, — побольше улыбок. Ты сегодня как-то мрачен.

Виктор мигом исправляет оплошность. Улыбается уголками губ, и отец удовлетворенно кивает. Не то чтобы Виктор по натуре хмур и недружелюбен, совсем наоборот — желая во всем потакать семейству он научился излучать искреннее радушие. Просто в присутствии отца что-то внутри него менялось. Что-то мешало ему играть роль Де Яна непринужденно, когда рядом оказывался Освальд.

Одаренных юнцов звали Тонни и Ру. Виктор узнал их имена благодаря Деборе — сестрица, видать от скуки, болтала с ними о всякой чепухе. Пока Вик укреплял клетку, приделанную к повозке, девчонка неугомонно интересовалась жизнью рыжих бедолаг. А потом, когда он запер калитку, она прислонилась к прутьям клетки и оставила легкий поцелуй на ржавой перекладине. Тонни смущенно переглядывался с Ру, а Дебора звонко хихикала. Виктор закатил глаза — при всей теплоте чувств к сестре, ее излишняя и неуместная игривость его раздражала.

Они оседлали коней и хлестнули поводьями. Повозка, к которой была приделана клетка для перемещения Пламенных, лениво двинулась за конями следом. Заключенных в цепи рыжих мальчишек видела вся столица, пока близнецы Де Ян неторопливо скакали к выезду из города. Через неделю они прибудут в Найтфэлл, где их уже ждет матушка, Конрад, алхимик Лоренс и череда безумных опытов над пойманными одаренными.

Глава 3. Лив

Его Святейшество, хрипя и покашливая, читал святое писание вслух, а две Пламенные ученицы повторяли его слова чернилами на листе. Они расположились в скриптории в полдень, выбрав крайне удачный момент для обучения грамоте — в это время монахи толпятся у пресвитерия, и никто им не мешает. Лив едва успевает макать перо и возвращать кончик на пергамент, Грета же справляется куда лучше; в отличие от своей милой подружки, вторая выводит буквы без всякой спешки и суеты, почти лениво. Может, Лив и была хороша в слушании, и многие религиозные труды знала почти наизусть, зато Гретте не было равных в грамоте. Она всегда говорила, что уметь писать письма и читать любовные поэмы гораздо нужнее в жизни, нежели помнить имена всех солнечных ангелов. Лив обращалась с книгами неловко — только если это были не трактаты о Солнце, а письма она не читала — сразу несла монахам, если какая-нибудь весточка и успевала залететь на порог монастыря. Порой Гретте приходилось помогать подружке, если та вновь забывала, пишется солнце с буквой «л» или без нее. Хотя после прочтения стольких книг о Безликом ей давно пора запомнить такую мелочь.

Но сегодня Лив растеряна не из-за своего невежества — она отвлекается от писанины из-за кашля дяди Барка. Его розоватая пухлая шея трясется от хрипов, седые волосы липнут к мокрому лбу, глаза покрыты мутной пеленой. Его Святейшество болен, но не желает об этом говорить. И, видимо, в тот раз его повергло не скисшее молоко, каким он оправдал свое плохое самочувствие, а болезнь пострашнее. Лив не может успокоить собственной тревоги, пока думает об этом. Грета подобными размышлениями не обременена: одной рукой ведет перо, второй наматывая прямую огненную пряжку на палец. Когда Святейшество извергает такой кашель, что у него краснеют пухлые щеки, Лив не выдерживает и подпрыгивает с места:

— Позвольте я вылечу вас! — вопит она своим тоненьким голосом, и Грета смотрит на нее из-под ресниц. Ливви ожидает ответа старика, но тот молчит, и молчит, как-будто, негодуя. Может, злится на меня за навязчивость? За то, что прервала чтение? Ливви ожидала чего угодно, пока Грета смотрела беспристрастными глазами то на нее, то на дядюшку.

— Совушка, — вступил он, погладив свою розовую шейку, — я же говорил тебе. И говорю не первый год. Не надо бросаться своим даром направо и налево.

— Думаете, она вас слушает? — хмыкает Гретта, покачивая ножкой, — ей так и не терпится стать пленницей собственной благодетели. Таков ведь образ Пламенной в трактате о Солнце? *Идеальная жертва*.

— Это не жертвенность, — надулась Лив, падая обратно на стул, — я ничем не жертвую, когда предлагаю исцелить человека от болезни. Одно прикосновение — и Святейшество перестанет страдать, а мне оттого только радостно.

— Боюсь, все совсем не так, Лив, — дядюшка захлопывает фолиант и кладет тяжелую книгу на стол, а затем неторопливым, хромым шагом направляется к свободному месту и садится неподалеку от девчонок. Две рыжие головы повернуты к нему, обе одаренные предчувствуют длинную, увлекательную историю. Святейшество, поправляя мантию, удобнее усаживается на табурете, и смотрит на учениц уставшими глазами, спрятавшимися под опухшими веками, — я не рассказывал вам, что вы отнюдь не первые Пламенные души, что искали кров в стенах монастыря Света. Я давал пристанище другому мальчишке, — взгляд жреца потупился в воздухе, на обветренных губах расплзлась добрая улыбка, — правда, мальчишка — громко сказано, — он посмеялся, покачал седой головой, — ему было двадцать три года отроду. А на вид и все сорок.

— Что, жизнь помотала? — хмыкнула Гретта, которая подобными плаксивыми историями особо не проникалась. У нее всему было оправдание — страдалец и в благодати страдать будет, так она считала. Те, кому помимо страданий и другого в жизни испытать хочется, они

без дела сидеть не будут. Ливви не имела и капли ее циничности, поэтому рассказы о страданиях весьма быстро доводили ее до слез.

— И да, и нет, — повел плечами в ответ жрец, — он служил замку Ливера, что на Рудном проливе. Хозяин его, не сказать, что был груб или жесток. Но мальчишка тот работал всегда, и работал он не покладая рук. На Рудном проливе шла война между знатными дворами за господство над рубиновыми залежами, и Пламенные, в том числе тот мальчишка, порядком пяти лет бесконечно много исцелял. Всех: и лордов, и солдат, и даже боевых коней. После одного из сражений он смог сбежать, бежал он на север, далеко за Ровель, а вышел к нашему монастырю. Я тогда его встретил случайно, во время прогулки. Так вот смотрю на него и вижу — ну старик! И постарше меня будет, разве что не седой! Да, не седой, зато выжитый и сморщенный, как изюм.

— Что это значит? — хмуро кинула Грета, а Ливви громко ахнула, закрыв свои маленькие губы ладонью, — он, что, постарел за двадцать три года?

— Настолько, что я думал, он мне в деды годится! — махнув рукой заявил Барк и снова покашлял в свой кулак, — я его приютил, накормил, одел теплее. Пообещал ему, что никто его здесь не найдет. И он рассказал мне о своих тяжбах. Говорил, за сутки мог целую конницу на ноги поднять. Оттого и постарел. А все другие рабы, живущие с ним в одной башне, и того хуже выглядят — так он сказал мне, а на следующий день умер. Сердце просто остановилось, как у воистину старого человека.

— Да не может быть, — закатила глаза Гретта, складывая руки на груди, — Пламенные все свое существование людей исцеляют. И что-то я ни разу стариков среди одаренных не встречала.

— Вот именно, — промолвил Святейшество более поникшим тоном голоса. Его лицо, полное печали, опустилось к полу. Гретта, осознав, что он имеет в виду, тут же обомлела. Ее рот приоткрылся, кошачьи глаза округлились как две золотые монеты. Да, вот почему среди Пламенных никто не встречал стариков, вот почему они все так молоды — никто до старости не доживал. Не потому что мучают, не потому что забивают, как скот — потому что дар отнимает их жизненные силы. И те, кто вынуждены исцелять непрерывно, отправляются к солнцу раньше срока.

— Н-но, дядюшка..., — подала голос Ливви, пока Гретта пыталась побороть неприятный осадок, — я же тебя лишь единожды исцелю. Со мной от одного раза ничего не случится.

— Да, верно, — кивнул тот, — и, полагаю, даже от дюжины раз с тобой ничего не случится. Только вот, если у дара есть какой-то предел, я не хочу быть тем, кто его приблизит, — их взгляды встретились, и дядюшка поднялся на свои слабые пухлые ноги, — я не возьму этот грех на душу, — он подошел к ученицам и потрепал их волосы, не прекращая тепло улыбаться, — тем более, не стану вредить вам. Вы ведь мне почти дочурки, — он щелкнул вредную Гретту по носу, и та обиженно надулась. Она никогда не любила сюсюканья, а вот Лив была им рада, поэтому от мягкой руки Святейшества, что поглаживала ее макушку, она почти сияла.

— Один раз. Я исцелю вас один раз, больше и не прошу, — затрепетала Лив, произнеся эти слова почти шепотом. Гретта, сидящая за ее спиной, недовольно фыркнула.

— Ну вот, я же говорила — бесполезно! — возмущалась та, поглядывая на неугомонную сердитым взором, — наша Ливви прямо рвется в могилу. Она как родилась рабыней, так ею и помрет.

— Мы обе Пламенные, — напомнила Ливви, смотря через плечо назад, на Гретту, — и хочешь не хочешь, а исцелять — наше предназначение.

— Говори за себя, — горделиво взмахнув огненной гривой волос заявила та, — я рабыней становится не собираюсь!

— Все же, тебе есть чему поучиться у Гретты, — издавая хриплый смех лепечет дядюшка, но Лив лишь поджигает губы. Обычно ее ставят в пример всем вокруг, а тут и Гретта удосужилась быть объектом подражания — этому удивились обе.

После урока грамоты, который завершился самым необычным образом, девушки пошли убирать сеновал. Молча прошли мимо загонов со скотом, миновали облагороженные огороды и высокую, белокаменную мельницу. Солнце светило слабо, небо висело над головами бледно-голубой и блеклой равниной. Воздух, невзирая на господство второго летнего месяца, пах, как первые осенние заморозки. Упитанное шерстью сюрко Гретты ничуть ее не согревало, и она постоянно ежилась, пряча кисти рук в широких рукавах, а Лив была так задумчива, что даже не замечала прохлады. Она шла к сеновалу по привычке, а сама витала в облаках. Гретта решила разбавить молчание и начала вещать ей что-то про поэму, которую она читает перед сном, но Лив продолжала слушать лишь свои мысли. И вдруг она заговорила, бесцеремонно перебив подругу:

— Думаешь, это правда? — тихо спросила та, переступая порог сеновала. Руки ее, опять, из чистой привычки, взялись за метлу. Двухэтажная постройка, вялая и слишком старая, едва сдерживала натиск завывающих северных ветров.

— Что правда? — переспросила Гретта и удрученно вздохнула, осматривая залежи сена. Ее нежные ручки, как считала сама Гретта, не предназначены для такой возмутительной рабской работы. Выметать труху с пола, принимаясь к этим чудным ароматам навоза и крыс, казалось ниже ее достоинства. Жаль, что выбора нет — монастырь и кормит, и одевает, поэтому приходится иногда отплачивать чем-то за доброту. Она взялась за метлу и тоже принялась отряхивать половицы от пыли и мелких горошин испражнений грызунов.

— Ну, что мы медленно умираем, если используем дар. Я все думаю, вдруг, тот парень из-за чего-то другого постарел?

— Знаешь, мне достаточно даже слухов в качестве предупреждения, чтобы не повторять тупых ошибок, — метелки шаркали по половицам, в воздух поднимались клубы пыли, — не хочу потерять свою молодость и красоту ради здоровья какого-нибудь знатного мужика с громкой фамилией.

— Просто... это звучит слишком... несправедливо? — ляпнула Ливви, убирая волнистую прядку, выбившуюся из хвоста на лоб, — наш дар создан Солнцем, и он создан, чтобы помогать людям. Почему же Солнце не уберегло нас от смерти и старости? Почему требует от нас служения, а в ответ предлагает лечь в могилу?

— Ох, моя малышка Ливви наконец вкушает истину, — пролепетала Гретта с явственной ухмылкой на губах. Она бросила метелку на пол, и древко рухнуло с громким треском на половицы. Рука Гретты упала на узкие плечи подруги, — видишь, как жизнь несправедлива? А особенно к нам, одаренным. И ты с удовольствием эти правила соблюдаешь, так еще и мне их навязываешь!

— Я не верю в это. Не верю, что весь мир та-а-ак уж ужасен и несправедлив, — Лив дернула плечами, скинув руку девушки, — как и не буду верить, что мой дар — мой приговор.

— И все? — прыснула смешком Гретта, — твой план — не верить? Мне кажется, далеко ты так не уедешь, — она посмотрела на стог сена оценивающим взглядом. А потом, закусив губу, рванула к нему и запрыгнула с разбегу, плюхнувшись на сухой и колючий квадрат. Да, конечно, далеко не царские перины по удобству, но все же приятнее твердых монастырских кроватей. Лив, облачиваясь на свою метлу, наблюдала за ребячеством Гретты, не в силах бороться с улыбкой, — вообще, интересно получается, что у тебя все верой решается. Веришь во что-то — значит сбудется, не веришь — не сбудется, — лепетала Гретта, развалившись на стоге, как на постели, пока Лив продолжала уборку. Как и всегда, оставалась порядочной послушницей, а Гретта оставалась неумолимой бунтаркой, бросающей дела по своему усмотрению, — но так ведь ничего не работает. Просто верить — до невозможности мало.

— Я и не просто верю, — пожала плечами Ливви, ведя метлой туда-сюда, — я еще кое-что да делаю. Уж поверь мне, Безликий умеет вознаграждать за послушание.

— И чем он тебя хоть раз наградил?

— Я спаслась, — шепотом вышло из Ливви, ее взгляд расплылся в неровном очертании старых половиц. Гретта притихла, — в тот день Избиратели не добрались до меня. Убили матушку, папеньку, и соседей наших, и всех других, а меня не тронули. Почти весь квартал перебили, а я жива осталась. И все благодаря непоколебимой вере моей, и вере моей мамы.

— А я тогда каким чудом спаслась? — грустно ухмыльнулась Гретта, вспомнив ту несчастную осеннюю ночь. Осень в тот год вторглась в Норквиль непозволительно рано. Уже к началу первого месяца полили беспощадные ливни, укоротились дни, а утро приносило с собой мерзлые туманы. Маленькая Гретта была обязана всю жизнь видеть лишь стены и потолки кладовой, где хранились запасы зерна на зиму, но она эту обязанность нарушала и прекрасно знала о том, что город покорен осенней порой. Она тогда, на свой страх и риск, бегала глядеть в окошко. Матушка ругала ее за баловство, но Гретта не могла остановиться, уж очень красива и мрачна была та осень, что не оставляла ее равнодушной своими серыми пейзажами. Да, унылыми, зато Гретта, смотря в окошко, понимала — у всех других жизнь ничуть не лучше чем у нее в той скромной кладовке. Но однажды она увидела кое-что еще — родного отца и брата, что вели Избирателей к порогу их дома. Была ночь, они, наверное, подумали, что малышка спит среди мешков зерна и ни за что не услышит их прихода. Дома в Норквиле горели фонарями, ржавыми и потертыми, зато с достаточно большими, подолгу живущими свечами, благодаря которым сквозь темень Гретта увидела силуэты родичей и реющие за их спинами белые плащи. Тогда она уяснила для себя два важных урока — первое, ни за что не полагайся даже на самых близких. Всегда выходи смотреть в окошко, пускай тебе и рассказывают, что глядеть там не на что. Второе — выбраться из маленькой и тесной кладовки возможно. Главное, не упустить подходящего момента для побега.

— Солнце и тебя спасло, пускай твоя вера слаба — нежнейше улыбнулась Лив, прекрасно знающая эту историю из детства подруги. Ухмылка Гретты скривилась.

— Правда? — горько хмыкнула та, — тогда забавно, что я спаслась ночью.

Их прервали чьи-то шаги. Кто-то пришел к сеновалу. Ливви с трудом отвернулась от подруги и посмотрела на вход, откуда виднелся лишь кусок холодной лазури и обрывки загонов, огородов, да бурой травы. В следующее мгновение там появился Сильвуд, прибывший в монастырь в огромной мантии, скрывающей не только его рыжие волосы, но и массивные ножны с мечом. Лив остолбенела, когда он сбросил с головы капюшон, а Гретта тут же запищала, что есть мочи, и вспрыгнула со стога. Сильвуд вошел в сеновал с теплой улыбкой на губах, посвященной его возлюбленной; стоило ей добежать до него, как он тут же заключил ее в объятия и припал к ее устам со страстным поцелуем.

— Как... как ты прошел в монастырь? — едва придя в себя спросила Лив, пока голубки награждали друг друга поцелуями то в губы, то в нос, то в щеки. Сильвуду стоило больших усилий, чтобы оторваться от своей красавицы и взглянуть на Ливви, которая, почему-то, всегда смотрела на него с настороженностью.

— Я часто сюда захожу. Монахи, к нашему всеобщему счастью, весьма гостеприимные люди, — заявил Сильвуд, прижимая Гретту к себе за талию, — жаль, что такого не скажешь о лордах, вроде моего отца. Они Пламенных не особо жалуют.

— Скоро ты призовешь их к ответу, мой герой! — протянула Гретта своим сладчайшим голосом и снова чмокнула его в щеку. Порой Лив не могла понять, разыгрывает ли Гретта из себя влюбленную, чтобы занять удобное местечко рядом с главными мятежником, или она и впрямь влюблена до беспамятства. Кто знает, тяжелая жизнь наделила ее великолепным актёрским талантом.

— Боюсь, что намного раньше, чем мы ожидали, любовь моя, — неожиданно прискорбным тоном заявил Сильвуд и взял изящные ручки Гретты в свои ладони. Он оставил мокрый поцелуй на ее костяшках и взглянул исподлобья в ее удивленные, несколько напуганные черты.

— Ты сказал, вы осадите город через двенадцать дней...

— Это случится завтра. На заре, — резко перебил Сильвуд, и Грета беспомощно открыла рот. Ливви тоже не смогла остаться равнодушной; метла выпала из ее рук, глаза наполнились ужасом. Так значит это безбожное месиво случится уже завтра, с горечью подумала Лив и покачала головой. До сих пор не может смириться с неизбежностью этой бессмысленной поножовщины, а она взяла и еще ближе подобралась. От мысли, сколько невинных помрет завтра, Лив бросило в холод. Кажется, этот город еще не видел столько крови, сколько прольется в следующие сутки.

— Почему так скоро? — осипшим голосом спросила Гретта, и Лив подошла к ней почти впритык. Положила руку на ее плечо и ободряюще его погладила. Сильвуд держался за пояс с ножнами и будто виновато поглядывал на свою избранницу. Будто знал, что навеки ее оставит в скором времени.

— Мы разложили лагерь у стен города. Армия собрана, люди рвутся в бой, — слабая улыбка на его губах, казалось, делала только хуже. Лив не могла понять, Гретта растеряна или вне себя от злости на беспечного возлюбленного, — я отправил гонца к замку отца. Он передаст ему дату и время сражения.

— Завтра. Под Норквилем, — констатировала Гретта шепотом и опустила голову. Сильвуд поднял ее лицо за подбородок и посмотрел куда-то очень глубоко, так, что у самой Ливви, стоящей позади, замерло сердце.

— Неужели по-другому нельзя? — заговорила Лив, пускай и чувствовала, что не должна была нарушать их идиллию. Их зрительный контакт оборвался, стоило ей заговорить, и Сильвуд обратил внимание на нее. Он всегда ощущал осуждение в ее голосе, в кротких взглядах, даже в том, как она его приветствовала, но он никогда не держал на нее ни зла, ни обид. Лишь радушно улыбался и умилялся вместе с Греттой тому, насколько ее подруга миролюбива. Миролюбие — вот они, истинные кандалы Лив, что утяжеляют ее жизнь.

— Рабство существует слишком долго. Достаточно для того, чтобы понять — иных путей нет. Только борьба, — голос парня ровный, не выдающий ни страхов, ни сомнений. Казалось, Гретта тоже хотела обрести хотя бы каплю его храбрости, поэтому в миг стерла с лица эту полуметровую, скорбящую гримасу. Она постаралась улыбнуться, как всегда, в своей нахальной и высокомерной манере, такой, что говорила — у меня дела уж точно получше ваших. С этой прекрасной физиономией она обернулась к Ливви.

— Мой Сильвуд прав. Мы вырвем свободу когтями, — она повисла на его шее, а ее вид так резко переменялся с ошеломленного на горделивый, будто ее вовсе подменили на другого человека, — завтра вы дадите бой милорду Алану. Ты победишь. А я стану твоей женой.

— Именно так, миледи Гретта Рейси, — вальяжно произнес Сильвуд, оставляя поцелуй на тыльной стороне ее ладони. Даже Лив не выдержала и поддалась его очарованию — заулыбалась, сверкая покрасневшими щеками.

— Нет! Я подумала накануне о том, что мое имя ужасно не подходит придворной жизни, — ахнула Гретта и пошла деловой походкой нарезать круги по сеновалу, размышляя о том, какое имя больше подходит ее милости. Лив и Сильвуд наблюдали за ней с потехой, — мне нужно что-то другое... что-то царственное, величественное, богоподобное!...

— Ты метишь на престол Норквилля или королевский? — подколола Ливви и похихикала. Гретта нашла второй вариант заманчивым; а что, все равно Сильвуд с его-то решимостью мог зайти далеко!

— Какие идеи, любовь моя? — допытывал Сильвуд, прислонившись плечом к деревянному столбу. Гретта продолжала парить возле стогов сена.

— Может... Хельга? Или Хелена? Или Джоана? Да, точно! — ахнула Гретта в приливе восторга, — Джоана, вот кем я буду! Гретта в прошлом, она осталась загнивать в монастыре, скрываясь от Избирателей. На ее место пришла другая, Джоана Рейси, которая одевается в парчу и пьет заморские вина в компании знатных рыцарей...

— Ох, и что же мне делать, если я безумно влюблен в Гретту, где снова искать ее? — подыгрывая девушке лепечет Сильвуд театральным трагическим голосом и улыбается, когда Гретта фырчит из-за недовольства.

— Не волнуйся, Гретту от Джоаны не отличить, — заявляет та и снова крадется к нему легкими, невесомым шагом, чтобы заключить в объятия и огреть поцелуем. Лив не может перестать хохотать, наблюдая за ней. Метлы остались пылиться в сторонке; дамочки нашли занятия гораздо интереснее уборки.

— А кем сделаем Ливви в нашем безупречном мире без рабства? — задается вопросом Сильвуд в перерывах между поцелуями. Он смотрит на мелкую, задрав бровь, и Гретта также поворачивает к ней голову, сверкая задумчивыми глазами. Как обычно прикусывает губу, утопая в размышлениях.

— Она будет моей дражайшей подругой. Такие титулы у вас имеются, милорд?

— Боюсь, что нет. Но можем сделать ее твоей компаньонкой.

Лив задумалась — а что, если у Сильвуда и правда получится? Что делать ей в этом огромном, новом мире, где не нужно бояться, молиться и прятаться? Улыбка вдруг померкла с лица Ливви, прямо-таки завяла на ее губах. Она опустила взгляд в пол, пыльный, усыпанный тонкими нитями сена, и постаралась увидеть себя кем-нибудь другим — не рабой, не слугой, не послушницей. И не вышло. Казалось, у нее в этой жизни только одна роль, и все остальные чужды.

— Я бы осталась при монастыре Света. Стала бы монахиней и дала обет безбрачия, — заговорила она, поняв, что Гретта ждет ее слова. Конечно, такое заявление подружку не обрадовало, и она выказала свое огорчение придиричивым фырканием. Ливви лишь робко ей улыбнулась, — поверь, монастырь для меня — как царские убрания для тебя.

— Ни за что не поверю. Сильвуд, ты веришь ей? — Гретта, повиснув на шее избранника, устремила взгляд на него. Тот, испустив смешок, отрицательно покачал головой, — вот видишь, Ливви, мы раскусили тебя. Ты наглая врушка. Никто не оставит тебя загнивать в монастыре с концом рабства.

— Я так понимаю, мне придется терпеть просторные покои при дворе милорда Рейси и питаться изысками на роскошных пирах? — с наигранной печалью промолвила Ливви и засмеялась, когда Гретта прискорбно закивала с ней в один тон. Сильвуд наблюдал за ними с тихим счастьем в глазах; казалось, он желал быть в этом чудном мгновении вечно. Но часы плавно шли, незаметно подкрадывалась ночь, а за ней настанет утро. Утро битвы. Страшной и скорее всего донельзя кроважадной. Поэтому Сильвуд становится серьезнее — снова берет избранницу за руки и заглядывает в ее глаза.

— Я пришел не только попрощаться перед битвой, — сказал он тише, а затем потянулся ко внутреннему карману мантии. Оттуда он достал кольцо, выплавленное из белого золота и увенчанное рубиновым сердцем. Украшение мягко мерцало в лучах бледного солнца, привлекая своим волшебным сиянием, и обе девушки так засмотрелись на него, что едва не забыли о присутствии самого Сильвуда. Гретта ахнула, положив руку на грудь. Потом, нерешительно и боязливо, потянула дрожащие пальцы к кольцу. Лив наблюдала за ней, распахнув губы. Грета и раньше была падка на всякие блестящие побрякушки, а какие чувства она испытывает сейчас, когда перед ней такая поразительная красота, Лив и представить не могла. Она продела пальчик в кольцо, и оно село как раз в пору. Выставила ладонь вперед, полюбовалась им, а после, вобрав побольше воздуха в легкие, так заверещала, что сама чуть не оглохла. Прыгнула обратно на шею Сильвуда и стала тараторить благодарности, пока он скромно улыбался, погла-

живая гладкие волосы на ее затылке. Нет ничего приятнее, чем видеть Гретту счастливой — об этом думал и он, и Лив. Она все пицала, разглядывая колечко, и не переставала трещать о том, что вскоре у нее будет целый сундук таких драгоценностей. Пока Гретта наслаждалась видами своего кольца, убежав на другой конец сеновала, Сильвуд незаметно подкрался ближе к Лив. Не сводя взгляда с возлюбленной, он проговорил тихо и невзрачно:

— Помолись за меня, — сказал он так, что у Лив побежали мурашки по коже. Она подняла голову и впервые увидела легкое волнение в его строгом лице, — помолись этой ночью о том, чтобы справедливость торжествовала. О том, чтобы я взял ее в жены, — сглотнув продолжил он, посматривая на счастливую до одурения Гретту, — чтобы вернулся к ней завтра с победой и сразу отвел к алтарю.

— Конечно, — шепотом ответила ему Ливви. Уголки ее губ дрогнули, — я сотру колени в кровь, если потребуется. Мой голос будет докучать этому монастырю весь вечер вплоть до ночи.

— Я знал, что обращаюсь по адресу, — посмеялся Сильвуд.

С того дня Лив больше никогда его не видела.

Глава 4. Гретта

Утро было ранним, настолько, что небо, казалось, не намерено светлеть. Лишь недавно стихли ночные песнопения и опустели капеллы. Монашки из женской части монастыря крепко спят на твердых койках, их сопение и храп шумными раскатами проходят по всей келье. Даже Ливви видит десятый сон, пускай раньше ей нередко приходилось вставать в такую рань, чтобы услужить настоятельницам — вывести овец на пастбище или убратся в курятнике. Сейчас ее волнистые рыжие пряди разбросаны по белой подушке, из уголка маленького рта тянется слюна, ночная сорочка путается меж пухлых коротких ног. Гретта с доброй ухмылкой смотрит на подружку, подняв фонарь к своему лицу — до чего приятно видеть Ливви спящей, отдыхающей. Почаще бы она себя так баловала, подумала Гретта и, натянув второй рукой капюшон, покинула келью.

Гретта так и не смогла уснуть. Нет, не потому что зачиталась любовными поэмами, как бывало обычно, а потому что переживания за Сильвуда медленно переросли в бессонницу. Она долго ворочалась на простынях, прежде чем тихонько взвыть и подняться с постели. Глубокой ночью она с трудом нашла среди монашеского хлама скрипучий фонарь, почистила его от воска и погрузила вовнутрь свежую горящую свечу. Затем она сбросила ночные одежды и приделась в любимое сюрко алого цвета с приталенным кроем. Ополоснула лицо в тазу с водой, полюбовалась колечком с рубином и мечтательно вздохнула; а потом, бросив последний взгляд на Ливви, она отправилась к загону с ослами. Да, разумеется, Его Святейшество и настоятельница храма будут вне себя от ее наглости — взяла и выкрала осла, воспользовавшись тем, что все монахи спят! Нахалка! Гретта уже заранее слышала отчитывающий тон сварливой старухи, которая обычно раздавала Пламенным девчонкам поручения и претензии. Ей вечно не нравилось вульгарное поведение Гретты и медлительность Лив. А от похищения осла она вовсе будет в ужасе. Ну, поделом ей, мерзкой старухе, махнула рукой Гретта, взбираясь на животное. Я вернусь в этот монастырь не как беглянка и рабыня, а как леди Норквилля, и если монашки будут учтивее ко мне, я одарю их хоть ста ослами!

Да, эти ранним часом Гретта намеревалась попасть в военный лагерь своего возлюбленного. Она принарядилась, выкрала осла и бросила свою подружку ради того, чтобы выбежать на поле брани. Лагерь, как она знала из давнишних рассказов Сильвуда, возводился в паре часов от северных стен города, прямо на тракте, идущему прямой тропой от монастыря. Скакать на осле ей где-то часа три — как раз успеет к началу сражения. Успеет благословить избранника поцелуем и раздать щедрых, воодушевляющих напутствий воинам, как делали принцессы в любовных поэмах, которыми она зачитывалась в свободное время. Она сжимает подгранные поводья, и кольцо впивается в кожу — а эта боль напоминает ей, как сладка грядущая победа. Скоро все ее пальцы буду в рубинах, алмазах и изумрудах. Главное, повторяла себе Гретта, подгоняя ленивого осла вперед, главное успеть к Сильвуду. Без меня он совсем пропадет.

Небо светлело постепенно, озаряясь тусклым, будто безжизненным рассветом. Облака графитными и грузными комками скопились на горизонте. Холмистые обочины, покрытые серо-зеленой травой, то возвышались над протоптанной дорогой, то вновь опускались, лоснясь к путнику со всех сторон. Где-то вдаль ей мерещились высокие деревья, стоявшие поодиночке в разных частях бескрайней равнины. Для летней поры их кроны казались слишком скудными на листву. Чем ближе Гретта была, тем больше видела — на почти черных массивных ветвях дубов тянулись повешенные. По три трупа на каждой ветке, словно дерево украсили к какому-то дурному празднику, словно некто сделал кровавое подношение Буревестнику, которого на севере жаловали больше, чем Солнце. Кстати, еще одна причина, почему монастырь Света был безопасен для одарённых северянок — милордам этой части королевства попросту безразличны храмы, посвященные Безликому. У Буревестника не было храмов. Лишь снега,

метели и сугробы величиной с человека носили его лик. Гретта хмуро посмотрела на мертвые осунувшиеся лица мужчин, ставшие прикормкой для воронов. Глаза и языки у большинства повешенных уже побиты клювами, на щеках присохли кровавые дорожки. Гретта опустила взгляд ниже и увидела запачканные и поржавевшие кольчуги. Рядом с деревьями, у корней, лежали щиты и копья, видимо единственное, что осталось от поверженных мужчин; благодаря геральдике девушка быстро поняла, что все повешенные — это солдаты милорда Алана Рейси. Попались под клинки протестующих, которых ведет Сильвуд, и стали показательным примером тому, что ждет всех остальных, поддерживающих рабство. Гретта представляет, каково сейчас было бы милашке Лив, оказалась она перед этими деревьями. Шок, слезы, паника — вот что наверняка испытала бы Ливви, но Гретта лишь скучающе пожимает плечами и скачет дальше. Нет, странное тошнотворное чувство тоже ворочается внизу ее живота, но девушке хватает сил и мозгов не поддаваться ему.

Преодолевая нудный путь, она невольно погружается в воспоминания. Местами приятные, местами грустные, но все еще толкающие на улыбку. Гретта вспоминает свое знакомство с Сильвудом, молодым храбрецом, что бросил вызов Норквилю и родному отцу. Помнится, их встреча произошла абсолютно случайно, в пивоварне при монастыре, куда он наведлся со своим маленьким никудышным войском, состоящим из пастухов, конюхов и сапожников. Любое другое место могло стать могилой для Отважного Изгоя Сильвуда, поэтому приходилось довольствоваться не особо вкусным пойлом, который варили для жителей храма. Гретта тогда убирала помещение по приказу сварливой настоятельницы и посему была крайне раздражена; впрочем, юный Пламенный не обратил внимания на ее скверное настроение и не упустил возможности ляпнуть какой-то глупый комплимент ее дивным изгибам. Гретта, будучи не расположенной к флирту, красноречиво послала его куда подальше — в ответ смех, да лишь еще ярче вспыхнувший интерес. Он ушел вместе со своим войском, но на прощание бросил загадочное и туманное обещание повторной встречи. Гретта, делающая равнодушный и одновременно взбешенный вид, снова его послала. А сама всю неделю засыпала с надеждой повстречать наглого незнакомца вновь. Это случилось скоро, прошло всего тринадцать дней. Он снова завалился в пивоварню, она снова намывала полы. Он предложил ей выпить эля вместе, она согласилась, не забыв дать согласие крайне холодным, недружелюбным тоном — Сильвуд, не теряя времени, влюбился. В тот вечер он не постеснялся выложить о себе абсолютно все: о том, что родился от порочной связи милорда Норквиля и служанки его жены, миледи Алисы. О том, что оскорбленная предательством мужа Алиса убила его мать, а потом захотела прикончить и самого Сильвуда — только вот рука не поднялась на беззащитного младенца. Алан сделал все, чтобы о Сильвуде не узнали ни Избиратели, ни люди из столицы, но ему защита оказалась ни к чему. Сам сбежал из-под заботливого крыла отца и понесся по улицам Норквиля с призывами; он призывал людей встать за своих похищенных детей, сестер и братьев, призывал дать отпор безжалостным ублюдкам в коронах. И у него получилось — северяне пошли за ним. Стали его прикрывать и оберегать. Гретта была восхищена его рассказом и его происхождением. Да, пускай он рожден не по воле Солнца, а из-за людской похотливости, в нем все еще текла кровь наследника Норквиля, и Гретту эта мысль будоражила. Их встречи из случайных перетекли в частые, из частых — в постоянные. То она к нему сбежит из-под носа монахини, то он к ней рванет напрямик с военного совещания. Но теперь им не придется прятаться, не придется скрывать свою любовь. Сегодня он вырвет свободу из лап родного отца, и Гретта начнет поковать сундуки, чтобы сменить душную келью на их брачное ложе.

Она минует еще несколько десятков миль, прежде чем за мягким склоном появляются верхушки раскидистых шатров и палаток. Над лагерем стоит дым разведенных костров и серое понурое небо. Хмурые солдаты в безымённых одеждах слоняются туда-сюда, запрокинув копья на плечо, часовые сторожат границы. Из палаток выныривают лагерные девки, пришедшие ублажить мятежников, и их звонкий хохот привлекает внимание бродящих по округе вои-

нов. У Сильвуда пока нет своего знамени, своего двора, но среди реющих флажков Гретта без труда находит гербы различных северных вельмож: и знамена Рубиновго замка, и кого-то из Стоунвилля, и даже богачей-купцов из Ровеля. Почти весь Рудный пролив пришел поддерживать Отважного Изгоя, и Гретта была в их числе. Она ухмыльнулась, осмотрев лагерь еще раз с высоты склона, затем спрыгнула с осла и прогулочным шагом поплелась к палаткам. Она придерживала капюшон рукой, а сама выглядывала вперед из-под шерстяной кромки. Там, вдали, в десятке миль от лагеря, высятся могучие и неприступные стены Норквилля. Их укрывает прядка тумана и обогрывает бледное зарево восходящего солнца. Гретта, засмотревшись на млеющие в серой дымке башни, случайно врезалась в часового. Он явно не желал пропускать чужаков в лагерь, и рожа, как выразилась в своих мыслях Гретта, у него была крайне недружелюбной.

— Опять шлюха? — усталым, брезгливым тоном брякнул часовой. Его товарищ с кривым смуглым лицом таким угрюмым не казался, шлюх много не бывает — так и читалось в его косых глазах, — сколько вас, черты бы тебя побрал? В лагере распутных девок сейчас больше, чем солдат.

— Я не распутная девка, идиот, — грубо бросает ему Гретта, и он, присмотревшись, замечает золотые искры в ее сердитых глазах. Без всякой осторожности стягивает ее капюшон, случайно задев волосы, и девушка злобно шипит от боли и уворачивается от его жесткой руки. Огненно-красные волосы шелком льются ей на плечи под изумленный взгляд мужчины.

— Пламенная, — ахает часовой так, словно впервые таких видит. Гретта выдавливает из себя наигранную улыбку, а после проходит мимо, нарочито задевая часового плечом. Он ее и не останавливает — таким, как она, в лагере Сильвуда только рады.

Только вот сам Сильвуд, как оказалось, ей не рад. Он покидал громоздкий шатер под руку со старым полководцем, прежде чем увидел знакомый силуэт среди толпищ грязных, жаждающих битвы, мужчин. Гретта замерла посреди поля в окружении колышающихся палаток и смотрела на него с непонятным вызовом, высеченном в ее красивом кошачьем лице. Сильвуд крепко сжал челюсти, идя, точнее, почти мчась ей навстречу. Ее уши тонули в скрежете металла, трещании костров, смехе солдат и щелканье знамен. Потом всякий шум отошел на задний план. В момент, когда Пламенный заговорил, она могла слышать лишь его хриплый голос.

— Что ты здесь делаешь? — процедил он сквозь зубы, схватил за предплечье. Гретта не поддавалась его напору, оставаясь такой же самоуверенной дурой как и всегда.

— Пришла благословить тебя перед битвой.

— Вчера ты достаточно меня благословила, — отчеканил он и притянул ее ближе, — с минуты на минуту эта земля утонет в крови. Тебе, что, хочется в ней захлебнуться?

— Я не хочу сидеть в своем треклятом убежище, пока ты рискуешь жизнью, — она выдернула руку, отошла на шаг назад. Смотрела на него своим пронзающим, пробирающим до мурашек взором, — я не могу спать, не могу есть, не могу *жить* в этом состоянии. Я буду рядом с тобой, хочешь ты того или нет.

— Гретта...

— Позволь мне хоть раз покорить собственный эгоизм, — сказала она тише, и ее взгляд смягчился. Сильвуд тоже немного оттаял. Он подошел к ней ближе, согрел ее щеку теплым вздохом. Она ласкалась в горячих потоках его дыхания, после позволила себе припасть к его груди. Холодная кольчуга оледенила пылающее жаром лицо. Сильвуд прижал ее еще ближе, зарылся пальцами в ее огненные волосы. Объятия медленно переросли в поцелуй, который, увы, быстро был прерван завыванием боевого рога. Внутри Гретты все сжалось, и она отстранилась от возлюбленного, не в силах побороть тревоги. Он смотрел на нее в ответ бесстрашно, слабенко улыбаясь концам губ и поглаживая ее острые скулы. Вслед за боевым рогом прогремел приказ одного из командиров — пора строиться в авангарде.

— Обещай, что не прыгнешь за мной в пропасть, — шептал он, пока мимо них неслись пехотинцы, кони и знаменосцы. Гретта сглотнула, — обещай, что я не увижу тебя среди мечников на поле боя. Это было бы сумасшествием и глупостью с твоей стороны.

— Я могу помочь. Могу исцелять твоих воинов, — она сказала это продрогшим голосом, а сама вспомнила страшную историю дядюшки Барка. О юноше, что оставил молодость из-за исцеления, что постарел в двадцать три года и умер непозволительно рано. Плевать. Я готова, если так помогу Сильвуду. Потому что так я помогу всем нам, подумала Гретта и смирилась с возможным незавидным концом.

— Если хочешь помочь, то, прошу, не высовывайся, — пролепетал Сильвуд, отстраняясь от девушки. Мелкий паж лет одиннадцати подбежал к нему и стал снаряжать наточенным мечом и щитом. Гретта смотрела, как ее любимого готовят в бой, и не могла ничего поделать с бросающимися на глаза непрошенными слезами.

— Я...

— Нет, Гретта. Не спорь со мной. Иди подальше от лагеря и жди, — вот в ладони Сильвуда кожаная рукоять, вторая рука скреплена ремешками древесного щита. Менее крепкого, нежели железного, но и более легкого. Паж достал из мешка шлем и водрузил его на голову Пламенного — из прорезей забрала на Гретту выглянули два золотых глаза, — я смогу принять поражение, но точно не готов принять твою смерть, — из всех сторон начало вылезать все больше воинов, конница уже строилась шеренгой вблизи голого куска поля, где с минуты на минуту покажется армия Алана Рейси. Гретту и Сильвуда разлучила дюжина несущихся в бой тел. Она потянула к нему руку, из глаз прыснули первые слезы. Кажется, за сегодня отнюдь не последние.

— Сильвуд! — кричит она, едва перебивая вой рога, ор командиров и ржание боевых скакунов. Люди уносят Сильвуда напрямик в авангард, где ему самое место, и он успевает лишь бросить «люблю тебя, Гретта», прежде чем исчезнуть из ее поля зрения. Ей остается послушать его наказа, точнее, исполнить его последнее желание. Она бежит мимо палаток, шатров и пехотинцев, придерживая подол сюрко в руках. Заставляет себя проглотить подступающий ком и крепко стиснуть зубы — только бы не завывать в тон с рогом, думает та и призывает себя к стойкости, к мужеству, что наполняло сейчас ее избранника. Она идет к склону, где все также спокойно и безмятежно отдыхает ее осел, щипающий траву и отмахивающийся от мух. Гретта падает на его шею, гладит короткую гриву и кусает губы до крови, лишь бы утомонить собственную скорбь.

Лагерь опустел, потухли костры. Только смех лагерных девок все еще приглушенно шумит — в отличии от Гретты, им удастся найти повод для смеха. Конечно, они ведь не отправили свою первую любовь в гущу сражения. Она поднимает голову к серо-голубому небу, видит тусклое возгорание рассветного солнца в прорези пухлого облака. Гретта никогда к нему не обращалась. Все ее молитвы были неискренне, песнопения в капелле никогда не трогали ее сердце. Казалось, солнце помнит о том, как неважно она ему поклонялась, так что просить о пощаде не имеет смысла. Могла бы обратиться к Буревестнику, но о нем она знает и того меньше, чем о Безликом. Выбора не оставалось — приходилось верить только в Сильвуда.

Битва разгорается далеко, настолько, что Гретту не достигают ее отголоски. Она сидит на траве возле осла и смотрит в размытую точку на горизонте. Где-то там, за линией бурой травы, кипит яростью бой. Свистят стрелы, скрипит тетива и лязгает сталь. Грохочут копыта конницы, несущейся на врага, и боевой рог не перестаёт ныть. Гретта никогда не узнает, что происходило там, на поле брани, никогда не узнает, что чувствовали люди, умирающие за свободу таких, как она. Но ей остается лишь надеется, что Сильвуд не ослеплён страхом и не оглушен гневом. Что он бьется с чистым сердцем и трезвым разумом. Только так и достигают победы, верно?

Ветер играет с ее прямыми огненно-рыжими волосами. Тонкие прядки проносятся возле носа, парят выше уровня глаз. Ее пальцы вонзаются в мягкую после мороси почву и

ныряют все глубже, соприкасаясь с потревоженным червями. Сейчас ее вид столь же растерянный что и тогда, десять лет назад. Когда она, будучи восьмилетней малышкой, увидела отца и брата в компании белых охотников. Родные, самые близкие и любимые люди продали ее Избирателям — это Гретта поняла лишь спустя лет семь, когда достаточно повзрослела и перестала оправдывать их поступок. Пускай, будучи малюткой, она ничего не поняла умом, но что-то да поняла сердцем в ту тревожную минуту; и сейчас ее лицо искажено тем же волнующим осознанием.

Часы тянутся, как дни. Солнце неохотно перекачивается с одного облака за другое, небо светлеет и проясняется. Иногда свирепствует ветер, но он быстро стихает. Время уже перебежало за полдень, вскоре наступит вечер. Гретта не двигается, не уходит, даже не думает возвращаться в монастырь — ждет, когда горизонт заполонят воины Сильвуда, когда его разношерстная армия вновь наполнит лагерь. Иногда она трясется от холода, иногда почти засыпает и вздрагивает, резко приходя в сознание. Бессонная ночь сказывалась свинцом на ее веках. Когда снова темнеет, и сумерки подступают медленно, но верно, Гретта бодрится еще более буйным волнением. Который час ей неизвестно, но небо становится таким же, каким оно было, когда она покидала келью. И стоило ей задуматься о том, что битва длится непозволительно долго, как вдруг свершается чудо — на горизонте появляется громоздкая туча бешено скачущего войска. Они что-то кричат, и возгласы их полны восторга, и кто-то бьет в барабаны, а другие трубят в рог. Гретта невольно подсакивает на ноги и с уставшими, но счастливыми глазами смотрит, как приближается конница, и она кажется еще огромнее, чем перед битвой.

Стойте, разве такое возможно? Битва приносит потери, а не новых боевых скакунов.

Гретта постепенно теряет все краски с лица. Шагает вперед, и ноги ее отзываются дрожью. В горле моментально пересохло, и кровь застыла от страшной мысли. Вдруг, это не Сильвуд? Она делает еще шаг вперед, и осел мотает мордой, смотря в ее сторону, словно интересуется, куда девчонка держит путь. Армия затопляет лагерь полностью. Гретта шагает все ближе, уже спускается со склона и вдруг различает среди реющих знамен синее полотно с белой птицей. Она не помнила, что это за птица, какой эта птица породы — она помнила лишь то, что так выглядит знамя Норквилля. Белая птица и синий фон. Этот герб усеял армию, словно цветы на луге с приходом весны.

Гретта резко шлепает себя по губам. Заглушает рвущийся наружу крик. Ее золотые глаза тонут в слезах, капли наперебой текут вдоль худых щек. Она, почему-то прихрамывая, ковыляет еще ближе, чтобы разглядеть армию и точно понять, что ее ведет Алан Рейси. Сомнений не остается, когда над толпищем вытянутых к небу знамен возвышается древко с натянутой на конец головой. У головы этой рыжие волосы, что реют на ветру также плавно, как флажки с белой птицей. Из Гретты выходит дух: тело слабеет, сердце пронзает, словно стрелой, и в горле стягивается ком. Не совладав с внезапно набросившимся на нее головокружением, Пламенная падает на колени и, громко рыдая, смотрит покрасневшими глазами на шпиль. Солдаты весело и дружно распевают песни о покоренном Отважном Изгое, выставя его отрубленную голову всем напоказ. Лагерные девки бегут встречать новых хозяев — им плевать, перед кем раздвигать ноги, звонкий девичий смех становится только громче. Гретта рыдает и не может остановиться; лежит на холодной земле и словно назло самой себе смотрит ввысь, к облаку, куда стремится макушка возлюбленного. Отсюда ей видны только рыжие волосы, посиневшая кожа и вяло открытый рот, к ее счастью, она не может разглядеть деталей. Подкатанных и потухших золотых глаз, шматков внутренностей на древке, пробоину в черепе. Гретта встает на четвереньках и давится слезами, скопившиеся на губах слюны тянутся к траве. Ее крики так истошны, что даже осел, стоящий позади, не перестает оборачиваться в ее сторону. Сегодня она потеряла все — радужное будущее без рабства, красивую жизнь подле лорда-мужа и надежду на спасение. Но в этот миг Гретта может думать только об одной потере — о Сильвуде. Я

потеряла своего Сильвуда, повторяла она в мыслях и не могла в это поверить, я потеряла его, а значит, и саму себя.

Глава 5. Виктор

Найтфэлл неприступно стоял на вершущке зеленой возвышенности, как корона на голове короля. Его башни острыми и четырехугольными колоннами обрамляли просторные дворы, конюшни и кузницы, и на их кровлях плавно колыхались фиолетовые знамена с серебряной крылатой змеей, символом семейства Де Ян. Замок был окружен глубоким рвом и мощными стенами, с восточной их части виднелся широкий бастион. С юга его укрывал густой плодovitый лес, с севера протекала широкая река Дена, чьи берега рассыпались желтым песком неподалеку от холма. На западе была разбросана кучка деревень, которые всецело принадлежали Де Янам, вместе с тем добром, что там создавалось. В двух днях езды на восток стоял город Восход, которым правил сюзерен Де Янов — Эбел Хорват. К счастью, этого расстояния было достаточно, чтобы безобразие города не цеплялось за территорию Найтфэлла. Виктор, пребывая во владения сюзерена, всегда поражался их убогости. Толпам нищих и бездомных крестьян, грязным водоемам и огромным могилам, куда бросали жертв гуляющих по востоку болезней. Виктору приходилось задерживаться в Восходе, если он оставался в Найтфэлле, потому что только там можно было найти ближайшие бордели, разумеется, не такие роскошные, как столичный дом Луны. Вику была необходима разрядка, иначе его мысли темнели и становились слишком тяжелыми, а это мешало службе в ордене. Трогать себя в запретных местах он не мог — заниматься таким непотребством непозволительно человеку из рода Де Ян. Да и Вик после семейных ритуалов в кровавом бассейне попросту не мог запустить руку в штаны. Что-то пугало его в этом деянии, что-то похожее он испытывал, когда видел отца. Трепет испуга, иногда — неудержимая паника. Поэтому он обходился услугами распутниц, которые, если прилежно следовали его правилам, могли подарить нужный его душе покой.

Он сидел верхом, предвкушая скрежет натянутых цепей подвесного моста, что покрывал собой ров. Предвкушал скрип поднимающейся решетки и почтенных приветствий слуг, что обязательно будут лебезить перед ним и сестрой. Потом поднимется гам в чертоге, но шумнее всего будет в Коробочке, когда он спустится туда, чтобы доставить Пламенных для экспериментов Лоренса. Вик всем сердцем ненавидел шум, также сильно, как любил родной дом, а эти вечно враждующие чувства просто не могли существовать во всего-навсего одной душе. Вик напряжен заранее, пускай до моста остается целая миля. Повозка с клеткой за его спиной гудит, лошади хлюпают копытами по размягченной земле. В глаза навязчиво лезет тусклый луч солнца. Дебора поглядывает на брата искоса, в ее лазурных глазах едва заметна зеница беспокойства — она знала, что ему будет трудно первые два дня в замке. Он всегда долго привывает к Найтфэллу, пускай и делает это с обворожительной улыбкой. Шум Найтфэлла ранит его глубже, чем шум королевского двора или любого другого замка. Вик не заметил, как сжал поводья с такой силой, что у него заболели пальцы.

— Ваша милость, — слышится голос караульного, и две белокурые головы поднимаются ввысь. Там, с высоты в тридцать футов, на них пристально пялятся солдаты гарнизона, словно удостовераясь, что близнецы им не чудятся.

— Открывай врата, Френк, — говорит Вик, обескураживая всех мужчин своей благородной улыбкой. Даже такая мелочь — то, что он запомнил имя обычного солдата — благоприятно отпечатывается на славе Де Ян. Дебора не отстает в приветливости и тоже сияет, словно принцесса, прибывшая сразить весь королевский дворец.

Люди, служащие Найтфэллу, любят юных наследников. И галантного Виктора, и милейшую Дебору, и причудливого Конрада. Интересно, была бы их любовь к нам столь же сильной, узнай они у Коробочки? Вик задается этим вопросом и сам удивляется его глупости. Да, отец с детства учил своих детей молчать о Коробочке, но кто сможет спорить с тем, что она приносит сплошь благо? Коробочка нужна, чтобы неустанно взывать к милости Солнца. Любой,

узнай об этом, прекрасно смириться с ее существованием. Что-то внутри Виктора противится этой мысли, но он, скрипя зубами и сжимаясь, заставляет себя снова в это поверить, как он и поступал последние десять лет.

Они пересекают мост, в воздухе чувствуется приятное напряжение — двор Де Ян с трепетом встречает возвратившихся господ. Повозка с клеткой, где томятся одаренные, елозит и подпрыгивает, катясь следом за бодро скачущими скакунами. Виктор прищипорил коня во внутреннем дворе, лошадь Деборы встала на дыбы, но быстро успокоилась. Из оружейной вышли лучники, из конюшни выбежали малолетние конюхи, прачки побросали простыни и с теми же глупыми улыбками на губах поторопились поприветствовать хозяев замка. Вик вобрал полную грудь воздуха: аромат летнего дня в Найтфэлле сочился соком смородины и легкими нотками розмарина. Так пахло в замке, так пахло девство Виктора, так пахли все его раны. Из маленьких окон стройных башен высывались молодые горничные, махающие прибывшим платочками, со стороны псарни донеслись поклоны егерей. Пока Вик любезно отвечал поданным теплыми взглядами и удовлетворял их краткими беседами, Дебора была занята одаренными. Сначала она мучалась с клеткой — калитка упрямо не хотела отвориться — затем со всей заботливостью она тянула оттуда Пламенных мальчишек. Из-за того, что характер у нее игривый, а сама по себе девчушка крайне радушна, Пламенные порой не помнили, что ее надо бояться. Виктора, быть может, они еще шарахались, но про белый плащ Дебби напрочь забывали. Она кормила их во время долгого пути до Найтфэлла, позволяла справлять естественную нужду в кустах, а не в штаны, и любила отвлечь их от горя нерасторопным разговором. Поэтому сейчас они ни капли не сопротивляются, а когда она протягивает им руку, помогая выбраться из клетки, они почти с удовольствием падают в ее ловушку. Потому что улыбки Де Ян — это всегда ловушка, и чем шире их улыбка, тем серьезнее неприятности тех, кому она адресована.

Дебора проверила оковы. Дернула цепи и убедилась, что кисти рук и лодыжки парней крепко связаны. Виктор, распрощавшись с возбужденной прислугой, поспешил следом за сестрой, и вместе они вошли в чертог, волоча за собой закованных в кандалы Пламенных.

Чертог отоплен разведенным камином. В чертогах Найтфэлла почти нет окон, и оттого здесь мрачно и сыро, как в пещере. Повсюду висят фонари, горят факела и пылают свечи. В этой помеси томной полумглы Вик находит мать: Присцилла сидит возле камина, отправляя в топку один лист пергамента за другим. Что Дебби, что Вик, прекрасно знали, чем занята матушка — избавляется от неутешительных отчетов Лоренса. По истечению трех месяцев он всегда составлял отчет: сколько одаренной крови использовано в опытах, сколько тел сожжено в печах, сколько природных материалов взято и сколько в итоге еще понадобится. В конце, обычно, стояла приписка об итогах эксперимента, точнее о том, есть какой-то толк от них, или нет. Зря были замучены и убиты подопытные или не зря. Судя по тому, как увлеченно матушка бросает в огонь очередной клочок отчета, убито было много, а выхлопа никакого. Она отвлекается от своего незатейливого дельца, когда замечает два высоких белых силуэта на проходе.

— Мои нежнейшие ангелы! — лепечет Присцилла и, вытянув вперед длинные ладони, несется навстречу детишкам. Дебора вся плывет от счастья, распахивая руки для объятий, Вик, на кроткое мгновение, снова чувствует оцепенение. Если Освальд внушал ему странный шепот страха, холодящий вены, то Присцилла вызывала... отвращение. Лишь на едва уловимый миг к нему подступает тошнота от вида ее блаженного лица и словно пьяной улыбки. Вик не мог понять, почему его порой одолевает омерзение, ведь он всей душой и сердцем отдан матушке, любит ее также сильно, как и всех остальных Де Ян. К счастью, это чувство, как и страх перед отцом, быстро отступает, и он уже готов подставить щеки для приветственных поцелуев.

— Мы привели гостей для Коробочки, — говорит Вик, как только миледи прекращает терзать его лицо сухими чмоками. Присцилла отстраняется от сына и смотрит на двух юношей, в их золотых глазах таится глубочайшее недоумение. Несомненно, они не первый раз оказы-

ваются в рабстве богачей, такова уж участь всякого, рожденного с даром. Освальд вытащил обоих из-под тощей задницы милорда Говарда, прежде чем переправить в Найтфэлл, так что Тонни и Ру наверняка знали, к чему быть готовыми. Но вряд ли они могли ожидать, что новые хозяева будут милыми, улыбчивыми людьми. Эта женщина, леди Присцилла, также безвредна и приятна, как сама Дебора, и мальчишки вовсе перестают хоть как-то за себя беспокоиться. Уже уверенно полагают, заточение в этом замке будет не столь же гадким, как в замке Аванхолла, где господа имели странную привычку пороть силками Пламенных рабов на глазах всего двора. Они, наивные ребята, даже не представляют, куда их привезли.

—Ах, замечательно, — восклицает миледи, тем же плавным шагом подбираясь к пленникам. Те бездумно хлопают ресницами, наблюдая за ней, — чудные, крайне чудные мальчишки. Думаю, Лоренс будет в восторге!

— Мы можем отвести их ему прямо сейчас, — предлагает Дебора, обнимая Томми за плечи, и тот заметно краснеет. Присцилла улыбается еще шире.

— Ступайте. Пусть Лоренс оценит наших гостей по достоинству.

Вик кидает на матушку беглый взгляд, прежде чем натянуть цепи, огибающие костлявые предплечья Пламенных. Женщина, придерживая руки в замке на животе, возвращается на оббитое бархатом кресло и снова садится напротив камина. Оставшиеся листы пергамента отправились тлеть на раскаленных углях.

Может, эти кровавые ванны и вправду полезны, ведь Присцилла, с удовольствием принимающая их раз в месяц, совсем не выглядела на свой возраст. Ее светлая полупрозрачная кожа лица, обнажающая тонкие вены и сосуды, еще не познала выразительных морщин. Злато-рыжие волосы у нее шелковистые и длинные, тело, пускай и не идеально упругое, как в молодости, все равно достаточно подтянуто для ее сорока с лишним лет. Зрелость выдают лишь кисти рук, что были худыми и дряблыми, как у старухи, а в остальном... ее часто называли старшей сестрицей семейства. Виктор хотел верить, что ее красота сохранилась благодаря кровавым ваннам. Он хотел верить, что терпит этот проклятый ад не напрасно.

Виктор и Дебора следуют по хорошо знакомому коридору до высоких, двустворчатых дверей из красного дерева. Пламенные волочатся за ними неохотно, пускай и не боязливо — добродушие хозяек сбило их бдительность. Их окружают голые серые стены, изредка встречающиеся по пути маленькие отверстия окошек и железные гнезда для огня. Сейчас гнезда пустуют, а поржавевшие сплетения черных прутьев холодны, как лед. Мерзлота, исходящая от них, кусает Вика за нос. К неровному камню прилипла старая копоть, оттого мрачный коридор кажется еще мрачнее. Он никак не охранялся, находился в тени парадной лестницы чертога, и любой излишне любопытный человек мог сюда заглянуть. Мог найти красные двери, а за ними длинную, извилистую лестницу вниз, идущую до подполья, в котором таится печально известная Коробочка. Тогда этого любопытного человека пришлось бы убить. Потому что Освальд Де Ян не устает повторять главный закон Найтфэлла — никаких посторонних в Коробочке. Виктор однажды уже умертвил двух горничных за то, что они подобралась слишком близко к красным дверям. Не успели даже понять, что скрывается там, на глубине в пятьдесят футов, а их тела уже оказались на дне реки Дены. Там окажутся и все другие, что ненасытно желают приоткрыть занавесы тайн семейства.

Виктор толкает двери, петли скрипят, и на них дует холодный и сырой подземный воздух. Брат позволяет Деборе пройти, галантно придерживает для нее красную дверь, а после, когда ее белокурая макушка мелькает на нижнем ярусе, он аккуратно прикрывает двери и вертит защелку. Стрекочущий звук оповещает о том, что обратного пути нет.

Ступени мокрые от капающей со стен влаги. Воздух пахнет дождем и догонялками по столичным улицам после затянувшегося ливня. Дебора спускается по лестнице галопом, вприпрыжку, не боясь перевалиться за перила и разбиться насмерть, а Виктор идет за ее спиной и сторожит, чтоб этого не случилось. Пламенные не испытывают и грамма удивления оттого,

куда их тащат — им ли не привыкать к жизни в странных, Богом забытых норах. Внизу, однако, все меняется: одаренные начинают предчувствовать что-то плохое. Виной тому скулеж и плач, что раздается из-за ряда запертых дверей, как женского, так и мужского, как детского, так и взрослого. Длинный тоннель полон толстых дверей с мелкими окошками, заделанными прутьями. Внутри — тесные пыточные камеры, и одна из таких станет неудобным гнездышком для новоприбывших Пламенных. Но только после того, как Лоренс на них поглядит.

Близнецы заходят в ученую обитель алхимика и на глаза сразу попадает одаренный, привязанный к дыбе. Виктору хватает считанных секунд, чтобы понять — пленник мертв. Замучен. Вероятно, обескровлен. Кожа незнакомца синяя, губы отливают зеленой, потухшие золотые глаза залиты черными зрачками. На просачивающихся ребрах зияют старые шрамы, на впалом брюхе тянется неровный, выпуклый, крайне уродливый шов. Лоренс зашил его после того как, видимо, достал органы. Скорее всего убитый одаренный не только обескровлен, но и абсолютно пуст внутри. Тонни и Ру поняли, что их привели в самый настоящий ад, и едва не рухнули в обморок. Цепь, которую держала Дебора, не позволила этому случиться.

— Вик, Дебби, ну неужели! — тоненький голосок, нежный, как свежие сливки, принадлежал Конраду. Он был одет в старую безобразную мантию, наподобие той, что носил Лоренс, у обоих на передке всегда красовались засохшие кровавые пятна. Эту мантию юный Конрад видит чаще, чем белый плащ, и это совершенно точно его устраивает. За его спиной пылится стол, на столе — миска потрохов, и Вик прекрасно догадывается, чьих. Конни рылся в них с удовольствием, наверное, искал там те самые удивительные Божественные замыслы, о которых они с детства слышат от отца.

— Ты скучал по нам, мой сладкий Конни? — лепечет Дебора и тянет щеки младшего в стороны. Виктор, тем временем, осматривает комнату и уныло признает, что она никогда не меняется. Он навещает Коробочку уже десять лет, а она все также одинаково омерзительна и восхитительна в одночасье. В ней царит медный дух крови, смешанный со слабоватым привкусом испражнений и тухлой сырости. На дыбе, как всегда, висит кто-то мертвый, на длинных столах, как всегда, блестят слизью выколотые глазные яблоки. Перетертые в порошок ногти и зубы невзрачно теснятся на полке с травами и нетронутыми свечами. В котле булькает бурая жижа, в ящиках пылятся исписанные от края до края наблюдения двух безумных гениев — Лоренса и юного Конрада. Самые впечатляющие открытия обычно переносятся из этой душевной безбожной дыры в семейную библиотеку, находящуюся на третьем этаже. Она, в отличие от Коробочки, всегда заперта на несколько замков. Потому что хранит знания, способные перевернуть верх дном все королевство.

— Знали бы вы, как мне не терпелось поделиться новыми, умопомрачительными наблюдениями! — трепещет от возбуждения Конрад, убирая цепкие руки сестрицы со своего исхудавшего лица. Он не говорит, он пищит от переполняющих его эмоций. Конрад всегда был влюблен в Коробочку и те ужасы, что происходили в ее стенах. Он любил опыты, любил острые инструменты и любил старого учителя Лоренса. Виктор завидовал тому, как просто дается младшему жить по правилам Де Ян.

— Ты бы мог поделиться ими еще раньше, если бы соизволил отправиться с нами на поручение, — усмехается Виктор, но говорит без укора. Конрад стыдливо прикусывает губу. В вихре безумных экспериментов он вовсе забывал о том, что в его гардеробе пылится белый плащ.

— Не ругайте маленького милорда, — скрипучий голос Лоренса вклинивается в беседу. Старик, прежде тихо писавший отчеты, поворачивается к господам и медленно тянет свою трухлявую тушу со стула. Тело ученого уже скручено почти пополам, настолько искривился его позвоночник. Легкий, развивающийся подол грязной мантии гонит слой пыли с пола. Шаркая плоской подошвой, Лоренс хромает в сторону гостей, выдавливая из себя желтозобую улыбку, — он пропал на месяц, и в этом моя вина. Мы и впрямь подошли вплотную к невероятному

открытию, посему мне требовалась помощь моего юного помощника, — дряхлая и пятнистая рука алхимика потрепала тонкие волосишки Конрада. Его серые глазки, круглые и непорочные, как у истинного ангела, горели от желания поскорее поведать близнецам о последнем опыте. Если присмотреться, можно увидеть, как худощавое и невысокое тельце Конрада подрагивает от нетерпения. Он, к слову, не обронил на Пламенных ни одного взгляда. И вовсе он порой забывал, что одаренные тоже люди, а не бездушные мешки с кишками.

— Можно я им сам расскажу, ну пожалуйста?! — молит Конни, жалобно смотря на старика, и тот хихикает. Дебора и Виктор переглядываются в немой, но многоговорящей беседе.

— Хорошо, милорд, не смею сомневаться в вашем красноречии, — Лоренс обращает внимание на Тонни и Ру, что не перестают осматривать помещение. Лица их белы, как молоко, губы открыты, во рту у обоих невыносимо сухо. Не нужно иметь проницательности Избирателей, чтобы прочитать в них первородный ужас, — с вашего позволения я отведу новеньких до их камер?

— Только будьте с ними ласковее, — грозит приторным тоном Дебора, передавая цепи в руки алхимика, — они устали после долгого пути. Я обещала им теплый прием.

— Г-госпожа..., — скулит Ру, переходя в руки сгорбленному ученому, — я не хочу... мне страшно...

— Тихо, тс-с-с, — шепчет Дебора, подлетая к напуганному юноше впритык. С его ресницы падает слеза, и миледи ловит ее пальчиком, обтянутым белой перчаткой. Она обрамляет острое лицо Ру своими ладонями и заглядывает куда-то очень глубоко в его глаза, — обещаю, все будет хорошо. Ты веришь мне, Ру? — тот, испуская приглушенный всхлип, кивает. Тонни, стоящий рядом, весь трясется, — славно. Я еще ни разу вас не обманула, правильно?

— Д-да, госпожа.

— И ни обману, — шепотом добавляет она, одной рукой гладит щеку Ру, второй поглаживает скулу Тонни. Словно мать, отправляющая сыновей на войну, она крепко их обнимает и с трудом выпускает из своих рук. Ее братья наблюдают за ней, будто замороженные. Тембр сестры мог загипнотизировать даже их, — Лоренс, — снова она обратилась к алхимику, и тот посмотрел на девушку через плечо. Она оглядела его горбатый нос и опущенный вниз подбородок, — ласковее, помнишь?

— Помню, миледи, слушаюсь и повинуюсь, — он низко кланялся и удалялся в сторону пыточных камер полу согнувшись. То-ли из-за веса горба, то-ли из-за явственной учтивости, толкавшей его на почтительные поклоны, что могли опускаться ниже колен. Три пары глаз следили за Лоренсом до тех пор, пока он не скрылся за дверью. Когда он приоткрыл ее, из щели донесся вой подопытных, и Виктор невольно зажмурился.

— Так вот, — оживленным голосом заговорил Конрад и развернулся к рабочему столу алхимика. Виктор разлепил веки. В ушах непрерывной, повторяющейся волной, стоял звон, — не знаю, известно ли вам, но Лоренс еще тридцать лет назад задался одним важным вопросом: как Пламенный дар влияет на самих Пламенных, и влияет ли он вовсе? Эти размышления привели его на порог Коробочки, где, как он слышал от других алхимиков, творятся истинные чудеса. Дедушка Меркул признал пытливый ум Лоренса и пригласил его стать алхимиком, предоставив все условия для опытов.

Над столом прибита продолговатая палка, поверх которой было намотано обширное полотно. Когда Конни потянул веревочку вниз, полотно с похрустыванием раскрылось перед близнецами, и они увидели огромный чертеж. На пожелтевшем листе изброжен силуэт человека, куча пунктирных линий и непонятные приписки с датами. Виктор нахмурился, наклонив голову в бок, и всмотрелся в линии внимательней. Без пояснений младшего брата, он бы в этой чертовщине ни за что не разобрался.

— Лоренс на протяжении десяти лет наблюдал за двумя Пламенными. Один исцелял людей несколько раз в месяц, второй прибегал к своему дару значительно чаще. Помните наши

благотворительные вечера для челяди из восточных городов? — Виктор случайно упал в далекие воспоминания из детства. Как родители снабжали нищих едой и одежками, сшитых из остатков. В ушах вместо звона теперь звучали голоса крестьян, пылко благодарящих господ из Найтфэлла за заботу. Но яростнее всего они благодарили Освальда не за кусок хлеба или лишнюю рубашку, а за возможность прикоснуться к горящим ладоням Пламенного человека. В закрытом шатре всегда сидел одаренный, что исцелял простолюдин целыми толпами. Конрад обвел взглядом близнецов, понимая, что они оба погружены в воспоминания о тех вечерах, — да, вы все правильно поняли. Тот Пламенный, что безвозмездно исцелял нищих по приказу нашего папеньки, был частью эксперимента Лоренса. Лоренс записывал все изменения, что творились с телом одаренного после таких вечеров, — Конрад ударил пальцами по чертежу, и полотно дернулось, — мы следили за ним вот уже десять лет и неделю назад... неделю назад он умер! — Конрад улыбнулся во все зубы, и Дебби удивленно вскинула брови на лоб. Виктор прикусил щеку, — причем, умер с признаками старости. Он скукожился, как превращенная в изюм виноградинка. Прямо на наших глазах его сердце остановилось после того, как он исцелил другого подопытного. Он исцелил второго подопытного, и его сердце остановилось, понимаете? Безумие! — Конрад всплеснул руками, в каждом его жесте и взгляде читался брызжащий восторг, — а тот, второй, за которым Лоренс наблюдает порядком двадцати лет, стареет медленнее, как и все обычные люди. Думаю, он умрет нескоро. Но вряд ли переживет Лоренса.

— Ты молодчина, Конрад, — похвалил младшего Вик, и тот застенчиво улыбнулся, — мне, честное слово, не хватило бы терпения наблюдать за человеком десять лет. Это ведь так скучно.

— Нет, это вовсе не скучно! — возразил мягким голосом Конни, — в пыточной камере мы с Лоренсом наносили раны по подопытному «Один», а подопытный «Два», преждевременно постаревший, его исцелял. Что я, что Лоренс, старались вносить некоторое разнообразие, поэтому увечья редко повторялись. О! Еще Лоренс выяснил, что Пламенный дар не исцелит потерянное зрение, — дополнил юноша и покопался в волоките старого пергамента. Близнецы переглянулись, растянув на губах добрые ухмылки. Оба прекрасно знали о том, что Конрада не заткнуть, если он начинал рассказывать об опытах.

— Это все *невероятно* интересно, — протянула Дебора, подкрадываясь к младшему со спины. Она положила ладони на хрупкие мальчишеские плечи, его макушка упиралась ей в подбородок, — но тебе пора вернуться в орден. Как давно ты исполнял поручение в последний раз? А как давно тренировался? — она пощупала его плечи и наткнулась на торчащие ключицы. Губы сестры искривились дугой в недовольстве, — если я ничего не путаю, кости у тебя выпирают заметнее мышц. Так дело не пойдет.

— Кажется, наш Конни не переживет следующий поход, — подхватывает Виктор, садясь на табурет возле длинного стола с банками, набитыми глазными яблоками, — интересно, что убьет его быстрее — разъярённый отец Пламенного ребенка или слишком резкий порыв ветра?

— Признаю, я немного дал слабину, — вздохнул Конрад, покачивая головой. Он вытянул ладони и осмотрел гладкую кожу подушечек пальцев. Раньше, когда его тренировал отец, его руки были гораздо уродливее. Его усыпали ссадины, мозоли, и все другие прелести, что оставляет рукоять меча, — не помню, когда эти руки держали что-то тяжелее щипцов.

— Что ты делал со щипцами? — усмехнулся Виктор, сложив руки на груди.

— Выдирал ногти, — буркнул Конни, — вон те, — он качнул головой в сторону маленькой баночки, невзрачно приютившейся за спиной Вика.

— Всегда было интересно, зачем вам с Лоренсом *ногти* одаренных, — с тенью брезгливости спросила Дебора, сморщив нос.

— Лоренс добавляет ногтевой порошок в еду подопытного под номером «Шесть». Хочет проверить, станет ли его скелет крепче после такой приправы к обеду.

— И как? — хмыкнул Виктор, — Получилось?

— Нет, он все также ломается после ударов дубинкой, — испустив страдальческий вздох отвечает Конрад, и Дебора прыскает смешком. Иногда она находили задумки Лоренса просто бессмысленными. Но кто она такая, чтобы соваться в науку, верно?

— Тебе придется взять передых и вернуться к хлопотам ордена, — заявил Вик, поднимаясь с табурета, — иначе у других отрядов возникнут вопросы. А ты знаешь, как отец не любит на них отвечать. Пока мы с Деборой находимся здесь, в Найтфэлле, я потренирую твои навыки.

— Если они у него еще остались, — заметила Дебби с ядовитой усмешкой, и Конрад обиженно надулся. Пospорить с ней не мог — по ощущениям, он не сражался лет сто. Наверное, он станет первым Избирателем, пострадавшим в стычке с Пламенными, если тотчас не возьмется за меч.

Как только алхимик, разместивший новых пленников в пыточной камере, вернулся, Конрад с прискорбным видом снял запачканную мантию и передал ему. С неподдельной трагичностью в голосе он сообщил, что покинет Коробочку на пару месяцев — всецело отдастся долгу белого плаща. Алхимик отпускал своего ученика со слезами на глазах, а Вик, наблюдавший их расставание, боролся с желанием истерично засмеяться во всю глотку. Прежде чем они втроем удалились из подземелья, Вик задержал взгляд на пустом куске стены, заделанным древесной панелью. Кожу тут же осыпало мурашками. Он знал, если отодвинуть полотно в сторону, он увидит железную дверь, что порой мерещилась ему в кошмарах. Страшнее, конечно, другое: рядом с тем местом стояла бочка, которую временами наполнял Лоренс, выливал в нее ведра тягучей и остывшей алой жидкости. Готовился к тому, чтобы набрать бассейн из черного мрамора, значит, вскоре им придется снова свершить кровавый ритуал. Вик жмурится и стискивает зубы — ради семьи и Бога он стерпит это испытание, *он должен*.

Дебора собралась выполнить отцовское поручение: привести в порядок доходную и расходную. Поэтому остаток дня она провела за бумажками, и не успела сбросить белый плащ, как уткнулась в грудку пергамента. Конрад до самого вечера возился в оружейной, выбирая подходящие себе орудие, а Виктор отправился в часовню. В Найтфэлле была скромная пристройка у маслобойни, невысокая башенка с бронзовым солнцем на вершухе шпиля, такая же темная и мрачная из-за отсутствия окон, как и чертог. Здесь милорды семейства Де Ян выстаивали молитвенные службы, просили Безликого о милости и благосклонности, вещали о жертвах, которые они приносят во имя Его. Но Виктор, в отличие от большинства родителей, приходил в часовню ради другого. Здесь он обретал необходимый его тревожному сердцу покой. В часовнях нет лишнего шума, нет столпотворения людей, и главное, это не то место, где на тебя прыгнет обнаженный человек. Поэтому Вик засиживался перед святым изваянием часами. Мог провести тут полдня, а мог и целый день, если отец находился далеко от замка. Искренней любовью к часовне проникалась и Присцилла.

Вик, переступая порог, сразу увидел сидящую на коленях мать. Платье из темно-лилового бархата вплотную прилипало к ее телу, подчеркивая выпуклые лопатки и звенья проглядывающих позвонков. Три ряда маленьких скамеек справа и слева от могучего изваяния тонули в густых тенях. Свечи были разбросаны лишь вокруг алтаря, возведенного у дальней стены, а вся остальная площадь довольствовалась тусклым, едва достигающим свечением и пряталась в полумгле. Безликий, высеченный из белого камня, возвышался над склоненной женщиной и позолоченным алтарем. Вик смотрел в плоское и пустое лицо, лишенное человеческих очертаний, и медленным, беззвучным шагом подобрался к ближайшей скамейке. Также тихо уселся, не прекращая сверлить тяжелым взором гладкую поверхность лица. Впервые он задался вопросом, почему у Солнца нет лица. Почему их Бог — Безликий.

— Как думаешь, почему у Бога нет лица? — он решил полюбопытствовать вслух, и его охрипший после долгого молчания голос отозвался эхом. Матушка даже не пошевелилась, но Вик знал, что она задумалась над ответом. Он не видел ее глаз, но знал, что они нервозно забегали по граненым изгибам скульптуры. Не видел ее рта, но знал, что на губах больше

не лежит блаженная улыбка. Он — Избиратель, и пользуется своим мастерством угадывать человеческие мысли даже в родном доме. И он знал, о чем думает мать — она ни черта не представляет о вере, которой так поглощена.

— Тратат о Солнце расписан этими подробностями. Слуги неба поведали правду о Безликом много тысяч лет тому назад, — ее голос прошелестел над часовней глухим и отстранённым эхом. Вик поджал губы; ответ матери был таким поверхностным и размытым, словно она ученик, боящийся ошибиться перед учителем.

— Мы никогда не читали этот трактат, — отрешенно промолвил Вик, уронив макушку на спинку скамьи. Его рассеянный взгляд уперся в конусообразный белый потолок, — ни ты, ни я, ни отец. Мы молимся и вопрошаем у создания, о котором совсем ничего не знаем. Это странно?

— Вик, — матушка поворачивает голову к нему через плечо, и в оранжевом свете свечей, мигающих у подножья скульптуры, он снова видит ее блаженную улыбку. Она все также сидит на коленях, упираясь костяшками в бедра, — мы служим ему иначе. Наша вера сложнее всей пресвятой болтовни, которую ты можешь услышать в Солнечной церкви. Наша судьба — добраться до его замысла, до начала всех начал. И, да, нет ничего страшного, если при этом мы не будем знать, куда делись его глаза и рот.

Он тихонько усмехается и смиренно кивает. Кусает щеку и поднимает глаза к пустому лику. Почему-то с детства ему чудилось, будто Безликий смотрит на него с осуждением, пускай у него и нет, чем смотреть.

Присцилла поднимается с колен, испуская шумный вздох. Ее лиловая бархатистая юбка вся в пыли и светлых пятнах осыпавшейся со стен извести. Она лениво отряхивается и поворачивается к сыну на низеньких каблучках. Прежде чем оставить его наедине с мыслями, матушка извещает:

— Через полторы недели я устраиваю омование, — она неспешно проходит мимо сына к выходу и не замечает, как окаменели черты его лица, — твой отец не сможет присутствовать, поэтому, надеюсь, ты возьмешь на себя заботы главы семейства, как старший сын, и встретишь наших дорогих гостей.

Вик почувствовал, как ускорился пульс. Жар прильнул к лицу, и в ушах застучала кипящая кровь. Он представлял, каким растерянным выглядит в это мгновение, и безмерно радовался тому, что матушка стоит у порога и видит лишь белокурые витки волос на его затылке. Из раздутых ноздрей вышел прерывистый выдох, и он, сжав кулак покрепче, с трудом ответил:

— Конечно, матушка. Жду не дождусь.

Глава 6. Поль

Его шатало так, словно он на борту корабля, угодившего в шторм. Одной рукой он держался за ножку кроватного балдахина, второй держался за ножку бронзового кубка. Вино лилось по его губам и подбородку. Липкие ручки с приторным ароматом забродивших ягод плескались с подбородка на голую грудь, покрытую тонким переливающимся слоем пота. Соль испарин и сладость выпивки копились у него на языке, куда порой приливали кислотка подступающей рвоты. Поль напился столь сильно, что удивился, увидев чистые половицы, не оскверненные его блевотиной.

Кубок снова опустел. Сложно сказать, который раз за утро. Поль знатно взбесился, когда на язык упала последняя капля, и он, со злости, бросил посудину в стену. От звонкого треска вздрогнула шлюха, стоящая перед ним на коленях. Она покосилась в бок, где лежал пустой, украшенный кривой вмятиной, кубок, и посмотрела на Избирателя своими тупыми овечьими глазками. Ее губы соскользнули с его головки, и Поль, переставший чувствовать ее язык, раздраженно цокнул.

— Не отвлекайся, иначе твой череп будет похож на этот кубок, — угроза вышла из Поля невнятной и неразборчивой массой букв. Язык заплетался так, что он и сам местами не понимал, что несет. Девушка, бегло метнувшись взглядом от недовольного лица господина до искривленной бронзовой грани, неуверенно вернула влажные губы на его член. Чтобы ее впредь не грузили сомнения, он запустил липкие пальцы в ее жесткие, выгоревшие на летнем пекле волосы и намотал их на кулак. Двинулся глубже. Девчонка закашляла, но никак не попыталась освободить от его плоти.

Золотая Оса вся пронизана шумом выступающих музыкантов и гремящего смеха. Галдеж, стоящий в гостевом и игральном зале, доходил даже до спальни комнаты, в которой напивался Поль. Золотая Оса — это не дешевый бордель, где можно подцепить блохастую девку и весело проводить с ней время, это паб и азартный дом, достаточно дорогой, чтоб хозяину не приходилось продавать девиц. Шлюх тут не найти, но если они нужны Избирателю, то любой слуга Осы готов поискать. Одну такую, отрытую в одном из публичных домов Неказистого переулочка, привели в комнату Поля по его незамедлительной просьбе. И вот он третирует рот милой незнакомки уже второй час, не замечая человека, притаивавшегося в углу на кресле. Парень, толкаясь в глотку шатенки, пропускает мимо ушей громкий утомленный вздох незнамого гостя.

— Для Избирателя вы слишком невнимательны, Поль Дженкинс, — говорит человек, и Поль встряхивает от неожиданности так, будто егошибанула молния. Он проезжается членом по зубам девушки, оглядываясь назад, а после шипит сквозь сжатые челюсти, отбрасывая ее от своей головки. Девушка упала с колен на лопатки.

— Жучок, черт бы тебя поимел. Какого хрена? — ругается Поль, а в ответ тяжелая тишина. Жучок сидит в кресле неподвижно, закинув ногу на ногу, его каменное, ничего не выражающее лицо направлено на суетливо одевающегося посетителя. Поль носится по комнате в поисках штанов, его крепкие мышцы, покрытые оливковой кожей, сверкают испариной при тусклом свете горящего канделябра. Шатенка, укрытая лишь тонкими золотыми цепочками, обрамляющими ее грудь и шею, с непонимающим видом сидит на полу. Она рассматривает юношу в льняном кафтане с золотой брошью в форме осы, прицепленную под ключицами. Он выглядит гораздо моложе Поля, но взгляд его грузен, словно глаза выплавлены из свинца.

— Жаль, что ты испортил бронзовый кубок, — говорит Жучок ровным, убаюкивающим голосом. Его голова повернута к стене, рядом с которой лежит поврежденная ударом посуда, — Жучок умеет беречь вещи. Умеет их ценить.

— У тебя дохрена таких кубков, так что давай без нытья и сразу к делу, — огрызается Поль, его слог, как и всегда, грязен и колюч. Он натягивает нижнее белье, затем берется за белые штаны. Шлюха неловко и смущенно подает ему белый камзол и белый плащ, но он лишь толкает ее в плечо, не нуждаясь в посторонней помощи. Вместо того, чтобы одеться полностью, он стоит перед Жучком с голым торсом, сложив руки на потной груди крестом. Его каштановые волосы лежат на голове в полном беспорядке и падают на мутные, покрасневшие после бессонной ночи глаза.

— Хорошо. Жучок тоже не любит терять время попусту, — он смотрит на девушку, та, все еще пребывая в замешательстве, прячется за толстой ножкой балдахина, — дама должна покинуть комнату.

— Да, согласен. Убирайся, — опомнившись лепечет Избиратель, поглядывая на девицу через плечо. Она, не тая обиды на плохое обращение, мигом улетучивается из спальни, и цепочки, обвивающие ее тело, тихонько шелестят. Как только дверь захлопывается, Поль снова смотрит на Жучка, и их взгляды сталкиваются, — ну вот, она ушла. Теперь ты расскажешь, как, твою мать, ты оказался здесь?

— Жучок достаточно мелок, чтобы проникать даже в самые тонкие щели, — пожимает плечами юноша, и Поль закатывает глаза, — У Золотой Осы нет секретов от Жучка. Оса сказала, где искать тебя

— Прекращай быть жутким кретином, — фыркнул охотник и плюхнулся на перину. Рядом с ним валялись белые перчатки. На левой оставались красные пятна чужой крови, но Поль никак не мог вспомнить, когда успел запачкаться. Пачкаться ему приходится часто, учившаяся, как он любит залезть в уличную драку.

— Ты знаешь, зачем Жучок пришел к тебе, — Жучок решает идти в прямую атаку, и Поль проводит языком по нижней губе изнутри. Он прекрасно догадывается, зачем хозяин Неказистого переулка вторгся в его спальню этим днем. У Жучка не было привычки нарушать покой своих посетителей, но Поль уже давно не простой посетитель, он его должник. Должники Жучка, к слову, долго не живут.

— Мне нужен еще месяц, — Поль говорит напряженно и умоляюще одновременно.

— Жучок слышит это уже третий месяц подряд.

— Клянусь, я отдам вдвое больше в следующем месяце.

— Жучку не нужны клятвы, ему нужно золото, — юноша встает с кресла. Такой хрупкий с виду мальчишка держит в страхе Избирателя и весь гребанный Неказистый переулок, думает Поль и не может понять, как так вышло. У Жучка нет при себе оружия, ни меча, ни кинжалов, ни лука и стрел, но вид его все равно внушает страх. Нет, не страх, а дурацкое волнение, предвкушение всего наихудшего, — Петля опустошена после твоих недавних проигрышей. Не закроешь долг, и она стянется на твоей шее.

— Мне просто нужно больше времени, — повторяет Поль с напором в голосе. Безжизненные, ничего не говорящие глаза Жучка смотрят в его поникшее лицо.

— Жучок не любит разбрасываться временем, ровно как и золотом, — он достает из кармана маленький медный кругляшок. Внутри него щелкает стрелка, — ты истощил мой кошелек, так не истощай же мое терпение. Иди к своему предводителю и проси выплатить наперед жалование.

— Думаешь, это так просто? — негодуяще фыркнул Поль, упираясь ладонями в перину, — предводитель щедр также, как ты терпелив.

— Жучок крайне терпелив, — возразил юноша, — и не любит, когда этим пользуются. Либо ты восполняешь весь свой долг к концу недели, либо я накрою твой труп белым плащом и выброшу его в Красную.

— Очень доходчиво, Жучок, я понял тебя, — натянуто улыбается Поль, и Жучок, бросив на него последний, ничего не говорящий взгляд, удаляется из комнаты.

Полю не привыкать плавать в полном дерьме. Он выбирается из него столь редко, что уже не замечает запахка. До того, как облачиться в белое, он был сыном простого гончара, доживающего свой век в скромной лачужке недалеко от берегов Бесславного залива. Уже тогда Поль был до неприличия близко знаком с неприятностями: доходы их семейного ремесла были столь жалким, что приходилось зарабатывать на жизнь делами менее благородными. Он занимался грабежом — нападал на торговые караваны вместе с такими же нищими отребьями. Он бросался на вельмож — убивал пажей и оруженосцев, когда те выбирались в глушь на охоту, а после продавал все, что мог стащить с их тел. Пару лет он странствовал по югу, где кучковались богатые вассалы милорда Велливуда, и там он находил еще больше благ. Проникал в их усадьбы и замки, не стесняясь выносить столько, сколько в мешке поместится. Преступный мир быстро стал ему родным. От такой жизни, как выяснилось, даже была своя польза — эта непростая жизнь подарила ему тонну навыков, необходимых для того, чтобы попасть в белый орден. Когда Поль совсем обленился, устав от непредсказуемости разбойнических будней, он подался в новобранцы. Почему-то полагал, что бремя охотника за Пламенными гораздо легче бремени вора и убийцы. Оказалось, что не шибко они и различаются. Бандит и Избиратель разнятся лишь в том, что одного закон карает, а второго поощряет. Нагрузка, к тому же, меньше не стала, и Поль сто раз пожалел, что затеял эту необдуманную авантюру. Он дал клятву предводителю и только после этого узнал, что обратной дороги нет, и с унынием он принял, что такова его судьба — вечно плыть по течению, состоящего из сплошного дерьма.

И все же, невзирая на то, что существование его было лишено смысла, он не хотел его прекращать. Не хотел отдавать душу Солнцу и оставлять любимый Неказистый переулок без своего внимания. Поэтому, направляясь пешком до королевского дворца, он все размышлял, как закрыть долг перед Жучком. Он думал уговорить предводителя Освальда отсыпать ему пару сотен фунтов золотых монет, но в глубине души осознавал, что план обречен на провал. Ходят слухи, что Освальд Де Ян милостив к попрошайкам, но Поль, теснящийся в отряде с его детишками, начал сомневаться в каждом слухе об этом треклятом семействе. В их доброте, порядочности и напыщенной святости. Да, с виду они безупречны, вылитые ангелы — особенно на фоне такого придурка, как Поль. Но он, наблюдая за ними из тени своей мерзопакостности, все чаще начал замечать их дурость. Взять главу их двора — Освальда Де Яна. Поль сбился со счета, сколько раз находил его в объятиях целой горстки шлюх, по возрасту годящихся ему в дочери. А что до старшего, Виктора? Вик придерживается великолепного образа гораздо старательнее отца, но и в его идеально выструганной маске легко найти проплешины. Когда они выбирались на ловлю Пламенных вдвоем, Поль нередко заставлял Вика за выплёскиванием неопишуемой жестокости. Стоило ему очутиться вдали от брата, сестры и отца, как он превращался в гребанного психа, что аж у Поля, бывшего разбойника, волосы вставали дыбом. Тот самый Виктор, учтивый с дамами и милосердный к немощным, калечил лица простолюдин до кровавого месива, стоило им слишком громко вздохнуть рядом с ним. Год назад Вик и Поль во время похода на юге остановились в захудалом трактире рядом с деревушкой Долина Яблонь. Там до Вика стала помогать дочь мельника, так он взял и избил ее. Поль тогда так обомлел, что у него эль изо рта полился водопадом. Нет, он, конечно, сам далеко не образец для подражания, но то, что сделал Вик, когда бедняжка опустила руку к его мужскому достоинству, Поль еще долго видел в своих кошмарах. Девчонка та до сих пор ходит по деревне с кривым носом и беззубым ртом. Его сестра-близнец по имени Дебора вовсе вызывала у Поля смесь самых непонятных чувств. Эта придурковатая девица не была столь же жестокой, как ее брат, но она была непредсказуемой, как море осенью. Как-то раз, за один день она умудрилась взбесить Поля, обрадовать, возбудить и напугать — вот насколько хаотичным было ее поведение. Она вылила ему на голову чашу с вином, потом в качестве извинения вылизала его намокшие нектаром щеки, а потом приставила нож к горлу и сказала, чтоб он молчал об этом до конца своих дней, не то она их укоротит. Но самым незабываемым был

другой случай: несколько месяцев назад он вел Пламенного в королевскую башню, и зайдя в первую попавшуюся каморку обнаружил Дебору, стоящую на коленях перед одаренным парнишей и работающей языком над его волшебным членом. Поль тогда так быстро удрал оттуда, что спустя время начал сомневаться в собственной адекватности — не могла же уважаемая леди Дебора убаживать раба своими прекраснейшими устами? Он довольно скоро перестал об этом размышлять, решив, что ему не стоит соваться в пучину гнили Де Ян. О леди Присцилле он слышал совсем мало, поскольку она редко покидала Найтфэлл, как и Конрад, четвертый из пятого отряда. Но про Конрада у Поля есть, что сказать. Этот маленький кретин был таким же отбитым, как и все остальные его родственники. В этом Дженкинс убедился, когда застал его за расчленением бездомной кошки. Полудурок притащил на королевский двор убитое животное и стал копошиться в его внутренностях с таким невозмутимым видом, будто ищет в кишках случайно потерянные ключи от дома. Да, эта ситуация позволила Полю сделать преждевременные выводы о младшеньком сынишке Освальда, и больше он за ним не наблюдал.

В общем, если говорить кратко — Поль ненавидел это адское сборище лицемеров. Находится с ними в одном отряде то же самое, что жить в клетке с дикой, болеющей бешенством, собакой.

И, тем не менее, прибыв к кабинету предводителя, Поль натягивает дружелюбную улыбку и уже готовится вылизывать его подошвы. Если ради сундука драгоценностей ему нужно разыгрывать из себя поклонника безбожной семейки, он готов. Возможно, он и сам был частью адского сборища лицемеров. Может, Де Яны заразили его этой порчей. Хотя, он и до встречи с ними на многое был согласен ради богатств.

Двери были слегка приоткрыты, и тонкая щель поделила золотой полумесяц, выплавленный на деревянном полотне. Он хотел постучаться, прежде чем войти, но его костяшки замерли в воздухе, когда из помещения до него дошли встревоженные и напористые голоса. Один из них принадлежал Освальду, второй — сенатору Аскольду. Сенатор так сильно отличался от прочих Де Ян, что Поль нередко забывал об их родстве.

—... Ты соизволил заговорить со мной впервые за много лет довлеющего молчания, и все, что я слышу из твоего поганого рта — уйма претензий! — рывкает Освальд, и в стену летит что-то твердое, но легко ломающиеся. Поль невольно вздрагивает, когда внезапный грохот режет слух. Смотрит через щелку и видит предводителя, мечущегося по кабинету мимо усталого и явно не настроенного на спор брата. Аскольд следит за ним утомленными поблекшими глазами.

— Я пытаюсь помочь тебе. Хотя не должен. Если все узнают о безумии, творящемся в Найтфэлле, я буду только рад. Лучше сказал бы мне «спасибо» за то, что я топчу собственные принципы в угоду спасения твоей шкуры, — голос сенатора столь же блеклый, что и его внешний вид. Он младше Освальда на четыре года, но выглядит намного хуже. Его морщинистая кожа не просто бледна, она серая, как пепел, а светлые волосы, длиной достигающие до плеч, редкие и тонкие, как паутина. Выбритые щеки уже дряблые и заметно обвисшие. Ростом он тоже не выдался, телосложением подавно — под синей мантией скрывается тощее слабое тело. Освальд на его фоне со своей-то мускулатурой, бронзовым загаром, ровной белой щетиной и ясными голубыми глазами кажется Богом воплоти.

— Ты угрожаешь мне? — шипит предводитель, подлетая к брату и возвышаясь над ним, словно беспощадная волна, готовая отхлестать песчаный берег. Аскольд, к удивлению Поля, глядит на старшего брата без робости и страха.

— Ты оглох, братец? Я говорю, что спасаю тебя. Прошу, перестань отправлять Пламенных до Найтфэлла. В ратуше растет клубень нелестных слухов. Милорды догадываются, что ты, пользуясь своим положением, устраиваешь какие-то махинации с одаренными, — Поль видит, как бронзовое лицо предводителя краснеет от прилившего жара. Он стискивает зубы так, что их скрип доходит до его ушей. Аскольд все также невозмутим.

— Я предводитель Избирателей. Я сам решаю, как поступать с одаренными, — золотые наплечники на его широких плечах явственно мигают и блестят, словно в доказательство сказанных слов, — и мне не нужно разрешение твоих ратушных крысенышей.

— Когда ты стал таким безрассудным идиотом? — шипит Аскольд, щуря рыхлые веки, — я повторяю, Освальд: люди замечают неладное. Видят, что Пламенные покидают замки и поместья и куда-то бесследно исчезают. Продолжай в том же духе, и вопросы станут поступать от его величества Ризмунда.

— Вместо того, чтобы угнетать меня своими гадскими прогнозами, лучше бы защищал честь нашей семьи от нападков завистников, распускающих слухи. Найтфэлл и твой дом тоже.

— Нет, — Аскольд произнес это слово таким ледяным тоном, что казалось, сам Освальд невольно содрогнулся от холода, — мой дом — поместье в Золотом квартале, построенное, к счастью, достаточно далеко от проклятой дыры, носящей имя Найтфэлл.

— Предатель. Ты всегда таким был. Врагом всем нам, — предводитель цедит, и слюна брызгами летит с его искривленных от злости губ. Сенатор продолжает отражать ярость брата стеной выдержанного спокойствия.

— Враг не стал бы предупреждать тебя о надвигающейся буре, — хрипит Аскольд и отстраняется от Освальда. Предводитель не мешает ему брести неторопливым шагом к выходу, где стоит Поль. Тот, резко ожив, забарабанил костяшками по двери, что есть мочи. Сделал вид, будто не слышал их странной ругани, и что понятия не имеет о разгоревшемся споре. Хотя, Полю и без того нет дела до разборок в чужом семействе. Единственное, из-за чего он сейчас беспокоится, это о своем золоте. Предводитель, должно быть, пребывает в плохом расположении духа после разговора с братом и посему не захочет даже выслушать просьбу подчиненного.

Двери расходятся нараспашку перед растерявшимся Полем, и он видит мрачное, лишенное жизни лицо Аскольда. Нелепо ему улыбается и еще более нелепо кланяется.

— Сенатор Аскольд, — Избиратель согнулся пополам перед его светлостью, но тот не подал никакой реакции. Бросил на парнишку бесчувственный пустой взгляд и, словно призрак, пошел по коридору беззвучным, порхающим шагом. Собственно, обычное поведение сенатора.

Предводитель позволил войти, и только после озвученного разрешения Поль переступает порог. Видит Освальда за столом, и в глаза сразу бросается его ослепительная белоснежная улыбка. Ему удалось мгновенно спрятаться за маской, скрывающей изъязны. Поразительно. Еще пару минут назад он говорил, рыча, и носился по комнате, как ураган, а сейчас спокойно поглядывает на гостя из-под ресниц, не прекращая хвастаться ровным рядом зубов.

— Чего тебе, Дженкинс? — спрашивает предводитель, не прекращая тянуть концы алых губ вверх. Поль мнетя, не зная, как вступить в разговор так, чтоб его не выгнали пинками. *Твою мать*, ругается в мыслях парень, *я же ни хрена не придумал, что говорить*.

— Я хотел просить вас... могли бы вы заранее выплатить мое жалование? На месяц вперед, — он нервно тербит белую перчатку, испачканную старой кровью. Освальд поднимает светлую бровь на ровный лоб. Когда Поль открывает рот, предводитель чувствует винный запах, слитый с вонью перегара.

— Опять, Дженкинс? Не первый раз от тебя поступают такие сомнительные просьбы, — мужчина откидывается на спинку стула, расправляет плечи. Поль смотрит в ноги, не решаясь столкнуться с его ярко-голубыми глазами.

— Сейчас моя нужда запредельно высокая, — давит с трудом парень, — но, обещаю, следующего раза не будет.

— Интересно, откуда эта нужда берется. Хотя несложно догадаться, если знать, чем ты занят в свободное от службы время, — Освальд фыркает с таким пренебрежением, будто сам не проводит бесконечного много ночей в борделях Неказистого переуллка в компании малолетних распутниц. Поль по-глупому лыбится, не считая нужным злить предводителя лишними

возражениями, — я не плачу людям за безделие. Хочешь золота — тащи ко двору одаренных. За это я с радостью тебя озолочу.

— Н-но...

— Никаких «но», Дженкинс, — предводитель отодвинул ящик стола, достал оттуда свернутую трубкой карту и расстелил ее под взором Поля. Выцветшая краска подсвечивала главные регионы королевства, и палец Освальда уткнулся в область, отмеченную бледно-зеленым цветом. Она окружала торговый тракт, идущий от Стоунвилля до Норквилля недалеко от Нефритовых рек. Поль плохо знал те земли, считал их унылой дырой и предпочитал обходить стороной, — Эти края давно не проверяли. Отправляйся туда, полагаю, улов будет стоящий.

Надо быть совсем идиотом, чтобы думать, будто у меня есть другой выбор, понимает Поль и тем не менее выпускает из губ раздосадованный вздох, пахнувший терпкой вишней. Смиренно кивает, принимая поручение, и предводитель передает ему сверток карты прямиком в руки.

Предводитель сказал, что не платит жалование бездельникам — тогда какого черта его сынишка Конрад непрерывно сосет золото из казны? Поль размышляет, лениво следуя до королевской конюшни, где он оставил своего скакуна невесть сколько дней назад, чтоб случайно не проиграть его в кости. Все знали, что Конрад неохотно исполняет долг Избирателя и чаще всего отдыхает в родовом замке на востоке, а монеты, тем временем, продолжают заполнять его личную сокровищницу. Все знали, но никто не задавал вопросов — Поль, разумеется, не хотел наводить шуму в одиночку. Раз уж все молчат, и я помолчу. Но, сохраняя молчание, он решает, что обязан ненавязчиво растолкать своих товарищей. С ними ему будет проще выполнить поручение и заработать с лихвой. Да, конечно, он серьезно нарушит выдвинутые Жучком сроки, поскольку до конца недели уж явно не успеет смотаться сначала на восток, а потом и на север, но и Жучок не настолько всевластен, чтоб найти его там. Да и кто в здравом уме понесется за Рудный пролив, кроме Избирателей? Поль заключает, что это здоровский план — спрятаться от Жучка, выполняя поручение предводителя. Там он добудет Пламенных, а вместе с ними и золото для покрытия долга. И, особенно умным он считает себя в момент, когда решает принудить товарищей Де Ян отправиться в поход вместе с ним. От охотников из других отрядов он слышал, что близнецы ускакали до Найтфэлла. К сожалению Поля, он не знал, что явиться в замок семейства без приглашения — смертельный приговор. Поэтому он отправляется в долгий путь налегке, не обременяя себя опасениями за свою жизнь.

Глава 7. Виктор

Вик сделал резкий выпад, Конрад закрылся мечом, и сталь звонко лязгнула. Солнце, полностью обнаженное от облаков, бело-желтым пятнышком сверкнуло в начищенном лезвии. Так ярко оно мигнуло, что черные глаза Вика ошпарило, но он не подал виду. Конрад вывернулся из захвата, концы остриев упали к земле, и он отпрыгнул на три шага назад, как кузнец, перебравшийся на соседнюю травинку. Мальчишка тяжело дышал, его тонкие золотистые волосы с рыжим отливом насквозь промокли и прилипли ко лбу. Хрупкие плечи резво скакали вверх-вниз. Вик, наблюдая за младшим, отчетливо видел его усталость — Конрад снова совершил эту ошибку. Нельзя показывать сопернику то, как сильно тебя вымотали его атаки. Иначе он будет истощать тебя и дальше, пока ты сам не распластешься у его сапог.

Пускай Конрад был вымотан изнурительной тренировкой еще час назад, сдаваться он не собирался. Одна пухлая мозоль на его указательном пальце лопнула, и разжиженная блекло-красная кровь потекла по фаланге. Наверное, это больно — держать рукоять меча израненной рукой, вечно царапаясь и проезжаясь о жесткую бычью кожу, но и это неудобство не вынуждало Конрада сложить оружие. За эти полторы недели, что старший тренирует его, он достиг небольших результатов: элементарно, не сыпался от первого же удара. Его изящный полуторный клинок рвался в бой против длинного и тяжелого меча Виктора, и от гремящих на весь двор ударов начищенную до блеска сталь бросало в дрожь. Вик снова подобрался к нему, началась череда выпадов и ловких блоков, а потом их танец прервало копье, разлучившее два пляшущих лезвия. Дебора ворвалась в их сражение так неожиданно, что Конни растерялся и ослабил хватку на мече. Сестра, воспользовавшись его уязвленностью, стала наносить град прозорливых и до одурения быстрых ударов. Древко мелькало возле его носа, виска, шеи, груди, коленей, ступней, и Дебби беспощадно наступала вперед, вынуждая младшего пятиться и уворачиваться из последних сил. К тому же, Виктор никуда не делся — он прижимал Конрада с другого курса. Пока одна близняшка носилась перед его лицом, второй мельтешил сбоку. Вместе им удалось загнать бедолагу в угол и уронить его на зад. Конни рухнул на землю, его прекрасный клинок упал рядом, и мальчишка завопил во всю глотку: сдаюсь!

— Так нечестно, — тут же запротестовал Конрад, обиженно складывая руки на груди, — вы вдвоем сплотились против меня одного!

— Конни так давно не странствовал по королевству в белом плаще, что позабыл, как несправедлив мир, — лепечет Виктор, облачаясь на свой массивный меч и смотря на младшего сверху вниз, — враги никогда не ходят поодиночке. Придется отбиваться от всех разом.

— И, да, считай, ты мертвец, — напомнила Дебора, направив острие своего копья в нос брата. Тот отмахнул копье с недовольным видом, словно прогнал бесящую муху, — будь я твоим врагом, я бы уже ликовала, насадив твой тощий зад на древко.

— Я выбираю лук и стрелы! — пищит Конрад, поднимаясь с земли на уставшие, шатающиеся ноги. Близнецы переглянулись друг с другом и засмеялись в голос, — да что вы ржете?! Я имею право отдать предпочтение дальнему бою. Эти ваши враги не успеют подступиться ко мне, как получат стрелу в лоб.

— Сомневаюсь, что ты настолько меткий, — дразнится Дебора, и Конрад, что ниже ее на целую голову, пытается схватиться за ее горло, но у него не выходит. Девушка без труда ловит его худенькую кисть и с глумливой улыбкой смотрит, как его намозоленные пальцы извиваются у ее подбородка.

— Идея с луком неплоха, — подмечает Виктор, отправляя свой учебный меч в ножны, — Конрад, до того как застрять в Коробочке, хорошо стрелял, — Вик не мог не вспомнить, как на одном задании по поимке беглых рабов Конрад взял прицел на щиколотке бежавшего мальчишки и попал точно в кость. Расстояние тогда было приличным — не меньше ста ярдов.

Был у Конни и другой поразительный талант — стрелять прямым из конского седла. Он запросто сочетал погоню и атаку, — Дебби, я могу оставить его на тебя? Смените меч на лук и потренируйтесь в стрельбе.

— Конечно, Вик. Я, все-таки, получше тебя в этом деле, — хвалебная ухмылка украсила длинное лицо Деборы. Вик закатил глаза, но все равно улыбнулся. Из них троих он хуже всех справлялся с луком и стрелами и никогда не мог понять, почему этот навык не поддается его кропотливым усилиям. Из пяти выстрелов он попадет в мишень не больше одного раза. Эту закономерность он заметил еще будучи новобранцем. В те дни ожесточенных и не прекращаемых тренировок он быстро уяснил, что дальний бой ему неподвластен. То же самое понял и Освальд, посему он достаточно скоро отстранил любимого первенца от учебного стрельбища. Дебора же, любившая отправляться с папенькой на охоту — на самом деле любившая быть везде, куда он шагнет — освоила лук без особых тяжб. Лук и копьё — вот ее верные товарищи с тех пор, как она укрылась белым. Копьё, однако, она любила чуть больше.

Вик покидал внутренний двор, краем глаза наблюдая за тем, как брат с сестрой несутся к оружейной, толкаясь и резвясь, словно выпущенные на свободу щенки. Смех Деборы и писк Конрада щипал его за уши до тех пор, пока он не скрылся за аркой, ведущей в чертог. При всей ненависти к лишнему шуму, Вик спокойно и даже с удовольствием слушал визги родичей, находя в них все тот же покой, что искал в часовне и борделях. Однако, их хохот стих, а покой медленно и вязко превращался в зудящее беспокойство, от которого сжимается сердце и сбивается дыхание. Он быстро передвигал ногами по чертогу, мчась к кухне и трапезной, чтобы проверить, как идет подготовка к пиршеству, что должно состояться сегодняшним вечером. Присцилла сказала, что тяготы главы семейства упадут на плечи Виктора, старшего сына — так оно и случилось. Все полторы недели пребывания в Найтфэлле он вынужден следить не только за тренировками Конрада, но и за приготовлениями к кровавому омыванию, которое ненавидел и ценил одновременно. Поэтому, чем ближе Вик подходил к поглощенной суетой кухне, тем больше робел. В этот раз он не просто будет участвовать в адском сумасшествии — он будет его организовывать. Впервые за свои прожитые двадцать лет. К счастью, он десяток раз видел отца за этим делом, поэтому не боялся оплошать. Все происходящее было хорошо ему знакомо.

Просторная кухня кишит разнородными ароматами: свежее испеченным пирогом с курицей, зажаренной речной рыбой, нежнейшими сырами и кислой смородиной, которую повара замка любили пихать во все десерты. Он остановился недалеко от каменного островка, засыпанного мукой, и хмуро осмотрелся по сторонам. Массивные печи, стоявшие в ряд у стены, пыhtят, то возгораясь, то снова потухая, кухарки носятся от одного котла к другому, помещивая то закипающее вино с пряностями, то похлебку с мелко рубленными овощами. Дети кухарок, несколько мальцов не старше десяти лет, неуклюже и растеряно подают матерям приборы и специи. Женщины возмущенно орут, когда им приносят корицу вместо растертого в порошок бадьяна, и Вик морщится, проклиная все на свете за то, что у него такой чуткий слух. На кухне душно, громко и всюду царит беспорядок. Вик может смириться со всем, кроме второго.

— Милорд, — он неохотно открывает веки и смотрит на старого повара, работающего на Де Янов порядком тридцати лет. Вроде как его взяли на кухню Нэйтфэлла еще до появления при дворе Лоренса. Повар пузат, низок, и крайне волосат. Его обнаженные пухлые руки в сплошь покрыты шерстью, как у животного, — десерты могут подать чуть позже. Несколько опаздываем, — оповещает повара, очищая руки от рыбьей требухи полотенцем. Виктор стискивает зубы. Вот только этого ему не хватало.

— Ничего страшного, — выдавливает из себя Виктор с трудом. Если что-то пойдет не так на пиршестве перед омыванием, следующее застолье будет полно пирогов с человечинкой. И этот повар будет их начинкой, — все-таки, десерты предпочитают после горячих блюд.

— Разумеется, — радушно улыбается тот, а после, смотря за спину милорда, ругает маленького помощника за то, что он уронил поварешку. Крик мужчины и звон бьющейся железки о каменный пол снова ранят нежные уши Виктора, и он, преодолевая себя, старается не выбежать из кухни, — как только гости отужинают мясом, мы наполним столы сливками и пирожными.

— Чудесный план, — толкая из себя улыбку заключает Виктор и торопливо уносится с кухни. В остальном все готово — кроме этих гребанные пирожных, повторяет в мыслях он и трет вспотевшее лицо мокрыми ладонями. Непонятно, он так взмок из-за невыносимого жара, пышущего на кухне, или от непередаваемого волнения перед сегодняшним вечером.

Виктор заглядывает в церемонную залу, где семейство Де Ян обычно принимают гостей. Вчера он приказал горничным отдраить полы, очистить камин от сгнивших бревен и выбить всю пыль с гобеленов — и, судя по всему, прислуга отлично справилась. Он идет вдоль стены, проводит пальцем по перекрещенным мечам, висящих между гобеленами, и смотрит на чистые подушечки пальцев. Ни одного пыльного пятнышка. Смотрит на рисунки гобеленов, где изображены цветочные узоры и герб Найэфтэлла, признавая, что они стали насыщеннее. Опускает глаза вниз и удостоверяется, что гранитная плитка пола блестит также, как старые трофейные мечи на стене. Камин радует его не меньше — присохшая копоть побледнела, и на днище можно увидеть ровные, еще не обгоревшие бревна. Два ряда длинных дубовых столов словно замерли в ожидании, когда их заставят тарелками и чашами. Помост для музыкантов тоже готов. Вик удовлетворенно выдыхает, бросая последний взгляд на нарядную залу, и направляется в свои покои, чтобы хорошенько приодеться к торжеству. У входа он видит двух юных виночерпиев, несущих изящные, стройные графины из хрусталя, наполненные приправленным вином, к столам.

Его покои, стоявшие на втором этаже, были, наверное, единственным помещением в замке, где было больше трех окон. Окно располагалось у кровати, в гардеробной, в горнице, приемной и даже возле его личной купальни. Еще в раннем юношестве он попросил снять с оконных отверстий свинцовые решетки и убрать плотные шторы, потому как полумгла и духота возвращали его в кровавый бассейн, находящийся в Коробочке. Он, к тому же, редко закрывал ставни. Захлопнуть их на защелку могли принудить разве что пурга, ливень или гром, который так громко рокотал, что у Вика не оставалось иного выбора. Он любил, когда в окно льется ясный солнечный свет и забегает свежий утренний ветерок. Из-за этой любви он нередко болел простудой, но, к счастью, в Коробочке оставались живые Пламенные, что могли уберечь его от лихорадки.

Виктор неспешно заворачивал в свою гардеробную, попутно избавляясь от промокшей в поту рубахи и шерстяного жилета. Сбросив с ног сапоги, он резко остановился, когда увидел портниху, стоящую между настенным крюком и громоздким сундуком. Она была явно новенькой, Вик видел эту девушку впервые. Присцилла, вероятно, наняла ее не так давно. Лицом она молода, но телом весьма зрелая — послеродовая припухлость все еще не сошла с живота и грудей.

— Милорд, — она поклонилась ему без всякой грации, но с очевидным почтением, — ваш дублет готов. Позвольте мне помочь вам одеть его.

Предложение девушки совершенно правильное — портнихи всегда следили за тем, чтобы их наряды хорошо сидели на вельможах. Присцилла, к примеру, никогда не одевалась сама и вечно надеялась на помощь портних или служанок. Но у Виктора были совсем другие правила, о которых явно не успела прознать эта новенькая. Он снова натянул улыбку, но его нижнее веко дернулось нервным тиком.

— Не стоит так утруждаться, — говорит он, скрипя зубами, — можешь идти.

— Мне совсем нетрудно, — отвечает та, неловко потирая пальцы, израненные иголками и булавками, — это моя обязанность. Я должна проверить, что не напортачила с мерками, ваша светлость.

— Уверен, ты отлично справилась. А если нет, я приглашу тебя и попрошу исправить недочеты, — от искусственной улыбки ему становилось больно. Или от ее напора. Или от представления о том, как она одевает его, случайно цепляя оголенную кожу своим пухлыми пальцами. Девушка подходит ближе, намериваясь снять с господина жилет. Виктор отшатывается, уворачиваясь от ее нахальных рук.

— Что вы, милорд, я...

— Я сказал, мать твою, проваливай! — он вдруг переходит на крик и ощущает дрожь в грудной клетке. Увеличенными и черными, как бусинки, глазами, он смотрит сначала на круглое, изумленное от страха лицо портнихи, потом на свои трясущиеся пальцы. Испарина вдруг просачивается ему на лоб. Белокурые витки волос липнут к бровям.

— П-простите, милорд, — тараторит та и спешно выбегает из гардеробной, придерживая в кулачках юбку мешковатого платья. Виктор тяжело дышит, наблюдая за тем, как портниха несется к выходу из его покоев в такой панике, словно удирает от стаи голодных волков. Вик выпускает судорожные вздохи через открытые губы, сердце колотится о ребра — теперь, когда он потихоньку успокаивается, на смену тревоге приходит другое чувство. Чувство стыда. Стыда за свои неуместные эмоции. А еще дурацкого страха о том, что же о нем подумает другая прислуга, когда портниха поведаст во всех подробностях о нервном срыве придурковатого господина. Отец всегда заботился о репутации семьи, и Виду стало страшно, что он испоганит все его труды из-за своей больной головы и раненой души.

Задвигая все излишние переживания на дальнюю полку и, как всегда, с упором подавляя беспокойные чувства, Виктор принимается переодеваться. Облачается в белый шемиз и дублет зеленого цвета, украшенный золотым орнаментом, ноги продевает в шелковые шоссы, бархатные бриджи и кожаные ботинки. На черный пояс подвешивает ножны с кинжалом. Осматривает себя в мутной глади зеркала, признавая, что портниха пошила прекрасный дублет, лишенный изъянов — а он, вместо благодарности, наорал на нее. Ну, зато, быстрее запомнит, что трогать господина строго запрещено.

Трогать господина, однако, будут в кровавом бассейне. Этому нельзя помешать, от этого нельзя убежать. Обычно Вик успешно терпит приливы сладострастия в бассейне, а после запирается в своих покоях и блюет в ночной горшок полночи. Оставшуюся половину ночи до восхода солнца он проводит в кошмарных снах. Иногда его крики разгораются пронзительным шумом, и в его двери бьется обеспокоенная Дебора. Он просыпается в луже стекающего пота и заплетающимся языком просит ее уйти, уверяя, что он в полном порядке. Дебби, разумеется, ни разу ему не поверила.

Настало время встречать гостей, и Вик, заменяющий главу семейства, ожидал знатных отпрысков в глуби чертога. На его длинном лице сверкает Освальдская улыбка, белокурые витки, вычищенные и вымытые до блеска, в идеальном порядке лежат на затылке, праздная одежда из роскошных тканей безупречно выглажена. Первыми в Найтфэлл прибыл милорд Ливер из Рудного пролива со своей небольшой свитой из пяти человек — один знаменосец, капитан личной гвардии и трое стюардов. Вторыми прибыла миледи Шалин из Фиалкового замка в окружении трех чудесных дочерей, только-только достигших зрелости. Третьими прибыл богатый купец из Тольфута, держащий под своим контролем главный рыболовный рынок города, и замыкал круг сир Дион Паркиз, рыцарь королевской стражи, прибывший с молодой женой и двумя сыновьями. Виктор улыбнулся каждому господину и поцеловал ладони каждой леди. Внизу живота все трепетало нервным зудом. Он провожал гостей до приемной залы, где уже лениво и нерасторопно играли музыканты. Музыка была тихой, звучащей для поддержа-

ния приятной атмосферы, а не для танцев. Такими же были разговоры знати — звучащие лишь для фона, для прикрытия тех грязных желаний, которые они намерены обнажить в Коробочке.

Господство Де Ян началось с Дерек Де Яна, прапрадеда Виктора. Он был сыном столичного мясника, с юности рвущегося до величия и не готового встретить свою старость в окружении свиных потрохов. Дерек, росший с разделочным топором в руках, к своим шестнадцати годам был крепче и сильнее большинства никудышных родственников. Помимо заметных мышц он, как оказалось, обладал и выдающимся умом — а эта смесь, как всем известно, начинала идеального Избирателя. Поэтому Дерек сменил торговый фартук на белый плащ и уже в двадцать два года поразил весь королевский двор своей способностью доставать Пламенных из любой, даже самой хорошо запрятанной норы. В качестве благодарности тогдашний король Эддин подарил ему большой кусок земли на востоке и выделил уйму золота на строительство внушительного замка, который вскоре был прозван Найтфэллом. Помимо службы в ордене, Дерек был увлечен и верой. До того, как стать предводителем, он наблюдал за одаренными, пытаясь разгадать таинство их появления. Часто он называл Пламенных великой загадкой Безликого и не мог перестать пытаться найти на нее ответ. Своим размышлениями он делился с господами-феодалами различных земель. Привозя рабов им в служение, он оставался при дворах и вместе с вельможами обсуждал свои идеи, касающихся одаренного народа. Пока шло строительство Найтфэлла он также задумал подземную пристройку, где мог бы с помощью алхимиков и астрономов рыться в поисках истины без лишних глаз. Довольно четко Дерек понимал, что истина достигается только путем кровавым и, в какой-то степени, омерзительным, таким, каким его не одобряют подавляющее большинство. Поэтому подземная пристройка, впоследствии ласково названная Коробочкой, стала самым главным секретом семейства Де Ян. Этот секрет делился лишь с людьми, также заинтересованными в разоблачении Божественного замысла — и отпрысков этих семей Виктор сейчас сопровождал до торжественного пиршества. Они были достаточно богатыми, чтобы платить Де Янам за возможность искупаться в мраморном бассейне, но недостаточно влиятельными, чтобы разнести эти сведения по всему королевству. В Коробочке никогда не гостили наследники больших городов, лишь их мелкие вассалы, такие же озабоченные и безумные, как господа из Найтфэлла.

— Прекрасно справляешься, мальчик мой. Ты хорошо позаботился о торжестве, — шелковый шепот матушки раздался у его уха. Виктор стоял в темном уголку приемной залы, наблюдая за пиршеством. Пока приглашенная знать вела себя порядочно: слушают мелодичное тренькание лютни и завывание флейты, ведут приглушенные разговоры, угощаются пирогами. Изображать благопристойных людей они будут ровно до того момента, как настанет время спуститься в подземелье.

— Это было несложно, — хмыкает Виктор, смотря на мать сверху вниз. Присцилла стоит рядом, одаряя гостей блаженной улыбкой, в ее руке покоится чаша пряного вина. Ее тонкие губы пахнут смородиной и корицей. Милорд Ливер обращает на нее недвусмысленное внимание, и Виктор отлично представляет, о чем думает этот подонок. Он был крайне настойчив каждый раз, как происходило кровавое омывание, и с такой жадностью впивался в уста Присциллы на глазах маленького Вика, словно намерен ее поглотить. Один из шрамов на сердце Виктора был высечен лицом проклятого Ливера.

— Нет, не скромничай. Ты все сделал идеально, Вик. Твой отец будет вне себя от гордости, — лепечет миледи и вдруг, замечая голодный взор сира Диона Паркиза на своем теле, закусывает губу. Кажется, им всем не терпится бросить к чертям тарелки с мясом и понестись сломя голову в Коробочку.

Только что вынесли недостающие десерты, о которых предупреждал повар, но Виктор стал сомневаться, нужны ли они здесь вовсе.

В залу спустились Дебора и Конрад. Они немного припозднились, видимо, задержались на тренировке, однако они постарались не огорчить матушку своим внешним видом. Дебби

была одета в зеленое платье из плотного бархата, затянутое на талии атласным поясом. Ее волосы, непозволительно короткие для леди, достигали линии острой челюсти и поэтому обходились без прически. Конрад одет в синий удлиненный жилет, но он так привык к свободным мантиям, что, казалось, не выносил тесноты праздной одежды. Они поприветствовали гостей, рассыпью стоящих у накрытых столов, обменялись с ними любезностями и поторопились примкнуть к матери и Виктору.

— Ты снова обстригла длину, Дебора? — холодным тоном спросила мать, в миг изменившаяся в лице. Обычно она была мягка, если дело не касалось непокорности дочери. Дебора предпочитала слушаться лишь отца.

— Конечно, матушка. Как по-твоему мне исполнять долг перед белым орденом с длинными патлами? — Дебби дразнит терпение миледи, прекрасно зная, что она не станет свирепствовать перед гостями. В серых глазах Присциллы холодеет презрение, когда она оглядывает короткие локоны дочери.

— Тебе не нужен этот долг, — цедит та сквозь сжатые зубы, поднося кубок ко рту и стараясь говорить достаточно тихо и неприметно, чтобы не вызывать вопросов у общества, — тебе нужны красивые длинные волосы, прекрасные манеры и богатый муж. Кто из приглашенных мужчин обратит на тебя внимание, если ты похожа на мальчишку?

— По-моему, сыновья Диона Паркиза не отводят от нашей Дебби глаз, — встрял Виктор, намереваясь защитить сестрицу от матушкиного укора. Взгляды близнецов сталкиваются, и Дебби посвящает брату благодарную улыбку, — никакая прическа не сможет испортить красоту Деборы. Она же появилась на свет из любви двух красивейших людей королевства, — лепет Виктора ласкает сердце Присциллы. Его ловкая и своевременная лесть смогла послабить ее недовольство, и теперь черты миледи снова таят в блаженной улыбке. Она смотрит на сына мутными серыми глазами и гладит его плечо.

— Узнаем, так ли сильно наша Дебора им приглянулась, когда спустимся в подземелье, — говорит матушка, и Дебби кусает нижнюю губу. В бассейне ее ожидали плотские утехи с сыновьями Диона Паркиза, и, очевидно, она была не шибко рада этому событию. Впрочем, Дебора, хотя бы, не была также напугана, как Виктор. Ему предстояло ублажать дочерей миледи Шалин из Фиалкового замка, игнорируя вонь крови и ужас, который он испытывал при виде обнаженных тел.

— Может, уже приступим? — ноет Конрад, скучающими глазами осматривая приемную залу. Он не любил пиршества. Раньше, когда он был маленьким, за столом его могли удерживать взбитые сливки, но с годами они перестали быть компромиссом, — я хочу в Коробочку. Как долго нам слушать песни бездарных музыкантов и набивать животы пережаренным мясом?

— Конни, ты же только пришел. Лучше пойди присмотри себе симпатичную подружку, их сегодня предостаточно, — устало произносит мать, но Конрад лишь брезгливо морщится. Девчонки нравились ему лишь в качестве подопытных, кого можно разобрать по частям. Подобно близнецам, он был вынужден потерять невинность в том самом бассейне из черного мрамора во время кровавого омывания, и не сказать, что этот опыт пристрастил его к плотской близости. Конрад и без того был мальчишкой со странностями, обладающий любовью ко всякой природной мерзости, а после потери девственности в не самых приятных условиях, он, казалось, стал еще страннее.

— Пожалуй, пойду заранее подготовлю бассейн, — оповещает Вик, стараясь не нервничать при мысли о том, что ему придется наполнять бассейн своими руками. Дебора смотрит на него прищурившись. О чем-то думает и, очевидно, волнуется за него. Она бы забросала его вопросами, если бы не один из сыновей Диона Паркиза, желающего с ней сиюминутно станцевать. Виктор благословляет их кроткой улыбкой и выходит из залы на деревянных ногах.

«Прекрасно справляешься, мальчик мой» — вертятся слова матери в голове, пока он бредет по длинной лестнице, ускользающей вниз, в мрачное и сырое подземелье.

«Твой отец будет вне себя от гордости» — снова звучит ее голос, и Виктор старается сосредоточиться на мыслях об отце. Он представляет Освальда, горделиво обнимающего его плечи и смотрящего в его глазах с отцовским одобрением. Представляет, как он треплет его белокурые витки, приговаривая, что вырастил истинного Де Яна. Все это заслуживало моих страданий, так думал Вик, шуруя через коридор с пыточными камерами. Как жаль, что этих убеждений порой было недостаточно, чтобы уgomонить бешено стучащее в груди сердце.

Алхимик, скрюченный над чертежом, расстеленном на его рабочем столе, мигом подсакивает с табурета при виде вошедшего Виктора. Одаряет милорда глубоким поклоном и улыбается кривым желтозубым ртом. К счастью не замечает, как прерывисто дышит молодой господин, и как растеряны его глаза.

— Бочка наполнена? — спрашивает он, неумело скрывая волнение в голосе. Лоренс глубоко кивает, а затем указывает в сторону выдвижной деревянной панели. Прямо сейчас панель лежит в сторонке, как сброшенное с постели одеяло, и Вик видит очертания железной двери. Идет к ней. Давит на холодную ручку и петли протяжно жужжат. Видит мраморный бассейн. Бочка стоит рядом.

— Возьмите мою свечу, чтобы зажечь другие, милорд, — предлагает Лоренс, его сопящий голос возникает за спиной окаменевшего Виктора. Тот сглатывает, и кадык нервно перекатывается по его горлу.

— Непременно, — отвечает Вик и переступает порог.

Тусклый свет льется из ученой комнаты алхимика и едва подсвечивает извилистые грани бассейна. Черный мрамор томно переливается, словно умоляя облить его кровью. На выпуклых отступах в стенах толпятся свежие восковые свечи с чистыми, еще не тронутыми хвостиками. Виктор встает над бочкой и смотрит на ровную рубиновую гладь густой жижи. Когда-то она, горячая, как пламя, бежала по венам одаренных. Сейчас она, остывшая, вязкая и вонючая медленно сворачивается в бочке, а одаренные, кому она принадлежала, мертвы и разложены по органам. Эта мысль проходится плетью по воспалённому мозгу Виктора, но он сглатывает ее вместе с подступающей тошнотой. Берется за грани бочки и выливает кровь на дно бассейна. Коробочка отлично подходила для хранения крови. Здесь было холодно, даже морозно. Стены всегда сырые, и каждый вздох наполняет легкие льдом. Кровь любит холод. Так она дольше остается жидкой. Вик успел усвоить этот урок, ведь однажды он, по незнанию, оставил маленький котелок с кровью под летним солнцем, и та весьма быстро стала негодной. Отец тогда вылил ему все содержимое на голову и запинал ногами.

Когда багрянец рухнул на черное мраморное дно, брызги полетели на Виктора дождем. Они заляпали бриджи, сапоги, пошитый недавно дублет. Красные точки, словно грозди граната, рассыпались по его чистой одежде, и он почувствовал легкое головокружение. Опять проигнорировав подступающую рвоту он пошел к Лоренсу, взял свечу, которая освещала его чертеж, вернулся к бассейну и стал поджигать оставшиеся хвостики. Одна, две, три, десять — он зажег так много свечей, что ему чудилось, словно он находится в ночном небе среди звезд. Маленькие оранжевые капли отражались на алом покрывале крови. Пока его рука двигалась от одной стройной свечи к другой, в голову навязчиво лез отрывок из юношества. Ему шестнадцать, он уже раз пять переживал кровавое омывание, но до сих пор не смог ублажить ни одну девицу, прыгнувшую за ним в бассейн. Не мог, потому что все силы уходили на вздохи, и он боролся с желанием упасть в обморок. Ему было чрезвычайно дурно от вида матери, получающей удовольствие от прикосновений сира Мериса, дурно от медного зловония и от прикосновения дев к его старым синякам, которые не успел исцелить Пламенный, прежде чем стать наполнением для бассейна. Отец, лежащий в засохшей на его кожи крови у другого края, будто раненый на войне солдат, смотрел на сына разгневанно. Он молчал, но Вик точно знал, о чем Освальд думает. Думает, как наказать его за робость, за нерешительность. Тогда Виктор, переселив панику, клубнем растущую в груди, взял одну из дочерей Мериса сзади.

Когда он закончил, его семя смешалось с кровавыми разводами на дне бассейна. Та девчонка в качестве благодарности за доставленное ей удовольствие принялась слизывать кровь с его палец, вела языком от ногтевой лунки вплоть до кисти. И была так увлечена своим безумием, что, конечно к счастью, не увидела слез, застывших в черных глазах юноши. От всего происходящего ему было страшно, больно и тревожно, а еще хуже оттого, что никто другой его не понимал. Все вокруг тонуло в наслаждении, извергая стоны и нежные вздохи.

Освальд объяснял, почему так важно отдаваться сладострастию при омывании. Он говорил, что получаемое от утех счастье приближает их к бессмертию. Эту мысль он узнал от своего отца, а тот от своего, а главным зачинщиком этой идеи был Дерек и его чертовы алхимики, первые слуги Коробочки. Удовольствие, расплзающееся приятным жаром в груди, переходящее от паха и ниже, в сочетании с волшебной одаренной кровью — вот такой рецепт вечной молодости и бессмертия. Виктора крыла паника, когда он вспоминал, что ни Дерек, не его сын Избиратель Мартин, не его сын сенатор Миркул, никто из них не дожил даже до шестидесяти. Первый умер при исполнении, упав с лошади, второй умер во сне, третий был забит разбойниками. Если у всех один конец и он плачевен — зачем все это? Виктор задавался этим вопросом, но лишь в своей голове, потому что за попытку бросаться неудобными вопросами он получал порцию ударов по лицу от Освальда. Освальд ненавидел вопросы, и тем более не любил на них отвечать. Этот урок Вик тоже усвоил достаточно быстро.

Пока в его голове мельтешили неприятные воспоминания, все, как один, связанные с этим местом, он не заметил прихода Деборы. Сестра замерла на пороге и грустными глазами смотрела в насутуленную спину Вика.

— Тебе плохо, — сказала она ровным тоном, и ее голос пронесся эхом над окровавленным бассейном. Вик не знал, чего она добивается подобными замечаниями. Он повернул голову через плечо, показывая ей свои уставшие черные глаза.

— Я чувствую себя ужасно. Не из-за бассейна. Точнее, из-за него тоже, но хуже другое. Я не истинный Де Ян, — он говорит тихо и хрипло. Его плечи опущены вниз, и на языке копится кислая слюна. Дебора несильно хмурит светлые бровки, шагая к нему тихо и медленно, будто боясь спугнуть.

— С чего ты так решил? — любопытствует она голосом все таким же беспристрастным и отстраненным. Так странно не видеть в голубых глазах Дебора озорства. Она всегда была веселой, непринужденной и яркой, как солнце. Сейчас она кажется раздосадованной, едва ли не больше самого Виктора.

— А не ясно? — горько усмехается Вик, качая головой. Кровь неприступной гладью отражает его силуэт, словно алое зеркало, — я не могу беззаботно плескаться в этом дерьме, — указывая на бассейн говорит он, и Дебби поджигает губы. Так непривычно слышать брань из нежных уст Виктора. Она плохо знакома с другой его стороной, стороной, которая сквернословит и бросается на людей с кулаками, ведомая лишь одним страхом, — я не могу наслаждаться этим бездумным сладострастием. Я не могу спокойно спать после омывания. Я, черт подери, не такой, как вы с Конрадом, не такой, как наши предки.

— Вик, — она прерывает его тираду легким прикосновением к плечу. Он дернулся. Посмотрел на сестру, увидел в ее голубых глазах такую глубокую печаль, что она отпечталась в его сознании, — прошу, не говори так. Ты — Де Ян, любимый сын нашего отца. Ты часть нашей семьи, часть меня. Не поступи как дядя Аскольд.

— Что? Нет, ты не так поняла, — боги, сестра подумала, словно я желаю отгородиться от всех. Какая глупость, — я не хочу уходить. Наоборот, я боюсь быть изгнанным. Изгнанным за то, что у меня не получается быть правильным Де Ян.

— Ты правильный, — с напором повторила Дебора, схватив его лицо ладонями. Ее слезящиеся глаза смотрели куда-то очень глубоко в него, — ты мой брат. Сын нашего отца. Никогда в этом не сомневайся.

— Ты сама прекрасно знаешь, что со мной творится после этих ритуалов, — прохрипел он, и Дебби зажмурилась, вспоминая ночные крики и атласную ленту в шкатулке его шлюхи.

— Ты болен, — с горькой усмешкой говорит она, — возможно, сломан. Но не думай, что ты один такой. Мы, Де Яны, все со своими странностями. И тайнами. Но мы все еще ближе к ангелам, нежели к смертным, помнишь?

— Неужели? И ты, Дебби, со странностями? — нерадостной усмешкой произносит Вик, и она отстраняется. На ее красных тонких губах возникает непонятная загадочная улыбка. Брат сощурился, — я чего-то не знаю, Дебора? — настойчивее спросил он, и девушка повернулась к кучке свечей, таящихся в выемке стены.

— Там, наверху, Уилис Паркиз отчаянно добивался моего внимания, — начинает вдруг та холодным голосом, непохожим на ее приторный лепет, — он пытается впечатлить меня красивыми стихами и дивными комплиментами, — Дебора идет к бассейну, упирается в борт руками и опускает лицо так низко, что кончик ее длинного носа едва не касается алой глади. От ее дыхания по кровавой гуще прошла легкая рябь, — пытается показать, что он и рыцарь на белом коне, и дикий охотник, готовый взять любую женщину, какую только захочет. Эдакий сильный мужчина, но готовый на романтические подвиги, — смутное отражение ее лица плавно колыхается в бассейне, — а я это все терпеть не могу. Не хочу подвигов и сентиментов, — Вик хмуро следит за тем, как она опускает два пальца в кровь, обмакивает их и подносит к губам. Сдерживать тошноту становится все труднее, — хочу грязи. Животной страсти. Хочу подавить. Хочу мужской покладистости. Люблю робких, послушных, смиренных мальчиков, готовых растаять в моих руках, — она аккуратно облизывает палец, и кровь попадает ей на язык. Рвота подступила к глотке Вика при виде сестры, лакающей это дерьмо, — видишь, Вик? Я тоже не без греха. Также не могу стать идеалом, которым должна. Не могу быть правильной женошкой, как наша мать.

— Мы сумасшедшие? — из Вика вырывается пости истеричный смешок, и он качает головой, потирая ладонью лицо, — Дебора, ты... возможно, ты правда чокнулась. Как и я.

— Потому что мы Де Яны, — расплываясь в улыбке лепечет она, — и не смей больше в этом сомневаться.

— Я бы все равно хотел излечиться, — хрипит он, смотря в пустоту, — хочу перестать жить в этом гребанном страхе и нескончаемой тревоге при виде любой вещи, напоминающий этот чертов бассейн.

— Я бы предложила тебе навестить Пламенного и получить желаемое исцеление, но, увы, такие болячки они не лечат.

— Точно? Какая жалость. Было бы славно избавиться от этой заразы в мгновении ока.

— Не отчаивайся, — хмыкает Дебора, направляясь к выходу, — может, найдется такая Пламенная, что избавит тебя и от этой раны.

На пороге возникает Конрад, и близнецы, резко замолкнув, дружно поворачивают головы к двери. Запыхавшийся и уставший от долгого спуска в катакомбы он стоит, согнувшись, и пытается отдышаться.

— Ну, что, готово? Видите уже гостей! — и начинает раздеваться, готовясь запрыгнуть в кровавую ванну с такой непринужденностью, какой Виктор мечтал обладать. Словно он нырнет не в кровь, а в чистый, сверкающий под солнцем пруд.

Пока Конрад торопливо оголяется, близнецы идут к лестнице, чтобы собрать всех больных ублюдков одной кучей и доставить их до места, которое и так хорошо им знакомо. Присцилла как раз, должно быть, уже взяла с них плату и пополнила семейную казну. Вик, оказавшись за красными дверьми, удрученно оглянулся назад и понял, что омывания ему не избежать. Он будет там, в бассейне, среди гостей, делать вид, будто это лучшее мероприятие в его жизни.

Но, как оказалось, даже до самого глубокого дна отчаяния порой пробивается луч надежды. Как только Виктор показался в чертоге, к нему подошел один из часовых с крепостной стены, чтобы доложить о приближающемся всаднике. Нежданный гость, оказалось, весь облачен в белое, и при свете зажжённых факелов виден перелив золотого полумесяца на плаще. Вик и Дебора, заранее предупредив матушку, пошли встречать Избирателя — Присцилла приняла новость без восторга. Такие неожиданные визиты, обычно, плохо сказываются на ритуале.

— Это Поль. Поль Дженкинс, — ахнула Дебора, когда они с Виком встали во внешнем дворе прямо перед воротами. Решетка поднялась, и при слабом свете жаровней они разглядели своего товарища, сидящего в седле златогривого жеребца. Гарнизон, увенчавший стены замка, провожал внезапного гостя недоверчивыми, презренными взглядами. Именно к таким взглядам и привык Поль Дженкинс.

— Найтфэлл не принимает гостей, прибывших без приглашения, — упрекнул его Виктор, прекрасно скрывая припадок бешеной радости. Возможно, благодаря Полю ему и вправду удастся избежать похода в Коробочку — но Полю не стоит знать, как он своим прибытием облегчил его ношу.

— Придется сделать исключение, — буркнул в ответ Поль и прищипорил коня. Близнецы смотрели на него, задрав голову и заведя руки за спину. Они дождались, когда он соизволит выпрыгнуть из седла, а когда он встал напротив них, им предстало поразительное зрелище — пунцовый фингал под глазом, опухшая губа и разбитая бровь. Первая отреагировала Дебора.

— Что с лицом, Дженкинс? Ты стал симпатичнее, — прыснула смешком та, и Поль закатил глаза, замечательно предугадав подобную реакцию. Помимо уродства, оставленного кулаками ублюдков, нападающих на путников в лесных чащах, он также был заметно изнуренными. Что неудивительно, ведь дорога от столичных борделей до Найтфэлла ужасно далека — почти две недели пути.

— Гребанная восточная часть королевства, — выругался парень, держась за уздечку и поводья. Его конь фыркнул. Виктор старался не засмеяться, но это побитое лицо, так явственно выражающее негодование и смущение, пробивало на хохот. А еще он был чертовски рад, что появилась уважительная причина пропустить семейный ритуал, поэтому хотелось смеяться, — на каждом углу сраные разбойники. Больше ни за что сюда не сунусь.

— Зачем ты приехал? — спросил Вик, но, честное слово, в это мгновение ему было глубоко плевать на причину. Главное, что приехал.

— У нас срочное поручение, — прочистив горло заявил Поль и забегал глазками по земле. Висящие на крючке у входа в чертог фонари подсветили его неловкость. Дебора закусила губу, внимательно разглядывая оставленные на лице следы бойни. Виктору почудилось, что сестра глядит на Поля уж чересчур пронзительно, — надо собирать монатки и скакать через весь Рудный пролив до тракта, лежащего между Стоунвиллем и Норквилем. В тех землях, как полагает предводитель, дохрена Пламенных.

— Это в трех неделях езды от Найтфэлла, — нахмутив брови выпалил Виктор, прозвучав крайне негодуя. Поль растянул на побитых губах фальшивую улыбку.

— Приказ вашего папеньки. Не обсуждается.

— Может, ты один справишься? — игриво пролепетала Дебби, строя ему глазки. Ей нравилось издеваться над Полем Дженкинсом. Нравилось, как он строит из себя грубияна, а сам теряется от одного ее прикосновения. Поль наклонил голову в бок, ветер заколыхал его сальные каштановые патлы.

— Что еще тебе сделать, а, Дебора? Может, ножки размять?

— С удовольствием приму предложение.

— В общем, — раздраженно фыркнул Поль, щека под фингалом налилась румянцем, — мы с вами одним дружным отрядом отправимся на север. Никаких пререканий и прочего дерьма. Напомню, что я тут лидер.

— И пользуешься этим титулом, когда самому удобно, — небрежно кинул Вик. Он никогда не скрывал своего плохого отношения к Полю Дженкинсу. В отличие от сестры он не находил его забавным, — ладно. Так уж и быть, не буду спорить с нашим лидером. Завтра отправимся в путь.

— Вик, — Дебби схватила брата за руку, — я скажу матушке, что ты останешься с нашим другом на всю ночь. Это дурной тон — покидать гостя, пускай и непрошенного.

— Да, ты права, — тем же странным голосом ответил Вик. Поль, наблюдая за ними, уже пожалел, что приехал к этим чудикам, — тем более, в замке нельзя передвигаться ночью. Я прослежу, чтобы наш гость не покидал покоев до восхода солнца, — и чтобы не увидел, как из подземелья выбирается дюжина голых, окровавленных вельмож, дополнили в мыслях близнецы и едва не захихикали в голос.

— Знаете, может я, ну, придорожную гостиницу поищу..., — Поль замялся. Его рука все еще крепко держалась поворота. Казалось, он тотчас заберется обратно в седло и поскачет куда подальше со всех копыт. Две белокурые головы с поразительной синхронностью повернулись к нему. Он сглотнул.

— Ну что ты, — улыбка Вика казалась ему слегка безумной, — да, мы не жалуем людей, прибывающих к нам без приглашения, но готовы сделать исключение. Час поздний, мы не отпустим тебя в ночь, обрекая на скитания по холоду. Мы же не чудовища.

И Полю не оставалось ничего другого, кроме как взойти в чертог замка вместе с близнецами, оставив своего жеребца в руках прислуг. В более ярком освещении он заметил засохшие кровавые брызги на одежде Виктора, и это не могло не вызывать беспокойства... но они ни шли к лестнице на второй этаж молча. Вик, изредка оборачиваясь назад, видел, как Поль, вдоволь налюбовавшись видом кровавых следов, теперь осматривает убранство замка с открытым ртом. Его поместье в Белом квартале при всем пафосе именитого района явно не могло тягаться с настоящей крепостью, так что это изумление, выгравированное в его избитом лице, не было чем-то странным. Затем Дебора оставила их, чтобы удалиться к коридору с красными дверями в конце. Вик ускорился. Чтобы Поль не пялился в том направлении и не задавал лишних вопросов, он пропустил его на лестницу первым и почти гнал по ступням, подталкивая его спину.

— А... куда ушла Дебора? — Поль Дженкинс и правда не знал, когда лучше заткнуться. Хмурый он смотрел с высоты своих ступеней на Вика, но тот продолжал натянуто улыбаться вместо внятных ответов.

— Вперед, Дженкинс, — сказал Вик и снова толкнул его плечи. Поль снова сглотнул и снова пожалел о том, что ступил на порог этого проклятого места.

Нет, настоящая трагедия случилась, когда они прибыли к высоким дверям, украшенным резьбой, и Вик сказал, что здесь находятся его покои. Потом толкнул деревянное полотно и завел товарища вглубь. Несколько помещений, связанных друг с другом узкими и короткими коридорчиками, были изрезаны столбами лунного света.

— Это твоя опочивальня? — поинтересовался Поль, его голос почему-то дрогнул. Вик, ушедший к своей гардеробной, стал переодеваться в ночную одежду.

— Да, — зеленый дублет, по случайности испорченный у бассейна, сменился на свободную рубаху. Поль, стоявший в горнице, неловко осматривал местность.

— Какого черта ты привел меня в свою спальню? Нет, какого черта я вообще сюда перся...

— Дженкинс, — уставшим вздохом произнес Виктор, высунувшись из гардеробной. Праздные одежды были благополучно запиханы в сундук, — Ложись спать. Завтра на рассвете мы отправимся на север.

— Я надеюсь, ты не пытаешься уложить меня в свою постель...

— Дженкинс, — тверже и раздраженнее повторил Вик, и его черный взгляд потяжелел, — Займи диван горницы и заткнись, молю.

— А что, если я голоден? Ты просто взял и уволок меня в свою комнату, даже не предложив ломоть хлеба. Сомневаюсь, что в таком огромном замке есть трудности с продовольствием. Гостеприимство явно не самая сильная твоя черта.

— Слишком поздно для ужина. В это время мы не выходим из спальни, — Виктор поплелся к своей кровати, стоявшей в соседней комнате. Поль смотрел в его спину, переминаясь с носка на пятку и неуверенно отстегивая белый плащ от спины, — и да, Дженкинс, — Вик посмотрел на него через плечо, их взгляды встретились, — мы не выходим из комнаты ночью. Только попробуй высунуться отсюда, пока я сплю. Пожалеешь.

И, обменявшись неискренними улыбками, они разошлись по разным спальным местам. Предложенный диванчик не был облачно мягким или, хотя бы, под стать росту Поля, но это намного лучше голых лугов, где ему приходилось ночевать в дороге. Виктор запрыгнул на перину, и полупрозрачный балдахин задремезжал на задувшем из окна ветерке.

Ночь. Спокойная. Безмятежная. Без омывания и сладострастных утех в объятиях кровавых пучин. Вик засыпал с улыбкой на губах, безмерно радуясь тому, что эта ночь пройдет в тиши, лишенной тревог и осточертевших кошмаров. И он не мог поверить, что своим покоем обязан чертовому Полю Дженкинсу.

А потом сквозь голые оконные отверстия с мягкими краям залезла туманная, бледно-золотистая заря. Запах летней свежести, полной росы, выступающей на траве, коснулся носа Виктора. Слышно, как сменяются часовые на крепостных стенах, как сонные женщины идут на маслобойню, и как егерь, ругаясь себе под нос, шурует в псарню, чтобы накормить собак. А еще слышно, как храпит Поль Дженкинс. А потом раздаётся тихий стук в дверь.

Вик уже не спал. Он всегда просыпался рано, едва ли не पहले всех придворных слуг. Он, с видом весьма бодрым, распахнул двери и увидел сестру. Дебора была гораздо сонливее, под глазами просвечивались дуги синяков. Она хорошенько отмывалась после кровавых ванн, но Вик все равно чувствовал этот противный, тоненький свинцовых запашок, исходящий от ее волос и кожи.

— Матушка гневалась на меня? — первое, что спросил Виктор, стараясь звучать беспристрастно, а не как маленький мальчишка, что боялся наказания огорченной матери.

— Гневалась, — подтвердила Дебора, — но также понимала, что ты не мог оставить гостя. Иначе...

— Иначе его бы пришлось утопить в Дене, — закончил за нее Вик, и сестра выдавила усталую улыбку.

— Она выразила надежды, что ты пропускаешь омывания первый и последний раз.

— Постараюсь не тревожить ее впредь, — близняшка кивнула, словно мысленно записала его обещание. Ее короткие волнистые волосы цвета хлопка проехали вдоль граненой челюсти.

— Я подняла Конрада. Он уже собирается в путь, — Дебора, в отличии от братьев, собранной не казалась. Вместо белых одежд Избирателя на ней тонкая полупрозрачная ночная сорочка, а вместо походных сапог голые ступни. Вик, обративший внимание на ее внешний вид, вопросительно вздернул бровь, — А я... Я вынуждена остаться. Папенька просил помочь матушке с доходной и расходной, — Дебби не могла послушаться отца. Не могла и не хотела. Поэтому остается. У любых других вельмож есть свои казначеи, которые берут на себя бремя подсчетов золота, но не у семьи Де Ян. Их траты были излишне... подозрительными. Они не могли доверить посторонним сведения о своей сокровищнице, что была тесно связана с происходящим в Коробочке. У них вовсе не было слуг, которые хоть как-то могли облегчить ношу управления. Ни кастелянов, ни казначеев, ни стюардов. Де Яны всем правили самостоятельно, потому что их правление было полно ужасных секретов.

— Хорошо. Я подниму Поля, а ты проследи за Конрадом. Пусть ждет нас у конюшни.

Виктор, облачившись в белое одеяние, неторопливо натянул на руки белые перчатки. Потом потряс этими руками товарища, свернувшегося калачиком на маленьком диване. Пришлось шлепнуть Поля по щеке, той, что ранена поменьше, и только после этот балбес лениво разлепил веки и удрученно простонал. Заплывшие ореховые глаза смотрели на Виктора с недовольством.

Прохлада востока справилась с остатками сонливости. Что Поль, что Конрад, мигом приободрились, когда спустились к конюшне, стоящей на открытом воздухе. Здесь пахло летним утром, смородиной и конским навозом. Виктор испытывал неопишное удовольствие, когда, прислушиваясь, он улавливал только отдаленное бормотание солдат гарнизона, фырчанье лошадей и приглушенное пение жаворонков. Никаких резких звуков, криков и лязганья. Вот почему он так любил вставать пораньше.

Дебора, обладающая поразительной чуткостью и сестринской заботой, заранее подготовила вещь-мешки для братьев и даже для придурка Дженкинса. Припасы для далекого пути были прикреплены к седлам их коней. Они тронулись на мост, сидя верхом, и Виктор, оборачиваясь назад, понимал, что, вероятно, нескоро возвратится в Найтфэлл. И не знал, тосковать ли ему или испытывать облегчение.

Дорога на север долгая и опасная. Каждая преодоленная миля меняла привычные пейзажи: леса постепенно сменялись с лиственных на еловые, овраги становились глубже, набитые мхом опушки — выше. Города и деревни иссякали и редели после перехода Рудного пролива. Затем дни стали короче, рассветы темнее, а воздух морознее. Придорожных гостиниц и трактиров было не так много, посему приходилось спать под открытым небом. И вот, миновав Норквиль, Виктор открыл карту и понял, что до Стоунвиля брести еще не меньше четырех дней, а они, трое из пятого отряда, были слишком изнурены...

К их счастью, по пути им встретился монастырь, возведённый на гладкой равнине, окольцованной густым лесом. Отчужденный и, казалось, всеми позабытый, он, тем не менее, выглядел приветливым и гостеприимным. Монастыри помогали путникам, а также всем больным и голодающим, поэтому Виктор не раздумывая велел взять курс до монастырской гостиницы.

И когда они подступали к его стенам, даже не представляли, кого им удастся там найти.

Глава 8. Лив

Она нашла Гретту в пресвитерии, сидящую в одиночестве на длинной скамье. Ее пустой взгляд держался позолоченного алтаря из белого камня, за которым всего час назад стоял дядя Барк. Раньше Гретта не имела интереса к писаниям, посвященным Солнцу и его благосклонному теплу, но за последние пару месяцев она и дня чтений не пропустила. А когда монахи давали последнее слово, и Святейшество своим медленным и хромым шагом уходил прочь, она оставалась, чтобы тихонько поплакать без лишних глаз. Лив наблюдала за ней издали, не решаясь вторгаться в ее горе. Эта часть монастыря была отведена мужчинам, но дядя Барк не мог прогнать Гретту, убитую скорбью и задушенную печалью. Не мог прогнать и Ливви, что заходила, чтобы убедиться — ей не стало лучше. Прошло два месяца с момента гибели Сильвуда, а она все также несчастна.

Витражное окно с трудом пропускало остатки солнечного света. Осенние лучи, косые и бледные, падали разноцветными бликами на поникшее лицо Гретты. Лив шагала к ней с осторожностью, так аккуратно, словно подбирается к раненной на охоте дичи. Разглядывала ее чахлые золотые глаза, рассеянные в пустоте, ее потрескавшиеся сухие губы, слегка распахнутые и побледневшие, полукруги синяков под опухшими нижними веками. Слеза вязко тянулась от ресниц по впалой щеке. Девушка сидела абсолютно неподвижно, точно мертвец, которого водрузили на скамью вместо могилы. Казалось, от Гретты вовсе ничего не осталось, будто ее душа ушла на солнце вместе с душой Сильвуда два месяца назад. Ливви хотелось плакать только от одного взгляда на нее.

Она тихонько села рядом. Осмелилась приблизиться к ней впервые с того момента, как Гретта, зареванная и бьющаяся в истерике, вломила в келью. Тогда она рухнула в объятия Лив и сквозь буйные, неугомонные слезы, рассказала о случившемся, о том, что ее Сильвуд мертв. А после она превратилась в призрака, холодного и отстранённого, к которому никак нельзя подступить. Она закрылась ото всех и ото вся, перестала читать излюбленные поэмы, пререкаться со сварливой настоятельницей и подтрунивать над Лив. Продолжала жить по законам монастыря и даже не жаловалась, если приходилось работать не покладая рук целыми сутками. Теперь она выполняла свои обязанности молча и смиренно.

Ливви накрывает ее костяшки своей ладонью и мягко сжимает, затем поглаживает. Ее пальцы дрожат, в горле стоит ком. Гретта все также смотрит вперед, в невидимую точку, зависшую в синем-зеленом стеклышке витража, а потом ее слезинка плюхается на подол платья, и девушка резво моргает.

— Все в порядке. Я в порядке, Ливви, — хрипит Гретта. Их руки все еще соприкасаются.

— Я скучаю по тебе, Гретта, — шепчет та, и ее ресницы мокнут. Влага застеклила золотые глаза. Как бы Лив не боролась со слезами, они всегда были сильнее, — когда же ты вернешься ко мне? К дядюшке Барку? К своим любимым поэмам?

Гретта молчит, а Лив, рассматривая ее изящные черты лица, не может не вспомнить их первую встречу, когда Святейшество принес Гретту в монастырь на своих руках, всю замёрзшую, изголодавшуюся и худую, толщиной с еловую иголку. Восьмилетняя Гретта, бродившая по безлюдным и бескрайним полям долгие месяцы, была точно диким зверком, загнанным в ловушку охотника. Она остерегалась заботы, не доверяла добрым улыбкам и скалилась, если кто смел подобраться к ней сзади. За десять лет, проведенных под чутким наблюдением дядюшки Барка и дружбы с Лив, она плавно превратилась из зверька в прекрасного лебедя — и как тяжело осознавать, что прекрасный лебедь вновь увядает, и вместо роскошной, взрослой и уверенной в себе девушки приходится снова смотреть на напуганную, застывшую в нескончаемом ужасе восьмилетнюю девочку.

— Нам нужно убрать гостиничный дом, — напоминает Гретта своим отрешенным и глухим тоном голоса. От него сердце Лив вздрагивает. Как жаль, что прошлые ее слова остались без ответа.

Гретта молча поднимается со скамьи и, не обращая никакого внимания на подружку, удаляется из пресвитерия. Лив смотрит в ее спину: следит за этой робкой, вялой походкой, и не может не ударяться в воспоминания о ранних годах их дружбы. Поначалу Гретта не желала подпускать к себе никого, даже такую же Пламенную, как она сама. Они были ровесницами и одинаково одаренными, но вели себя как посторонние на протяжении полугода. Ливви не оставляла попыток отогреть сердце маленькой грубиянки: носила ей пирожки с кухни, расчесывала ее волосы, избавляя шевелюру от колтунов, отвлекала ее глупыми разговорами о погоде, птичках и бабочках. А потом Гретта, пускай поначалу раздраженная навязчивостью девчонки, стала охотнее участвовать в беседе. Теперь и она чесала волосы Ливви, и делилась с ней своим обедом, а перед сном рассказывала страшилки про нечисть из Черного леса и про беспощадных охотников в белых плащах. Каждый прожитый на соседних койках день укреплял их дружбу, до тех пор, пока дружба не стала истинным сестринством. И вот Гретта снова заперла свою душу на десять тяжелых замков.

Они пришли в монастырскую гостиницу, стоявшую недалеко от мужской кельи. Одноэтажный и длинный дом был возведён из глины, окрашенной в белый, который, конечно, всегда блек под грязевыми разводами. Здесь было несколько комнат с тремя-пятью койками, которые чаще всего были заняты бродягами, умирающими от голода или обморожения. Еще был небольшой холл с очагом, где люди собирались, чтобы выпить эля или перекусить хлебом и сыром. Всего этого добра в монастыре достаточно — здесь и мельницы свои, и пивоварня, и маслобойня, и загоны с живностью.

— Наконец вы пришли, — лепечет управляющая гостиницей, милая старая монашка по имени Дитси. Девчонки вымучено ей улыбаются, — метлы в углу холла. Как закончите, я угощу вас вкуснейшим ягодным пирогом, — обещает тетушка и провожает помощниц теплым взглядом.

В холле, возле разведенного очага, сидят старики. Их разделяет невысокий стол из олова, на котором стоят кружки с элем и баночка игральные кости. Большинство места занято длинными столами и скамьями, где, обычно, кучкуются люди на завтраках и обедах. Стеллаж, заполненный глиняной посудой, отгорожен от общей гостевой залы плотной шторой из шерсти. Из-за ненастного осеннего неба гостиница мрачна, но огонь, обогревающий дом, окрашивает печальные белые стены легким золотистым свечением. Пока Лив и Гретта подметают полы, старики, хлюпая выпивкой, продолжают говорить о незначительных мелочах. На Пламенных внимания не обращают — уже привыкли, что монастырю Света прислуживают две одаренные.

— Я невыносима, да? Последние пару месяцев, — приглушенный голос Гретты едва пробивается сквозь хриплый старческий смех. Незнакомцы бренчат игральными костями, стучат кружками по столу, шутят и ведут свою нерасторопную беседу, изредка разбавляя ее шутками. Ливви из-за этого гама чуть не пропустила слова подружки.

— Что ты говоришь такое? — ахает она, ведя жесткой щетиной метелки туда-сюда. Под резные стулья, выструганные из ели, катятся клубки пыли, — ты пережила столько горя. Никто не ждет, что ты будешь улыбаться, — костер в очаге трещит. Когда Гретта поднимает взгляд выше и смотрит на пламя, ее золотые глаза сверкают. Ее метла останавливается, и шарканье прекращается. Старики продолжают хихикать, полоская элем рты.

— Я любила его. По-настоящему, — признание выходит из Гретты шепотом. Она выводит его губами и говорит тихо, но Ливви слышит каждую букву. Древко валится на пол из ее рук, и она подлетает к подружке, затягивая в свои крепкие объятия. Лоб Лив утыкается в тонкую шею Гретты. Та обвивает ее плечи руками и позволяет себе бесшумно плакать в ее макушку, как в носовой платок.

— Гретта, мое сердце так болит за тебя, — лепечет Ливви, ощущая влагу от слез на своей голове. Ее было столь много, будто она попала под проливной дождь, — если бы только дар мог исцелить твою боль...

— Спасибо, — все, что отвечает ей Гретта осиплым голосом, — спасибо, что так терпелива. Что всегда рядом.

— Шутишь? А куда я дену..., — их прерывает хлопок входной двери, затем слышатся чьи-то попытки отдышаться и суетливое пыхтение Дитси. За стеной, отделяющей холл и прилавок, за которым тетушка встречает гостей, доносятся неразборчивые голоса. Лив и Гретта, отстранившись друг от друга, хмуро смотрят в проход, отделанный деревом. Старики, пьющие у очага, никакого внимания на шум не обратили: продолжили бросать кости, да эль глотать.

В следующее мгновение в холл ворвался взбаламученный мальчишка. Осенние морозы покусали его чумазные щеки, сделав их красными, как два рубина, северные ветра растрепали его грязные темные волосы. В округлившись больших глазах застыл ужас. Маленькие плечи прыгали под толщей шерстяной туники и плаща. Ливви помнила его имя — Бен, он один из сироток, которых дядюшка Барк приобщил к монастырю. Да, Святейшество помогает не только Пламенным беглецам, но и тем детям, которые слишком рано остались без матерей. Бену лет десять, но тяжкий монастырский труд состарил его до всех тридцати.

— У-уходите! — дребезжит мальчишка, махая рукой на Пламенных девчонок, словно они вороны, прилетевшие поклевать свежий урожай. Лив обменялась с Греттой хмурыми, непонимающими взглядами, но не пошевелилась. Мальчик начал волноваться пуще, — кому говорю, уходите! Или прячьтесь!

— О чем ты, Бен? — спрашивает Лив и делает широкий шаг ему навстречу, но он толкает ее обратно. Глаза его почти вываливаются из глазниц, пальцы трясутся.

— Они тут! Они уже близко! — старики, пьющие эль, стали икоса поглядывать в сторону шумной компании, но пестрящий волнением голосок Бена не вынудил их оставить в покое игральные кости. Гретта, казалось, начала что-то осознать — как всегда, озарения находили ее раньше, чем Лив. Ее лицо постепенно наполнялось той же тревогой, что и у мальчишки.

— Избиратели, — вышло из ее губ смесью страха и замешательства. Бен активно закивал, так, что голова чуть с плеч не полетела. Ливви насупилась глубже и заметно растерялась. Пламенный инстинкт велел ей бежать, прятаться, молиться, делать хоть что-нибудь, но точно не стоять посреди холла с открытым ртом. Гретта ожила быстрее: чертыхнувшись себе под нос, она схватила Ливви за предплечье и повела в сторону стеллажа, забитого глиняной посудой. Места за полками маловато, и шерстяная штора не настолько велика, чтобы спрятать сразу двух человек, поэтому Гретте не остается ничего иного, кроме как затолкать подружку вглубь. Сама она пятится, и, судя по беспокойному рыщущему взгляду, пытается понять, куда ей прятаться самой. Ливви, вжимаясь в стену, смотрит на подругу с горечью.

— Гретта, что ты...

— Сиди тихо, — шикнула на нее девушка и задернула штору. Теперь кусок шерсти прятал не только залежи посуды, но и рыжую голову одаренной, — Избиратели не задержаться тут надолго. Если им нужен ночлег, они запрутся в одной из комнат, а выйдут оттуда только с рассветом. У нас будет время спрятаться в женской части монастыря. Главное, не высывайся, поняла меня?

— Гретта!..., — Лив замолкает и крепко зажимает свой рот дрожащими руками. Тоненькая щель света проходит сквозь штору. Вместе со светом в ее тесное укрытие проникают приглушенные голоса стариков, которым происходящий переполох пришел не в пору, и они, забрав свои игральные кости, поторопились спрятаться в спальном комнате. Слышно, как убегают из гостиницы маленький Бен, вновь хлопнув дверью, и как молится тетушка Дитси, умоляя Солнце прогнать белую хворь, украшенную золотым полумесяцем. А вот Гретту неслышно, и непонятно, где теперь прячется она. Точно не в одной из комнат — Избиратели зайдут и сразу

обнаружат ее. Выбегать отсюда тоже плохая идея, ведь охотники могут уже шагать по крыльцу. Запасных выходов нет. Ливви пробирается паника от мысли, что Гретта намерилась отвлечь внимание людей из ордена на себя. И кто, после этого, спрашивается, разыгрывает жертву?

Вдруг наступает мертвая тишина: затихают молитвы управляющей, огонь перестает трещать в очаге, стук игральные кости заглушается стенами гостевых спален. Ливви слышит лишь свои судорожные вздохи, выбегающие из ее вздувающихся ноздрей, и бешеный пульс в ушах. Сердце колотится по ребрам так, что на них могут остаться трещины. Точно затишьем перед бурей замерла вся гостиница... а потом входные двери разошлись в стороны, ударившись по стенам, и ветер забрался в прихожую вместе с воем ветра. Он потревожил оконные ставни, и те стали биться глухим стуком. Дитси громко ахнула, и в этом легком, парящем звуке, Ливви уловила настоящую агонию. Дитси не просто ахнула — она предупредила всех о надвигающейся бойне.

— Миледи. Могу я со своим друзьями рассчитывать на ночлег? — раздается незнакомый мужской голос. Он приятный, низкий и мягкий, как шелк. Ливви сложно поверить, что обладатель такого прекрасного голоса носит чудовищный белый плащ.

— М-мы... мы всегда рады помочь изнурённым путникам, но..., — хрипящий старостью голос Дитси выдает ее нежелание помогать Избирателям. Лив разделяет от прилавка управляющей недолгий коридорчик и входная арка в холл, но, даже невзирая на расстояние, она прекрасно чувствует напряжение, повисшее в прихожей, — разве у достойных господ в белом нет средств на приличную гостиницу? Почему вам наши скромные убранства?

— Потому что эта дыра не оставляет нам выбора, — бурчит другой голос, гораздо грубее первого. Второй мужчина звучал так, будто он уже держит кинжал у горла бедной старушки, — приличных гостиниц не найти среди северных пустошь.

— Мой друг хочет сказать, — поправляет тут же приятный голос, — что мы долго странствуем по северу и желаем немного отдохнуть. Найдется ли у вас место для троих человек?

— Ох... знаете..., — монахиня сопит, воздух со свитом выходит из ее приоткрытых губ. Лив даже представить боится, как бедной старушке сейчас страшно. Одно неверное слово и любой из прибывших Избирателей стянет скальп с ее маленькой поседевшей головы. Если она прогонит охотников, они не пощадят ее — но если позволит им остаться... Лив и Гретте придется попрощаться со спокойной жизнью.

Слышится шорох. Точно Дитси, испытывая терпение охотников, возится с перчатками или подолом фартука. Потом гремят железки. Она роется в ящике с ключами от комнат и сундуков для хранения вещей. Вместо того, чтобы вытянуть первый попавшийся ключ, она перебирает бородки, словно в надежде, что Избиратели уйдут, решив прекратить нудное ожидание. А воздух все еще свистит, выбираясь из ее открытых сухих губ, и каждый ее хриплый вздох вынуждает Ливви ежиться. Пламенная вжимается в уголок, втиснутая между холодной стеной и полками, и так крепко впивается рукой в свой рот, что на щеках остаются светлорозовые овалы от ее пальцев. Из ноздрей выходят горячие вздохи, и Лив пробирается ледяной ужас от мысли, что один из Избирателей ее слышит и уже стоит возле шерстяной шторы, готовый ворваться в ее маленькое укрытие. Но тут случается нечто другое — не успела монашка вручить мужчинам ключи, как в гостиницу прибыл Святейшество. Лив узнала его сразу, как только раздался знакомый старческий голос, пронизанный болезнью:

— Господа. Я польщен, — говорит дядюшка Барк, и слезы бросаются на золотые глаза Лив. Она знает: если дядюшка окажет сопротивление Избирателям, они убьют его. Возможно, мучительно, возможно, на виду у всех монахов и монашек. Потому что таков древний закон — сопротивление Избирателям карается смертью. Их не остановит не священность монастыря, ни ангелы, ни сам Бог. Никто не указ людям, одетых в белое, и тем более они не станут прислушиваться к такой молчаливой и тихой советнице, как совесть. В груди Лив накаляется жар, когда она понимает, что ее самые близкие люди — Гретта и Барк — не доживут до завтрашнего

дня из-за нее. Спасая милую никчемную Ливви они погибнут от руки охотников. Казалось, что дядюшка, что Гретта, всегда были к этому готовы. Во рту Лив вяжет горькая слюна от этой мысли, — впервые вижу на пороге своего монастыря белых гостей. Чем заслужил скромный слуга Солнца такую честь?

— Мы ищем ночлег, — отвечает мужчина с приятным голосом. Кажется, будто он прекрасно догадывается, что ему здесь ни рады, — вблизи столицы нет монастырей, но я слышан об их добродетели.

— Все верно, — в словах Барка слышится улыбка, скрывающая растущее презрение, — Солнце призывает возлюбить всех, кто сотворён из его тепла, и обязывает ни в коем случае не отказывать им в помощи. Я, как настоятель храма, исполняю его волю, — хромые шаги зашаркали возле прилавка. Видимо, дядюшка Барк сместил перепуганную Дитси, чтобы достать ключ. Снова гремят железяки, но в этот раз шум прекращается довольно быстро, и вот Лив слышит тихую благодарность, сказанную шепотом. Охотники взяли ключ, бросив невзрачное «спасибо», — Дитси, — обратился Святейшество к монашке, — будь добра, проводи уважаемых путников до их комнаты и помоги им обустроиться.

— Конрад, Поль, идите без меня, — вдруг заявляет приятный мужской голос, — я бы пообщался с настоятелем храма.

— Серьезно, Вик? У тебя остались силы на болтовню? — доносится третий голос, прозвучавший в беседе впервые. Ливви хмурится. Этот голос не так груб, как у второго, но и не так глубок, как у первого.

— Иди, Конрад, — настойчивее говорит мужчина, легонько толкая своего друга в плечи, — я присоединюсь к вам позже.

Коридор, отведенный спальным комнатам, заполняется топотом трех пар ног. Святейшество и один из охотников по имени Вик остаются в прихожей, но, увы, ненадолго. Уже в следующее мгновение, как только одна из дверей опочивален захлопывается, они вдвоем идут в холл. Чем ближе они были, тем громче пищали скрипучие половицы. Сердце Лив дрогнуло и замерло. Она сама вся натянулась и напряглась, как струна, и задержала дыхание, лишь бы не выдать своего присутствия. Сквозь тонкую щель шторы она видит, как в блеске извивающегося костра мельтешат два силуэта: один пухлый и низкий, второй, полная противоположность, высокий и стройный. Дядюшка Барк, извиняясь за свои больные ноги, садится на стул возле очага, а незнакомец присесть отказывается. Вместо этого он ходит по небольшому гостиному холлу, осматриваясь с таким лицом, будто он что-то потерял. Лив видит, как льется по его широким плечам белый плащ, как томно поблескивает золотой полумесяц в белоснежных складках, и слез в ее глазах становится больше.

— Так значит, вы настоятель храма? — вдруг охотник начинает разговор. Лив видит в прорези шторы дядюшку и радуется, когда не находит в его заплывших глазах пугливой растерянности. Вместо робости его пухлое лицо выражает сдержанность, твердость и уверенность, — что же это значит?

— Это значит, что я здесь главный, — улыбается Святейшество, и уголки тонких губ упираются в розовые щеки, — говоря вашим языком, я местный предводитель.

Незнакомец усмехается. Видно, оценил ловкое сравнение дядюшки.

— Кто нарек вас главным? — продолжает любопытствовать тот, шагая вдоль и поперек комнаты. Его лицо, длинное и светлое, украшенное белокурым витками волос, опущено в пол. Он что-то рассматривает, там, внизу, но Лив не может понять, что интересного он нашел в неровных краях плесневелых половиц.

— Остальные монахи, — пожал своими круглыми и мягкими плечами дядюшка, — они сами выбрали меня. Но, полагаю, это решение как и все прочие воля Солнца.

— Слышал, власть Безликого не особа сильна в северных краях.

— Судя по тому, что мне известно о столице, он и там почти забыт, — резко отвечает дядя Барк, и улыбка падает с его розового лица. Лив закусывает губу. Смелое заявление, больше напоминающее обвинение, звенело эхом в ее ушах. Что он пытался этим сказать? Что столица, угнетающая одаренных, превратилась в безбожную обитель порока? Что люди, рожденные под золотыми и мраморными кровлями усадеб, давно оставлены Богом? Святейшество имел право на это мнение, но вряд ли он имел право делиться им с Избирателем.

— Отнюдь, — отвечает абсолютно ровным тоном охотник, будто упрек Барка был не больше, чем плодом его воображения, — столица вся во власти Солнца. Так было в начале времен и так будет в конце. Благодаря нам милость Безликого еще нескоро оставит Эфирит.

— Нам? — губы дядюшки озаряются кривой улыбкой. Незнакомец уверенно кивает.

— Конечно. Что ваш монастырь, что наш орден, все это существует во имя Его. Наш долг — исполнять волю Солнца, дабы оно никогда не ушло из мира смертных, — незнакомец опустил к полу. Теперь он не просто разглядывал половицы, он их трогал, собирая крупички пыли белыми перчатками. Ливви, рассматривающая согнутую пополам белую фигуру, глубоко насупилась. Чем же он так увлечен? Казалось, внимательно наблюдающий за ним дядюшка тоже размышляет об этом, — храмы и белый орден должны быть сплочены. Мы боремся за одну идею. Согласны со мной, настоятель?

— Не понимаю, к чему вы клоните, господин.

В этот момент незнакомец выпрямляется, прекратив донимать половицы. На его ладони, скрытой за белой перчаткой, отчетливо виднеются несколько рыжих волосинок. Они словно искры, вылетевшие из костра прямоком в белоснежную вуаль сугроба. Дядюшка стискивает челюсти, и взгляд его тяжелеет. Лив, рассматривая свисающие с краев перчатки нити огненных прядей, с трудом различает рыжеватый блеск. Его подсвечивает пышущий жаром очаг. Избиратель, вытягивая вперед руку, смотрит на Святейшество, а Лив остается лишь разглядывать его белокурый затылок. Она быстро догадывается, как эта улика очутилась в холле гостиницы — волоски упали с ее головы или головы Гретты, пока они подметали полы. Вот почему перед уборкой следует заплетать косу.

— Вы же не станете идти против Божественной воли, настоятель? — аккуратно допытывается незнакомец, легким и невесомым взмахом стряхивая с руки волосы, — если бы в храме оказалась хоть одна Пламенная душа, вы бы не стали прятать ее, наперекор законам белого ордена?

— Разумеется, нет, — ровным, бесчувственным голосом отвечает дядюшка Барк. Лив требуется немало усилий, чтобы подавить рвущийся наружу всхлип, — правда, не понимаю, к чему эти разговоры о Боге. Ваша охота и Божественный замысел мало чем связаны.

— Вот как. Обычно, так говорят люди, которые, увы, имеют наглость противиться древним порядкам, — незнакомец шагает к Святейшеству с грацией хищника, подбирающегося к жертве. Тот, однако, не выдает опаски, и смотрит в длинное лицо Избирателя без всякого страха.

— Я отдал вере всю свою жизнь. Я вырос в этом монастыре. Познавал грамоту по святым писаниям и учился говорению, выводя сотни молитвенных строк, — дядюшка медленно встает со стула, его седая голова опрокидывается назад, и поблекшие от старости глаза вонзаются в лицо охотника с вызовом, — и ни разу, *ни разу* в Солнечных трактатах я не встречал и намека на одобрение рабства. Безликий дал Пламенным жизнь. Вы же, господин, ее отняли. Не нужно сравнивать мой монастырь с вашим богохульным орденом.

Наступает молчание. У Лив дрожат губы, из глаз наперебой выскакивают грозди слез. Она смотрит в щель, видит две фигуры, напряженные и враждебные, словно вышедшие на поле брани рыцари из разных королевств. Казалось, в любой момент начнется дуэль, нет, настоящая война. Страшнее той, что устроил Сильвуд, прозванный Отважным Изгоем. И Лив знала, что у старого, больного и немощного старика нет ни единого шанса на победу.

— Вы скрываете их, — говорит незнакомец, возвышаясь над Барком, как скала, вставшая клыкком над гладью моря. Его слова прозвучали как приговор, который нельзя ни обжаловать, ни смягчить. От всего происходящего у Лив закружилась голова.

— Вы не в силах этого доказать, — отвечает Святейшество, продолжая сохранять свой невозмутимый вид, — не станете же вы переворачивать вверх дном святое место? Не станете же вы лить кровь невинных в станах дома Солнца?

На кроткое мгновение чувствуется, что Избиратель сбит с толку. Не знает, чем парировать вопросы настоятеля, и не знает, как поступить. Лив успела надеяться, что охотник сдастся, прекратит накалять воздух своими угрозами и скроется в одной из спален. Ее наивность, как и всегда, породила лишь разочарование.

Избиратель хватается за рукоять меча, сталь выскальзывает из ножны со злостным лязгом, и сердце Пламенной падает в пятки. С искусанных губ срывается вздох. Она смотрит, как кончик лезвия упирается в пухлую шею дядюшки, и их силуэты размываются из-за новой порции слез.

— Если вы укрываете одаренных, — говорит незнакомец голосом менее нежным, чем раньше, — то ваша кровь не невинна. Она ядовита, отравлена ложной верой. И пролить ее — мой священный долг.

Он пнул Святейшество по колену, и старик, испустив приглушенный стон, рухнул на пол. Его седая голова опустилась, мягкий подбородок уткнулся в грудь, а меч, парящий в нескольких дюймах от его затылка, застыл в воздухе. В чистой грани отражался бьющийся в танце огонь, полыхающий в очаге.

Он убьет его, думает Лив, и эта мысль, пульсируя тревогой, проходит по голове волной. Мой дядюшка Барк умрет. Умрет из-за меня.

— Даю последний шанс сознаться мне, — требует незнакомец, меч, переливающийся пламенем, грозит войти в череп, — вы наверняка знаете, чем заканчиваются попытки идти против воли белых охотников. Или мне напомнить вам?

— Не стоит. Давайте не будем попусту тратить время, — говорит Барк, и его глаза, налитые кровью, поднимаются вверх. Меч все еще парит в воздухе.

— Я понял, что что-то не так, почти сразу, — вещает охотник, не уводя острия от седой макушки, — когда взошел на землю вашего монастыря, я почувствовал страх. Он был таким же явственным, как ветер, пронизанный холодом. Но еще заметнее был ужас. Я видел его в глазах служителей, что безмолвно следили за мной и моими товарищами. Сначала я подумал — они боятся нас, ровно как и все остальные. В этом нет ничего удивительного или странного, ведь любой в королевстве будет испытывать страх при виде белых плащей. Для этого необязательно укрывать одаренных. Но потом я увидел лицо той милой старушки из прихожей и все встало на свои места. Это был не страх перед охотниками. Это был страх за свою жизнь. Его, обычно, испытывают изменники, те, кто плевал на законы ордена. Поверьте моему опыту: я уже достаточно долго ношу белый плащ, чтобы различать эти два похожих чувства.

— Ну так чего вы ждете? — спокойно отвечает Барк и подается вперед, насаживая свою шею на острие, — вы сделали выводы. Ваше чутье, как и говорят в народе, остро, словно осиное жало. Но я не стану потакать вашей жестокости из страха. Думаете, я боюсь смерти? Она приведет меня к Солнцу. И восходя к нему я буду знать, что отдал душу в борьбе со злом.

Незнакомец не отвечает. Вместо слов он извергает невнятный звук, помесь вздоха и рыка, а его рука, держащая меч, взлетает в замахе. В следующее мгновение сталь окажется в голове дядюшки Барка; он, зажмурившись, ожидал ее удара. Но удара не последовало. Лив, выскользившая из своего укрытия, отвлекла Избирателя криком:

— Нет! — меч снова застывает в воздухе. Незнакомец поворачивается через плечо и смотрит на рыжую незнакомку черными, как уголь, глазами. Смотрит до одури неотрывно, пристально. Обводит глазами каждую детальку ее силуэта, изучает так подробно, словно она

страница книги, исписанной увлекательным сюжетом. Лив осторожно шагает навстречу охотнику и тоже разглядывает его, но не с интересом, а с мольбой. Безмолвно умоляет его о пощаде. Она вытягивает вперед руки, и из-под рукавиц высовываются тонкие кисти, подрагивающие от волнения — охотник невольно пускает взгляд на них. Его светлое лицо озаряется замешательством.

— П-прошу..., — слезы забили все пазухи. Комок соплей, перекрывший глотку, мешал ей глубоко вздохнуть. Лив, тянувшая руки к незнакомцу, призывала связать их, — я п-пойду с вами. П-пойду, честное слово. Только пощадите дядюшку.

— Он оказал сопротивление, — ответ, звучащий, как отказ, окатил Лив новой волной жара. Она перевела взгляд с охотника на дядюшку и пожалела об этом. Его лицо, дотоле сердитое и непреклонное, полностью изменилось. Он сидел на коленях, смотря на Пламенную стеклянными глазами, смотрел на нее так, будто ее вид причиняет ему боль. Лив дернула губу зубами.

— Простите его, — шепчет она, жмуря веки. Еще одна кристальная горошина упала на щеку, — молю, простите его. Я сделаю все, что велите, только не трогайте дядюшку.

— Ангел мой, что же ты наделала..., — скорбь, звенящая в голосе Святейшества, зарядила Лив оплеуху. Ее почти покачнуло из-за чувства вины, сожаления и страха разлуки. Даже если Избиратель смилуется и оставит его в живых, Лив навеки покинет монастырь и больше никогда не увидится с дядюшкой. Не будет учиться грамоте в скриптории, не услышит его молитв, не увидит доброй улыбки и не почувствует мягкой руки, глядящей ее затылок. Она потеряет своего защитника, своего наставника, своего *отца*. Отца не по крови, но не менее родного.

Избиратель вдруг опустил меч. Пока Лив, глотающая слезы и давящаяся всхлипами, стояла, зажмурив веки, сталь спряталась в ножнах. Девушка медленно распахнула глаза. Охотник отошел на пару шагов назад.

— Хорошо, — сказал он, испепеляя взглядом ее затылок, спрятавшийся за копной густых и непослушных волос. Он отошел ко входной арке, наблюдая за ними оттуда, — ты сдержишь слово, Пламенная? Если я пощажу его, ты будешь послушна?

— К-конечно, — она суетливо вытирала мокрые щеки, попутно очищая лицо от прилипших волосинок. Быть послушной — лучший из ее талантов, — м-могу я... могу я обнять дядюшку напоследок?

Охотник кивнул, поджав губы. Лив подумывала о том, что он удивительно добр. После всех рассказов Гретты о белых монстрах в плащах она представляла их совсем иначе. Этот мужчина, награжденный природой белокурыми волосами и угольно-черными глазами, не должен был щадить дядюшку. И ее не должен был слушать. И, чего уж там, не должен был позволять им прощаться. Но позволил. Лив шмыгнула носом и повернулась к Святейшеству — лицо его так искажено болью, словно тело изрезано ножом на лоскуты. Но, к счастью, Барк был цел и невредим, и все благодаря милосердному охотнику.

— Нет, дочь моя, — дядюшка хлюпает носом, обнимая Пламенную за плечи. Она помогает ему подняться на ноги и орошает его пухлую шею слезами, — как же так? Как же я теперь буду без своего ангела?

— Со мной все будет хорошо, — она пытается утешить его, но говорит дрожащим голосом и плачет навзрыд, так, что грудь начинает пульсировать при вздохах.

— Этого не должно было случиться. Не должно..., — повторяет он, воя от горечи. Его голос режет одаренной слух. Она мельком смотрит на своего похитителя, смиренно ожидающего на пороге холла в проеме арки. В нем нет и капли злобы, ликования или насмехательства над их горем. Может даже показаться, будто он им сожалеет.

— Спасибо за все, дядюшка, — шепчет Лив и, прежде чем отстранится, крепко прижимается ладонями к его груди и их озаряет золотой свет. Барк, пораженный теплом ее рук, смот-

рит на Пламенную широко раскрытыми глазами. Она щупает больные легкие, больное сердце, больной желудок — дар шептал ей, что у Святейшество почти не осталось здоровых органов — а затем, со скоростью сверкнувшей молнии, его тело исцеляется. Теперь он полностью здоров. Лив отходит на шаг назад и вяло ему улыбается.

— Нет... Совушка, что ты наделала? — молвит он, трогая свою грудь. Он смотрит то на ладони Пламенной, то в ее золотые глаза, вид его остается растерянным, — я же говорил тебе. Говорил, что не надо...

— Прощай, дядюшка, — она целует его в лоб, улыбается трясущимися уголками губ и поворачивается к Вику. В этот момент их взгляды сталкиваются, и Лив понимает, что не испытывает перед охотником страха. Он ничуть ее не устрашает. Он протягивает ей руку, на его алых губах лежит мягкая улыбка, необычная, будто завлекающая в ловушку. Будто за ее приторным фасадом скрывается нечто дурное, но Ливви, с рождения не способная разглядеть второе дно, не видит ничего подозрительного. В ее сердце теснится боль от разлуки и смирение. Принимая протянутую руку и трогая ворсистый бархат белой перчатки, она вовсе задумывается: точно ли перед ней Избиратель, или он один из добрых рыцарей, наподобие тех, что живут на строках любовных поэм?

— Простите, — говорит вдруг охотник, смотря через плечо Лив на погрязшего в горе старика. Барк сидит напротив очага, спрятав лицо в ладонях, — простите за то, что угрожал вам.

Святейшество молчит. Конечно, что ему сказать человеку, который только что разрушил жизнь его любимой воспитанницы? Вик аккуратно сжимает пальцы Лив в своей ладони, безмолвно намекая, что им нужно идти — девушка, как и обещала, не противиться. Она чувствует непонятную нежность в его прикосновении — в прикосновении охотника, который наверняка погубил немало душ. Только эта мысль не позволяла Пламенной растаять в его руках. Она подняла взгляд к его глазам и, сама того не заметив, утонула в их черной пучине.

И вдруг из ниоткуда выпрыгивает Гретта. Лив не успела прийти в себя, как перед ней мелькнуло стройное тело подруги. Она оттолкнула Ливви назад и, вооружившись ключом, поранила щеку Избирателя. Лицо у Гретты искривляется от ярости, рука дрожит, волосы, отливающие огненным блеском, взлохмачены. Видать, она пряталась за прилавком Дитси, где достала ключ и откуда перешла в нападение. Ее появления не ожидал даже сам Вик. Он отшатнулся, дотронулся до царапины на щеке и несколько капель крови упали на подушечки пальцев. Алая полоса шла от уголка губы до скулы. Еще немного, и он бы лишился глаза.

— Гретта! — ахнула Ливви в ужасе, боясь даже представить, что теперь с ними сделают Избиратели. Гретта, судя по всему, так охвачена гневом, что ей на последствия глубоко плевать.

— Беги, Лив, — цедит Гретта, толкая подружку к выходу. Меж ее тонких изящных пальцев торчит острая бородашка ключа, томно переливающаяся кровавым следом. Ливви, тем не менее, не двигается.

— Твоя подруга дала обещание, — спокойно произнес Вик, выпрямившись и расправив плечи. Лицо его выражало исключительное равнодушие. Глубокая ссадина на лице пестрела бордовым, — она обещала быть послушной взамен на жизнь настоятеля.

— Я тебе таких обещаний не давала, — едва ли не рыком отвечает Гретта, ее разъяренные глаза мечутся от напуганной Лив до ошеломленного дяди Барка, наблюдающего за ними с открытым ртом. Охотник продолжает выказывать смирение. Ни один мускул в его теле не дрогнул, хотя он вполне мог отрезать ей руку за столь рьяное сопротивление, — ну же, Лив, почему ты стоишь? — тараторит Гретта, но та, как всегда, гораздо лишь тихонько плакать.

— Гретта, не надо, — шепчет она, медленно подходя к подружке. После смерти Сильвуда ее разум и так страдал, а теперь, казалось, она окончательно свихнулась, — бороться бессмысленно. Давай не будем злить их, умоляю, — трясущаяся и мокрая ладонь Лив коснулась

сжатого кулака, откуда торчала бородавка ключа. Забавно, как схожи их мысли в этот момент — обе думают друг о друге одинаково. Лив считает Грету безумной, и Грета считает Лив такой.

Глаза Гретты бурлят чувствами: она смотрит на подругу одновременно с жалостью и негодованием. Смотрит, как на предателя и как на младшую сестренку, что боится не угодить родителям и получить подзатыльник. Их безмолвная беседа прерывается, когда Вик, потерявший терпение, хватает красную копну волос Гретты и тянет ее на пол. Лив громко ахает, смотря на Избирателя широко разинутыми глазами, дядя Барк вспрыгивает со стула, словно натянутая пружина.

— Отпусти ее! — почти кричит Святейшество, впервые за долгое время его тон чист и грозен, не уязвлённый болезнями. Вик не реагирует на голос — его глаза устремлены в лицо Лив, на котором не осталось сухого места. Гретта усердно врывается, пытается поцарапать охотника, но каждое ее движение посылает лишь волны боли. Хватка на волосах становится крепче.

— Я убью ее, — спокойно оповещает Избиратель, и у Лив кружится голова от страха, — убью за попытку навредить мне, охотнику при исполнении.

— Нет, — ноги ее ослабели, — нет, не надо, она не ведала, что творит! Хотите, каяться за нее буду? — голос Лив съезжает на писк. Вик сжимает челюсти, почему-то он не в силах отвернуться от ее искаженной страхом физиономии, — хотите, на коленях молить буду? Хотите, приму наказание вместо нее?

— Лив, — рычит Гретта злостно, обхватывая пальцами белую перчатку, запутавшуюся в ее волосах, — не смей унижаться перед этим подонком. Это ему самое место на коленях.

— Кажется, твоя подружка очень хочет умереть, — нервной улыбкой отвечает Вик, на его руке остаются вырванные клочки ее волос, — что будем с этим делать?

Лив открывает губы, чтобы ответить, но замолкает, когда чувствует холодок острой стали у своей шеи. Некто, подобравшийся сзади, приставил кинжал к ее горлу. Вик смотрит на своего товарища и его хватка слабеет.

— Охренеть. Аж две Пламенные, — ахает мужчина, обладатель грубоватого голоса, и Лив громко сглатывает, посматривая вниз, на стальные грани, в которых отражаются ее напуганные золотые глаза, — я богат, мать твою.

— Поль, — предупреждающе говорит Вик, — отпусти ее.

— Ты думаешь, я намерен убить ее? — смешком отвечает Поль, его кинжал все также осыпает смертельными поцелуями нежную кожу одаренной, — я по-твоему совсем идиот? Она нужна мне живой. Мне платят за живых Пламенных, а не мертвых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.